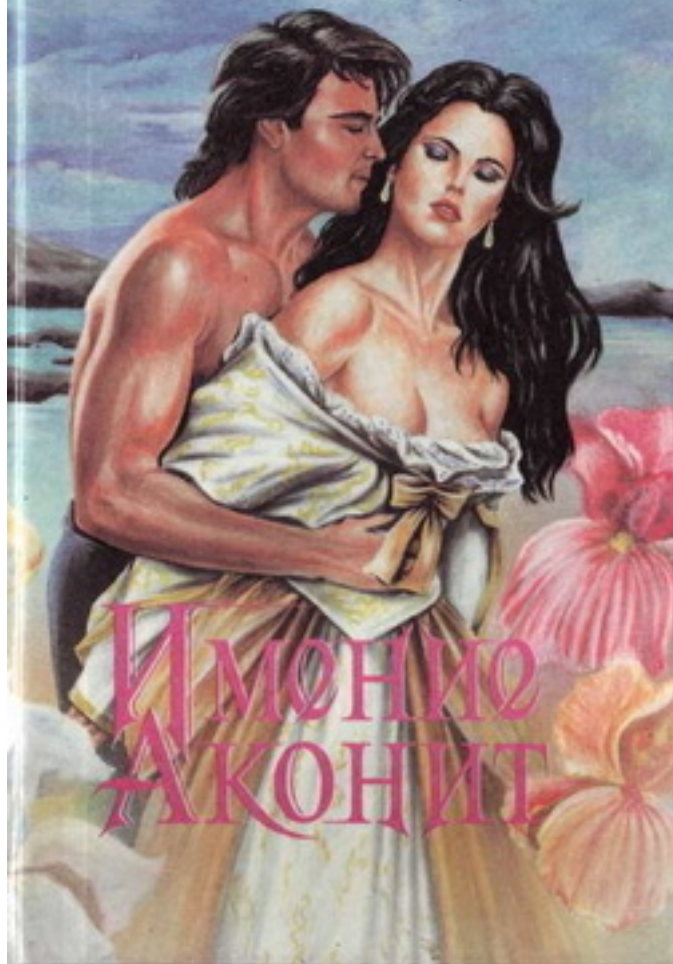

Анни Мэтер

Имению
Аконит

Энн Мэтер

Имение Аконит

OCR Anita

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160067

Имение Аконит: КУБК-а; Москва; 1994

ISBN 5-85554-071-5

Аннотация

Им обоим дорого имение «Аконит», но как же они ненавидят друг друга!

Нежданное наследство в один миг усложняет спланированную наперед жизнь Мелани. Вскоре она должна выйти замуж за лондонского адвоката, и жизнь в шотландской глубинке никак не входит в ее расчеты. Чтобы принять окончательное решение, Мелани отправляется в Шотландию. Там она встречает Шона Босуэла, который считает имение своей собственностью. Хотя у него есть моральное право на владение этой землей, Мелани не согласна расстаться с «Аконитом». Может, нежелание избавиться от наследства связано с ее чувствами к Шону?

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	23
Глава третья	45
Глава четвертая	65
Глава пятая	92
Глава шестая	111
Глава седьмая	137
Глава восьмая	162
Глава девятая	182
Глава десятая	202
Глава одиннадцатая	217
Глава двенадцатая	237

Энн Мэтер

Имение Аконит

Глава первая

Снег пошел, когда Мелани выехала из Форт-Уильяма, мелкие неистовые белые зернышки заволакивали ветровое стекло, несмотря на настойчивые усилия щеток. Но теперь хлопья сделались большими, мягкими и тяжелыми и не поддавались замедленным движениям щеток, неуклюже, тяжело-весно налипая на ветровое стекло и почти лишая ее обзора. Мелани подавила возникшее в ней чувство паники, вызванное этой ситуацией, успокаивая себя тем, что ей не так далеко осталось ехать до места назначения. В конце концов, она не так давно миновала знак поворота на Лох Кейрнросс и, даже учитывая задержку, должна была с этого момента проехать несколько миль. Однако темнота сгущалась, и хотя до вечера было еще далеко, Мелани почувствовала беспокойство. Она даже готова была признать правоту Майкла, который назвал глупым и безответственным ее намерение в середине декабря проделать за рулем машины весь путь от Лондона до Кейрнсайда.

И теперь она угрюмо всматривалась в метель, пытаясь различить какие-то признаки цивилизации в лежавшей пе-

ред ней дикой местности. Здесь наверняка должны быть какие-нибудь обитатели, даже если это оказались бы пастух или фермер. Она припомнила истории, которые читала о горных местностях Шотландии, об уединенной жизни на фермах в изолированных долинах между холмами, и совсем пала духом. Вслед за этими мыслями пришли другие – об автомобилистах и туристах, отрезанных непогодой в своих автомобилях или на заброшенных постоянных дворах и найденных через несколько дней погибшими от холода и истощения...

У нее вырвался глубокий вздох. Она заставила себя думать только о хорошем и о том, что нет никакой причины предполагать, что она попадет в ловушку снежного заноса или случится что-нибудь подобное, а пока автомобиль продолжает двигаться, она находится в полной безопасности.

И тут в голову ей пришла еще одна мысль, заставившая ее невольно замедлить движение машины. Раз сгустилась такая тьма, то что может помешать ей сбиться с дороги и съехать в трясины в болотистой местности или свалиться в один из лохов¹? Как различить путь под толстым слоем снега?

Мгновение спустя колеса снова быстро завращались. Но потеря скорости и ее попытки жать на газ, чтобы как можно скорее достичь места назначения, привели к тому, чего она до сих пор избегала, осторожно ведя машину, – ей стало ясно, что чем больше она подгоняет двигатель, тем глубже ко-

---

¹ Лох – общее название узких глубоких озер в горах Шотландии.

леса погружаются в снеговую кашу.

Застегнув на верхнюю пуговицу пальто из овчины и натянув на голову меховую шапку, лежавшую рядом на сиденье со вчерашнего дня, с тех пор, как она выехала из Лондона, она толкнула дверцу и выбралась из тепла и комфорта машины в ослепляющий холодный вихрь метели. Неожиданный ледяной порыв на мгновение лишил ее дыхания. Но она не стала терять времени и попыталась осмотреться кругом, однако ничего не было видно дальше чем на несколько футов, и она склонилась к задним колесам машины. Как она и подозревала, колеса облепило снегом и они совсем потеряли сцепление со скользкой поверхностью дороги. Она со вздохом выпрямилась и смахнула со лба пряди волос, мокрые от налипшего снега, который таял на ее лице. Что делать? Она не имела понятия, где находится, ей не приходилось раньше бывать в Шотландии и уж тем более в этом удаленном горном районе, и в одиночестве она чувствовала себя несравненно хуже, чем с кем-нибудь, кто мог бы ей посочувствовать.

Решив, что, несмотря на отчаянное положение, ей лучше не мокнуть в снегу, она снова забралась в машину и взглянула на часы. Едва миновало полчетвертого, но в этой холодной пустоши казалось, что наступил ранний вечер.

Дрожа, она огляделась вокруг, и глаза ее наткнулись на чемоданы на заднем сиденье. Там были ее вещи, и в голову ей пришла идея. Если она вынет оттуда часть одежды, старой

одежды, и подложит под заднее колесо машины, ей, может быть, удастся заставить автомобиль двинуться снова, а затем попытаться доехать до какого-нибудь селения.

Повернувшись назад, она стала коленями на сиденье и, вытащив из сумочки ключи, открыла один из чемоданов. Оглядев представшую ее взгляду массу шерстяных вещей и белья, она задумалась, сможет ли использовать все это для своего замысла, понимая, что все, что употребит, будет потеряно безвозвратно, потому что она не сможет остановиться и подобрать вещи из снега. Она прикусила губу.

Нет, надо думать конструктивно. Что пользы будет от этих вещей, если она замерзнет насмерть в этой ловушке?

Она решительно вытащила два шерстяных свитера, которые, как ей показалось, лучше всего подходили для ее замысла, затем снова выкарабкалась из машины и, нагнувшись, стала запихивать шерстяные вещи под задние колеса. Ветер свистел в соснах, стоявших на краю дороги, и колючие частички снега секли ее по щекам. Она отчаянно пыталась сохранять спокойствие, в то время как все вокруг, казалось, решило возбудить в ее душе паническое настроение, и так сосредоточилась на том, что делала, что не заметила ни пробивающегося сквозь тьму отсвета фар, ни перекрывающего шум ветра рокота мотора.

Однако она быстро осознала, что происходит, и едва успела подняться, как рядом остановился большой рэйндж-ровер, обдав ее снеговой жижей. Дрожащая и почти бездыхан-

ная, как от холода, так и от шока, Мелани разглядела человека, который, покинув место водителя, тяжелым шагом направился в ее сторону. Трудно было разобрать его очертания в такой слепящей метели, но она поняла, что это высокий, широкоплечий мужчина, и облегчение пересилило все остальные ее эмоции.

Она уже собиралась как-то поблагодарить его за своевременное появление, но он остановился перед ней и резко произнес сердитым тоном:

– Вам что, жить надоело?

Мелани беспомощно посмотрела на него, прикрывая глаза рукой в перчатке.

– Прошу извинить меня, – начала она.

– О, англичанка! – раздраженно пробормотал он, глядя на задние колеса ее автомобиля и ее шерстяное снаряжение. – И это то, что вы собирались сделать?

Он говорил с совсем незаметным акцентом, но его бесцеремонные манеры не оставляли никакого сомнения, что перед нею кельт, и, насколько она могла рассмотреть, привыкнув к темноте, волосы его были густыми и очень темными на фоне снежной белизны.

– Моя машина застряла, как видите, – снова принялась объяснять Мелани, не обращая внимания на его раздражающее поведение.

Мужчина насмешливо окинул взглядом машину.

– Этот экипаж явно не рассчитан на езду по такой мест-

ности, – сухо отметил он.

Мелани с трудом выдерживала его тяжелый нрав.

– Да, – осторожно согласилась она, – я согласна, что он приспособлен к более – скажем так – цивилизованным дорогам!

Углы рта у мужчины слегка приподнялись в легкой улыбке:

– Несомненно, это так. Но куда, собственно, вы направлялись?

– В Кейрнсайд. Далеко ли мне туда добираться?

– Если считать по полету вороны, то нет. Всего пару миль. А той дорогой, которой ехали вы, вам удалось бы добраться туда только завтра.

Мелани сжала губы.

– Что вы хотите сказать?

Он пожал плечами.

– А вы как думаете?

– Я ехала не в том направлении?

– Совершенно верно. – Он наклонился и подергал свитера, которые она сунула под колеса. – Вам лучше их бросить. Мне кажется, они теперь не годятся для дальнейшего употребления.

– Так что же вы имеете в виду? – Мелани уже не заботилась о приятности тона. – Где я свернула на неправильную дорогу?

Он насмешливо усмехнулся.

– Может быть, ответ известен вам лучше, чем мне. Но вы пропустили поворот на Кейрнсайд в полумиле позади.

– Что? – испугалась Мелани.

– Боюсь, это так.

Он снова пожал плечами и менее ехидным тоном добавил.

– В таких условиях это было несложно. Я заметил следы ваших колес и поехал по ним. Если бы вы продолжали ехать прямо, то вероятнее всего закончили бы свой путь в Лох Кейрнросс!

– Что?!

Мелани ужаснулась, и у нее подкосились ноги, когда она поняла, как близко она была от гибели. Облокотившись на кузов машины, чтобы не упасть, она пролепетала:

– Я, я думаю, что обязана поблагодарить вас.

Он покачал своей темной головой:

– В этом нет необходимости. Я сделал бы то же самое ради любого. Однако вам придется оставить здесь на ночь вашу машину. Я не намерен брать ее на буксир в такую погоду. Если вы перегрузите свой багаж в ровер, я отвезу вас в отель. Автомобилем вы займетесь, когда кончится непогода.

Мелани заколебалась:

– Да, вы очень добры. Но я не знаю даже вашего имени.

Он нахмурился и обошел ее, чтобы открыть заднюю дверь ее машины и вытащить чемоданы. Он захлопнул открытый чемодан без всякого уважения к его содержимому и только потом обернулся и произнес:

– Я не считаю, что сейчас подходящее время для формальностей, однако, если это для вас так важно, можете называть меня Босуэлом.

– Босуэл! – Мелани с недоверием уставилась на него. Похоже было, что это имя ему подходило вполне. – А я... э... Мелани Стюарт!

Босуэл словно не слышал ее или же не придал этому никакого значения, и Мелани только посторонилась, когда он понес ее чемоданы к роверу.

– Вам лучше забраться внутрь, – бесцеремонно посоветовал он, – пока вы не замерзли насмерть! Вашу машину я запру. Ключи там?

Мелани кивнула и покорно залезла в его машину. Внутри было настолько теплее по сравнению с бушующей снаружи мокрой метелью, что она только теперь начала понимать, насколько продрогла. Пальцы на руках и ногах онемели, а струйка воды стекала за воротник.

Босуэл запер ее машину и шел к рэйндж-роверу, подбрасывая и ловя рукой в перчатке ее ключи. Он пнул сапогом каждую из шин своего автомобиля, словно проверяя их работоспособность, прежде чем занять место на переднем сиденье рядом с ней. Затем включил внутреннее освещение и в первый раз пригляделся к ней без защитной завесы снежных хлопьев.

Мелани со своей стороны нашла это его исследование назойливым, и с досадой почувствовала, что горячая краска

перешла с ее шеи на лицо. Очевидно, он нашел ее внешность интересной, но она решила не отвечать взаимностью на эту высокомерную оценку; такие грубо обтесанные черты были ей безразличны. Он был отнюдь не красавцем; она с уверенностью могла бы сказать, что его нос был когда-то сломан, его глаза слишком глубоко посажены, а скулы выдаются слишком сильно, хотя она не смогла бы отрицать, что некоторые женщины сочли бы его чувственный рот и пристальный взгляд светлых глаз из-под черных бровей привлекательными. Она уже заметила, что ростом он был примерно пять футов десять дюймов, всего на три дюйма выше ее, но широк в плечах и мускулист, и именно эта его очевидная мужественность больше всего раздражала ее. По ее мнению, он был типичным образчиком тех мужчин, которые держали в страхе Пограничье во времена, когда Англией и Шотландией правили разные королевы, и когда его тезка Босуэл² правил тысячами своих земляков.

Мелани была так поглощена своими мыслями, что, когда он заговорил, она вздрогнула.

– В самом деле, что делает здесь такая девушка, как вы, в самый разгар зимы?

Мелани закусила губу. Откровенность этого вопроса соответствует его манерам, подумала она и ей захотелось сказать ему, чтобы он больше интересовался своими собственными

---

² Босуэл – Джеймс Хепберн (1536—1578), граф Оркнейский, третий муж шотландской королевы Марии Стюарт.

делами. И только сознание того, что он единственный человек, способный вернуть ее к благам цивилизации, заставило ее передумать. До некоторой степени он оставался для нее неизвестной величиной и определенно был не из тех мужчин, к которым она привыкла. Ей он казался примитивным и неотесанным мужланом. Ее возмущала его уверенность, что если он ей помог, то вправе быть в курсе ее личных дел и оказывать в них первоочередную помощь.

Поэтому она сказала:

– Я еду в гостиницу «Черный бык» в Кейрнсайде.

Черные брови Босуэла поднялись.

– В самом деле? Это необычное место для посещения в эту пору года. Окрестности Лох-Кейрнрасса не оборудованы для лыжного спорта, и мы не очень заботимся о развлечениях.

Мелани облизала пересохшие губы.

– Все в порядке, мистер Босуэл, меня вовсе не надо развлекать.

Его глаза сузились, пожав плечами, он резко повернулся, выключил внутреннее освещение и запустил двигатель. Круто развернув машину, так, что ее прижало к дверце, он поехал обратно, в ту сторону, откуда появился. Рэйндж-ровер энергично преодолевал путь, вскоре они повернули, и Мелани догадалась, что они вернулись на дорогу.

Снег валил уже не так густо, и небо заметно посветлело, освещая дорогу лучше, чем фары. Ветер все еще завывал во-

круг, но теперь Мелани по крайней мере знала, куда едет. Босуэл оказался, между прочим, весьма опытным водителем, и она вполне положила на его умение, поняв, с какими огромными трудностями пришлось бы ей столкнуться на этой заледеневшей дороге. Босуэл больше не заговаривал с ней, и она догадывалась, что ее последняя фраза разъяснила ему ее отношение к его персоне. Что бы он там ни думал, она была счастлива. Он в общем слишком встревожил ее, уделив ей внимание, и она намеренно обратилась мыслями к Майклу. Она попыталась представить себе, как бы он оценил ее спутника, и решила, что он счел бы его подавляющую мужественность неприятной.

Дорога внезапно резко пошла вниз, и Мелани сползла с сиденья, прежде чем смогла уцепиться за его край и снова сдвинуться назад. С обеих сторон дороги тянулся сосновый лес. Ветви сосен были нагружены снегом, но поверх них она могла уже рассмотреть вершины гор, возносившихся над этой местностью. Она хотела спросить, что это за горы, но не решалась прервать установившееся между ними молчание, а вскоре дорога снова вышла на ровное место, и она поняла, что они въехали в узкую долину.

Впереди засветились огни, и она подалась вперед, с нескрываемым воодушевлением всматриваясь в них. Когда они подъехали ближе, стало ясно, что это и есть цель ее путешествия. Отель примостился у подножия высокой горы, вершина которой скрывалась в тумане, а на нижних склонах

темнели заросли сосен, которые подступали к самой гостинице. «Черный бык» выглядел приветливо при своих компактных размерах, струйки дыма вились из труб, множество которых возвышалось над его крышей, а лай собак возвещал о прибытии гостей. Мелани откинулась на спинку сиденья с облегчением. Она добралась до места, и на сегодня это было все, с чем ей нужно было управиться.

Босуэл поставил рэйдж-ровер на площадке перед отелем и, выключив зажигание, молча вышел из машины. Мелани подхватила перчатки и сумочку и принялась возиться с замком дверцы.

Но прежде чем она смогла отворить дверцу, он распахнул ее перед ней, повернулся и пошел в отель.

Пока Мелани выкарабкалась наружу и захлопнула дверцу, он уже исчез, и ей пришлось входить в отель одной. Ей кстати было бы сейчас его сопровождение, и она подходила к дверям с некоторой тревогой. Что, если нет свободных комнат? А вдруг отель вообще закрыт?

Миновав тяжелые дубовые двери, она была приятно удивлена. За маленьким вестибюлем находился небольшой приемный холл, выстеленный ковром и обставленный старой, но тщательно отполированной мебелью. Здесь была регистрационная стойка с конторкой и колокольчик для вызова слуги, хотя свет был неяркий, это все-таки был электрический свет.

Ободренная столь очевидными удобствами, Мелани по-

дошла к конторке и позвонила, удивляясь тому, куда пропал Босуэл. Здесь не было никаких признаков его присутствия, и она тайком бросила взгляд на лестницу с деревянными перилами, которая вела на верхний этаж.

Дверь за регистрационной стойкой открылась, и появилась молодая женщина. Она тоже выглядела неожиданно. Маленькая, очень светлая блондинка с округлыми формами, которые ясно вырисовывались под обтягивающим шерстяным платьем. Она любезно улыбнулась Мелани и спросила:

– Да? Чем я могу вам помочь? – с несомненным шотландским выговором.

Мелани улыбнулась в ответ.

– Э... я понимаю, что это слишком краткий срок, но, может быть, вы приютите меня на пару ночей.

Девушка была слегка удивлена.

– Я думаю, это можно устроить, мисс... э...?

– О, Стюарт, Мелани Стюарт, – наконец представилась Мелани. – О, слава Богу! А я боялась, что у вас все занято или вы в это время не принимаете постояльцев!

Девушка заглянула в книгу.

– В это время года у нас всегда много комнат, – успокаивающе сказала она. – Здесь у нас живут один-два постоянных гостя, но они вас не беспокоят. – Она вопросительно подняла глаза. – На пару ночей, вы сказали?

Мелани прикусила губу.

– По крайней мере, на две, – неуверенно сказала она. –

Я... э... должна уладить кое-какие дела тут по соседству и не знаю, сколько это может занять времени. Скажите, далеко ли до селения?

Девушка нахмурилась.

– Это очень маленькая деревня, мисс Стюарт. Но так или иначе, она находится в полумиле вниз по долине. – Она заколебалась, видимо, ей было любопытно узнать, что заинтересовало Мелани в этой деревне, но Мелани в данный момент не собиралась ничего объяснять, оставив это на более удобное время.

– Моя э... машина осталась у дороги в нескольких милях отсюда, – сказала она. – Я думаю, что если здесь есть гараж...

– Понимаю. – Девушка повела плечами. – Ближайший гараж находится в Россморе, в пяти милях отсюда. Вы вполне могли бы позвонить им завтра, если погода улучшится.

– О, да! Спасибо. – Мелани огляделась вокруг. – Э... меня подвез мистер Босуэл. Он тоже вошел в отель. Вы, случайно, не знаете, где он? Я хотела бы поблагодарить его. О, и мои чемоданы остались на заднем сиденье его автомобиля.

Девушка после минутного колебания повернулась и подошла к двери, которая вела в помещение за конторкой. Отворив дверь, она позвала: «Шон!» достаточно резким тоном и вскоре оттуда появился Босуэл собственной персоной. Он скинул отороченную мехом куртку, в которую был одет, и казался еще более чернявым и мускулистым в темных облегающих брюках и морском свитере с воротником поло. Мела-

ни не терпелось спросить, по какому случаю он здесь оказался. Но она подумала, что он охотно вообразит себе, что она снова хочет привлечь к себе внимание, и решила не строить догадок по поводу его отношений с девушкой из конторки.

Поэтому она была весьма краткой в выражении благодарности, а он вежливо склонил голову в ответ на ее слова. Она подумала, что он прекрасно сознает все неудобство, которое она испытывает, и потому его лицо приобрело выражение сардонического удовольствия, когда он произнес:

– Поверьте, это не стоит благодарности. Я привык спасать измученных ягнят, а ваше положение мало чем отличалось! – Мелани изобразила вымученную улыбку и снова обернулась к девушке:

– Я сейчас схожу за своими чемоданами.

Босуэл вышел из-за стойки.

– Я принесу их, – произнес он тоном, не терпящим возражений, на что Мелани не слишком любезно ответила:

– Спасибо!

Девушка с любопытством наблюдала, как Мелани после того, как Босуэл исчез за дверью, беспокойно переминалась с ноги на ногу под ее взглядами. Боже, раздраженно думала она, кто она такая? Чудачка или что-то вроде этого?

Босуэл появился через несколько минут и остановился в холле с чемоданами в обеих руках. Девушка вручила Мелани ключи и сказала:

– Номер семь. Вверх по лестнице третья дверь направо.

– Благодарю вас. – Мелани взяла ключи и направилась к лестнице.

– Горничная поднимется позже и приготовит вам постель, – продолжала девушка, бросив задумчивый взгляд на Босуэла, который знаком показал, что Мелани должна подняться по лестнице впереди него.

Мелани колебалась не дольше секунды, а затем начала подъем по деревянным ступеням. Наверху они сделали полукруг и закончили маленькой площадкой, от которой начинался коридор. Она окинула взглядом коридор, и Босуэл нетерпеливо кивнул.

– Номер седьмой, – подтвердил он.

Мелани уже шла по коридору, когда открылась одна из дверей, из нее вышел старик и остановился, глядя на нее с любопытством. Босуэл небрежно приветствовал его, и старый человек нахмурился.

– Кто это, Шон? – спросил он настороженно.

Босуэл поставил чемоданы Мелани перед дверью номера.

– Это мисс Стюарт, Алистер, – ответил он, расправляя плечи. – Наша гостья.

– А, значит так? – Старик сурово уставился на Мелани. – Я не сказал бы, чтобы мы кого-то ожидали.

Брови Мелани поднялись, но Босуэл лишь пожал плечами.

– Я ничего не знал об этом визите. А вы идете пить чай? Старик протопал к лестнице.

– Ну да, да, – пробормотал он под нос, а Босуэл с легкой улыбкой повернулся к Мелани.

– Ладно, – сказал он, – дальше вы сами управитесь.

Мелани замешкалась с ключами, и он, протянув руку над ее головой, толкнул дверь.

– Не заперто, – сказал он, хотя его никто не просил о комментарии. – Боюсь, что мы здесь не слишком заботимся о безопасности.

Мелани поджала губы и после того, как он включил свет, вошла в комнату. Надо признать, комната была очень привлекательная, с цветными набивными занавесями и украшенной бахромой накидкой на кровати. Мебель из светлого дуба, старая, как и внизу, блестела от многолетней полировки. Босуэл задернул занавеси и взглянул на нее, а она сразу же стала затаскивать в комнату чемоданы, лишь бы избежать этого горящего взгляда.

– В номерах нет ванн, к сожалению, – продолжал он, – но в конце коридора две ваннные комнаты, и если вы поздно встаете, у вас не будет проблем.

В его голосе снова слышались саркастические нотки, и Мелани отреагировала на них:

– Почему вы думаете, что я поздно встаю?

– Горожане, как известно, не занимаются хозяйством поутру, – заметил он насмешливо.

– А вы уверены, что я городская жительница?

– Без всякого сомнения. – Он прошел мимо нее к двери,

не ожидая ответной реплики. – Обед подается в шесть тридцать. Это несколько рано, согласен, но повар предпочитает уходить домой сразу же после девяти.

Мелани сжала кулачки.

– Кажется, вы очень хорошо осведомлены обо всем этом, мистер Босуэл.

– Приходится. Я же заведую этим отелем, – сказал он мягко и вышел, закрыв за собой дверь.

Мелани в изумлении смотрела ему вслед. Он заведует отелем! Она растерянно покачала головой. Вот почему тот старик говорил с Босуэлом о неожиданности ее появления. А она сначала подумала, что он тоже постоялец в этом отеле. Это объясняло и его пребывание в комнате позади конторки. А также и появление блондинки, которая, вероятно, была его женой. Мало радости было бы для такой молодой особы жить здесь, в этой дикой горной местности, без особых на то причин.

Мелани пожала плечами. Все это не важно. Важно то, что она здесь, и завтра проведет кое-какие расспросы по поводу Аконита.

Распаковав свои ночные вещи и платье для выхода к обеду, она задумалась, не следовало ли ей позвонить Майклу. По крайней мере, она могла бы успокоить его, сообщив, что доехала благополучно, ей просто следовало проявить по отношению к нему такую предупредительность. В конце концов он не хотел, чтобы она проделала весь этот путь без него,

но в тот момент не мог выехать из-за нескольких неотложных дел. Он умолял ее подождать, пока он освободится и сможет сопровождать ее, но именно на этот раз Мелани пожелала поехать одна. Возможно, сознание того, что в марте они собираются пожениться, толкнуло ее на этот последний всплеск самостоятельности, а может быть, возбуждение от того, что она унаследовала такой дом, как Аконит³, вытеснило все остальные мысли из ее головы.

---

³ Дом назван по имени цветка. Аконит (борец) – многолетнее травянистое растение семейства лютиковых. Ядовито. (Примеч. пер.)

Глава вторая

Мелани проснулась на следующее утро с чувством предвкушения чего-то нового. Ей доставляло большое удовольствие то, что она приехала сюда совершенно одна и не было рядом никого, кто принимал бы за нее решения, и если в это удовлетворение и примешивался оттенок вины, то она решительно отмела такие мысли. В конце концов, она имела право время от времени на некоторую независимость. Майкл всегда старался взять весь груз ее забот на свои плечи и сделать ее жизнь такой ровной и простой, как только возможно, и временами у нее возникало желание, чтобы он оставил ее в покое и позволил самостоятельно совершать ошибки или достигать успеха. Возможно, его опыт юриста вносил оттенок официальности в его частную жизнь. Во всяком случае, на этот раз Мелани наслаждалась свободой от его опеки и с отрешенным удовольствием пошевелила пальцами ног под теплым одеялом.

Взглянув на часы, она обнаружила, что перевалило за восемь, спешно выскользнула из теплой постели и с дрожью подошла к окну. Но когда она отдернула шторы, то не смогла сдержать возглас удивления, вырвавшийся у нее при виде того, что предстало перед ее изумленным взором.

Снег, который так драматично валил прошлым вечером, возобновился с прежней силой, и сквозь заиндеветшие стек-

ла она могла наблюдать за его кружащимися хлопьями.

Она снова задернула шторы и вернулась к кровати за халатом. Боже, подумала она, сколько еще будет продолжаться эта метель? И длилась ли она всю ночь, а если это так, то как она отыщет свою машину и как доставит ее к отелю?

Приоткрыв дверь, она выглянула в коридор. Там не было ни души, и прихватив свои туалетные принадлежности, она быстро проскользнула в ванную комнату. Войдя туда, сразу же открыла краны и, пока ванна наполнялась, почистила зубы над фарфоровой раковиной. Ее мысли были настолько поглощены прискорбными атмосферными условиями, что она не обратила внимания на то, что над ванной не поднимается пар, и, когда она наполнилась, опустила туда ногу и сразу же отдернула ее с возгласом испуга. Вода была холодной, и ноги буквально обожгло это ледяное прикосновение.

Вскрикнув от досады, она вытащила пробку и спустила воду из ванны, а пока вода вытекала, умылась над раковиной. Затем, сжав зубы, открыла дверь ванной комнаты и столкнулась лицом к лицу с человеком, которого она видела прошлым вечером и которого Босуэл назвал тогда Алистером.

– О! – Она с удивление отступила, кутаясь в домашний халат, но старик только мрачно взглянул на нее.

– Доброе утро, – коротко пробурчал он, и Мелани вынуждена была улыбнуться.

– Доброе, – ответила она вежливо, – но вода э... холодная.

Алистер посмотрел на нее насмешливо:

– Ах, значит так? Выходит, что бойлер опять испортился.

Мелани обошла его и остановилась.

– И часто это бывает? – поинтересовалась она, подумав, что если бы она управляла отелем, то не допустила бы такого безобразия.

Алистер засопел.

– Да, случается время от времени. Но ничего, до смерти не замерзнем. Шону не мешало бы развести хороший огонь в столовой.

– Это обнадеживает, – холодно заметила Мелани, чувствуя, что действительно замерзает.

Алистер издал звук, похожий на фырканье.

– Если вы рассчитывали на комфорт шикарного отеля, вам не следовало приезжать в Кейрнсайд, – ответил он сурово и, войдя в ванную комнату, захлопнул за собой дверь.

Мелани была обескуражена его грубостью. Что за противный старик, думала она, подходя к своей комнате. В сущности, разве не естественно рассчитывать на горячую воду, чтобы умыться поутру?

Войдя в номер, она нашла в чемодане теплые рейтузы и толстый свитер и надела их, прежде чем заняться прической.

Волосы до плеч позволяли ей время от времени укладывать их в вечерние прически, но этим утром она скрепила их лентой и вполне удовлетворилась результатом. Взглянув в окно, она удостоверилась, что снег все еще идет, собрала

свою сумочку и вышла из комнаты.

Внизу было заметно теплее. Вчера вечером она обедала в маленькой столовой, которая соседствовала с холлом, и познакомилась с остальными постояльцами. Их было четверо, включая Алистера: две пожилые женщины, выглядевшие как отставные классные дамы, и еще один мужчина, который оказался ей более приветливым. Но поскольку она покинула столовую сразу же после еды, чтобы позвонить в Лондон, она так и не узнала их имен. Не видела она также ни Босуэла, ни блондинку. Старик, который занимался очагом и очевидно был главным среди прислуги отеля, показал ей, где находится телефонная будка, а горничная, стелившая ей постель, была той же самой персоной, которая подавала обед в столовой. Мелани подумала, что им и не нужно держать здесь большой персонал. Здесь было так мало постояльцев, и даже если учитывать вечерних посетителей бара, расположенного в другом конце здания, заведение явно не приносило большого дохода.

Позвонив, Мелани отправилась спать, но долго еще думала о состоявшемся разговоре и вздыхала. Возможно, Майкл был прав, возражая против столь далекой поездки в одиночестве в это время года. Она намеренно сдержалась и не упомянула об опасности, которая угрожала ей в пути, но он за нее выразил все ее страхи и убеждал ее немедленно возвращаться домой и бросить эту идею.

Мелани снова вздохнула. Все вроде бы шло гладко, но кто

мог знать... Она пожала плечами. Она тут отрезана снегопадом, и вообще трудно предсказать, как дела сложатся дальше.

Наутро огонь бушевал в камине, но столовая была пуста. Печи отеля пожирали целые бревна и, давая огромное количество тепла, кроме того, распространяли приятный запах сосны. Мелани стала спиной к очагу, всем телом ощущая чудесное тепло, когда дверь отворилась и появился Босуэл.

Этим утром, в черных сапогах до колен, облегающих черных брюках, не скрывающих его бедер, и кожаном жилете, сшитом сыромятными ремешками, поверх красновато-коричневой рубашки, он выглядел еще более мощным и властным. Однако Мелани все же предприняла попытку ответить на вызывающий взгляд, который он бросил в ее направлении. Перспектива быть засыпанной снегом здесь вместе с этим мужчиной была бы для нее куда большей неприятностью, чем она отваживалась признать.

– Ах, доброе утро, мисс Стюарт, – приветствовал он ее с вежливым поклоном. – Надеюсь, вы хорошо спали.

Мелани отошла от огня.

– Спасибо, я прекрасно спала, мистер Босуэл.

– Отлично. Я так и думал. Здешние кровати знамениты своим комфортом.

Мелани прикусила губу.

– Это было для меня новинкой, спать с двумя бутылками горячей воды. Боюсь, что я слишком избалована одеялами с

электроподогревом!

«Зачем я это говорю», – подумала она с неудовольствием. Прошлой ночью тепло от бутылок с горячей водой показалось ей весьма уютным. Может быть, этот всплеск противоречия был вызван желанием сохранить уверенность в себе. Во всяком случае, она не хотела, чтобы ее ставили в затруднительное положение. Босуэл, однако, чувствовал себя вполне непринужденно, судя по его ответу.

– Очень жаль, когда люди забывают, что тело дано, чтобы им пользоваться, а не злоупотреблять. Я считаю, электрические одеяла нарушают естественную способность тела к самообогреву.

Мелани вздернула подбородок.

– Я уверена, что вы правы, – резко ответила она, – однако, боюсь, далеко не каждый обладает вашей силой воли. Я слишком слаба и уступаю комфорту прежде, чем чему-либо другому.

Он пожал плечами.

– Разумеется, это ваше дело. Но что касается ваших ощущений, то мне кажется, вы выбрали наименее – скажем так – подходящее для ваших запросов время для посещения Шотландии!

Мелани залилась краской.

– Я вполне готова к любым условиям, – возразила она. Его холодная дерзость задевала ее, несмотря на все попытки сохранить спокойствие.

– В самом деле? – он вытащил коробку маленьких сигар и зажал одну из них губами. Прежде чем щелкнуть зажигалкой, он спросил: – Вы так считаете? – и в момент ее резкого кивка зажег сигару и глубоко затянулся. – Я рад, что ваше ощущение таково, мисс Стюарт, – продолжал он мягким тоном, – потому что вам, кажется, придется пользоваться нашим гостеприимством несколько дольше, чем вы первоначально намеревались.

Мелани уставилась на него.

– Почему?

Он внимательно изучил кончик своей сигары и ответил:

– Погодные условия в этой местности непредсказуемы. Вы можете собраться вскоре и уехать, а можете не уехать вообще.

Мелани сделала нетерпеливый жест.

– Пока что я вовсе не могу уехать. Есть ли какой-нибудь шанс вызволить мой автомобиль?

– Я сильно сомневаюсь в этом, – сказал он с полуулыбкой.

Мелани подавила вздох, сдерживая паническое ощущение, ведь она вполне могла оказаться здесь невольной узницей.

– Я понимаю, но нам нужно приложить к этому все возможные усилия, не так ли? – Ее глаза встретились с его взглядом, и прошло достаточно времени, прежде, чем она их опустила.

– Дорогая мисс Стюарт, если вы готовы предпринять та-

кие усилия, на меня вам не придется жаловаться.

– Я вовсе не имела вас в виду, – ответила она, задетая его равнодушием.

– Будьте уверены, вам не удастся меня раздражить, – заметил он, – я привык к женским причудам! Если вам доставляет удовольствие преодолевать за рулем машины несколько сот миль для того, чтобы оказаться в отеле в центре Шотландских гор при таких условиях, то это ваше личное дело!

Мелани раскраснелась еще больше.

– Да, это так, – резко сказала она.

Ее нервное возбуждение вызвало у него улыбку.

– Все разрешится в свое время, не сомневаюсь, – сухо произнес он. – А до той поры – прошу меня извинить!

Он повернулся и хотел идти, но она остановила его.

– Мистер Босуэл!

– Да? – Он обернулся с насмешливым видом.

Мелани расправила плечи.

– Может быть, вы позволите мне узнать, когда я смогу принять ванну? – едким тоном поинтересовалась она.

Босуэл поднял брови.

– Ах, да, разумеется, мисс Стюарт. Мои извинения! Прошлым вечером испортился бойлер. Сейчас он уже в порядке, и после завтрака вы сможете принять ванну... – он сделал выразительный жест рукой.

Мелани кивнула.

– Благодарю вас.

– Я склонен сделать вывод, что ваши храбрые заявления о готовности противостоять любым опасностям не относятся к холодным ваннам, – сухо прокомментировал он и вышел из комнаты раньше, чем она смогла обдумать презрительный ответ.

Мелани так и осталась стоять, мрачно кусая губы, когда дверь снова отворилась и вошли две пожилые женщины. Они мельком взглянули на нее, и решив, что это достаточный повод, чтобы вступить в контакт, Мелани улыбнулась и сказала:

– Доброе утро. Не правда ли, ужасная погода!

Одна из женщин ответила на ее приветствие, в то время как другая возразила:

– Мы привыкли к таким условиям. Мы здесь живем, вы понимаете.

– Живете? – изумилась Мелани.

– Да, – ответила та, вторая женщина. – Мы с сестрой несколько лет назад ушли на пенсию и поскольку мы часто проводили отпуска в этой части Каледонии, подумали, что это подходящее место для постоянного места жительства.

– Я понимаю, – кивнула Мелани. – Но думаю, вам больше нравится, когда здесь бывает несколько теплее, не так ли?

Сестры переглянулись.

– О, нам нравится жить здесь круглый год, – воскликнула одна из них. – Зима здесь такая, как ей и положено быть. Много снега, горящие поленья в очаге, жареные каштаны...

– ... А летом полно ягод, – подхватила другая. – Вы останетесь здесь на Рождество, мисс... мисс?..

– Стюарт, – машинально ответила Мелани, – Мелани Стюарт.

Женщины снова переглянулись, и одна из них сказала:

– А наша фамилия Салливан; Джейн и Элизабет Салливан.

Мелани вежливо обменялась с ними рукопожатиями, что, видимо, и ожидалось от нее:

– Но все же нет, я не останусь на Рождество. Мне нужно вернуться в Лондон раньше, чем через неделю. У меня там работа, понимаете?

– О! – Элизабет Салливан заинтересованно посмотрела на нее. – И чем же вы занимаетесь, мисс Стюарт?

Мелани пожала плечами.

– Сейчас я иллюстрирую детские книжки.

– В самом деле? – Сестры были явно заинтригованы. – Как интересно!

Мелани улыбнулась.

– Да, пожалуй. Мне, во всяком случае, нравится. Но что вы действительно хотели бы делать, так это писать рассказы. И, конечно, самой их иллюстрировать.

– Ну конечно. – На женщин ее слова явно произвели впечатление. – А что привело вас в Кейрнсайд, мисс Стюарт? – спросила Джейн Салливан. – Вы собираете здесь материал?

Мелани вздохнула. Они все здесь такие любознательные

или это всего лишь проявление дружеского интереса? В любом случае ей следовало или ответить на их вопросы, или осадить их, как она попыталась сделать с Босуэлом.

Решив, что неприлично было бы игнорировать их вопросы, Мелани осторожно сказала:

– Я... я приехала, чтобы посмотреть один дом поблизости. Аконит.

– Аконит? – Сестры снова переглянулись. Элизабет наморщила лоб. – Это не тот дом, что принадлежал последнему Ангусу Кейрни?

Взгляд Мелани прояснился.

– Ну да, это так. Так вы знаете об этом?

Элизабет повела плечами.

– Да, я знаю об этом доме, – неторопливо уточнила она, взглядом ища поддержки у Джейн. – Ведь ты тоже знаешь о доме, не так ли, Джейн?

Джейн Салливан покопалась в своей сумочке.

– О, это такая уродливая старая постройка рядом с деревней, не так ли?

Элизабет кивнула.

– Разумеется. – Она взглянула на Мелани. – Но зачем вам понадобилось это чудовище? Уж не думаете ли вы купить его?

Мелани протянула руки к камину.

– Нет, – честно сказала она, – я не собираюсь покупать дом. Я только хочу посмотреть его – и все.

– И вы проделали такой путь только для того, чтобы посмотреть на Аконит? – ужаснулась Элизабет. – В разгаре зимы!

Мелани уже начала уставать от этого допроса.

– Да, – ответила она твердым голосом. – Но, может быть, вы расскажете мне, как туда добраться?

Как раз в этот момент дверь столовой снова отворилась и пропустила старика по имени Алистер, и две пожилые леди с улыбками пожелали ему доброго утра, прежде чем занять места за столиком на двоих.

Мелани со вздохом направилась к столику, накрытому для нее. Ее вопрос так и остался без ответа. Впрочем, спешить было некуда. Снег все валил, и, по всей вероятности, это будет продолжаться еще некоторое – и немалое – время.

Завтрак, как и очень вкусный ужин, который она съела вчера вечером, был весьма приятен. В меню был шотландский лосось наряду с более обычными блюдами для завтрака, и Мелани хорошо поела, решив, что может не торопиться и таким образом заполнить свободное время. Пока она завтракала, все остальные успели разойтись, и ей пришлось в голову осмотреть гостиницу.

Кроме приемного холла и столовой здесь была гостиная с телевизором, который выглядел здесь несколько неуместно. Был на первом этаже и бар для общественного пользования, но остальные комнаты были обозначены как частные – ими, очевидно, пользовался хозяин и его семья.

Блондинка снова заняла свое место за конторкой, и Мелани, прежде чем подняться к себе наверх, приблизилась к ней и спросила:

– Вы позвонили в Россмор в гараж по поводу моей машины?

Девушка подняла глаза.

– Нет, мисс, и я думаю, что на этот звонок в такую погоду не стоит возлагать особых надежд. Это совсем маленький гараж, скорее просто ремонтная мастерская.

– Но в этой местности наверняка есть кто-то, способный взять мой автомобиль на буксир и доставить сюда! – недоверчиво воскликнула Мелани.

Девушка пожала плечами.

– В это время года они, простите за выражение, так погребены в сугробе аварийных вызовов, что, я думаю, буксировка вашей машины в Кейрнсайд не будет ими расценена как неотложная помощь при аварии, не так ли?

– Да, пожалуй, это так, – неохотно согласилась Мелани.

Девушка одарила ее благожелательной улыбкой, но у Мелани не было настроения отвечать ей тем же. Она резко повернулась, чтобы уйти, но ее остановил возглас девушки, которая предложила:

– Я могу позвонить в гараж в Ньютонкроссе, если вы хотите.

Мелани обернулась.

– А это близко отсюда?

– Не очень. Но это все-таки город, и там, может быть, найдется кто-нибудь, кто смог бы помочь вам.

– Очень хорошо. Спасибо. – Мелани восприняла это предложение без особого восторга и направилась в свою комнату. Теперь обогрев снова заработал, в комнате было тепло и уютно. Ее кровать оказалась прибранной, и Мелани передвинула плетеное кресло от кровати к окну и уселась там, покоровшись судьбе. Если бы Майкл знал, насколько непредсказуема погода, он должен был настоять, чтобы она немедленно уехала и возвратилась в Лондон. Но как, спрашивала она себя, как она могла бы выполнить это требование, если бы и захотела? Ее автомобиль останется брошенным и потеряннным, пока кто-нибудь не откопает его из-под снега, а Кейрнросс казался вовсе не тем местом, которое она ожидала увидеть.

Там, в Лондоне, все это казалось простой, детски простой задачей! Она должна была приехать сюда, в отель, о котором ее поверенные писали довольно смутно, и бросить первый взгляд на Аконит. Однако в Лондоне погода была достаточно умеренной, приходилось иметь дело только с холодами и резкими порывами ветра с дождем. Никто не был готов к таким экстремальным условиям, да и теперь ей трудно было поверить, что такая погода может продержаться достаточно долго. Вернуться в Лондон, даже не посмотрев дом, было бы слишком досадно. Она знала, что Майкл лез бы из кожи, стараясь принять сочувствующий вид, а на самом деле чувство-

вал бы удовольствие оттого, что она еще раз доказала, что ни с чем не способна управиться без него. Может быть, он так опекал ее потому, что у нее не было родителей, чтобы о ней позаботиться. Во всяком случае, порой это становилось почти невыносимым, и именно поэтому Мелани решила добиться успеха в этом предприятии вопреки сарказму Босуэла и прискорбной погоде.

Она поднялась с кресла и беспокойно зашагала по комнате. Что делают люди при такой погоде, как эта? Да просто остаются на весь день в своей спальне!

Она остановилась у окна и выглянула. Ее комната выходила на площадку перед отелем, и там она увидела человека, который вчера вечером показал ей, где находится телефон, а теперь деловито разгребал снег. Может быть, ей стоит в конце концов выйти погулять? Если хорошо укутаться и надеть высокие сапоги, то ей ничего не грозит, если она не увязнет на дороге. Она могла бы прогуляться до деревни и исследовать окрестности Аконита, не возбуждая дальнейших толков в отеле.

Приняв решение, она почувствовала себя много бодрее и с энтузиазмом раскрыла свои чемоданы. По счастью, она взяла с собой высокие сапоги на случай сырой погоды, но, судя по погодным условиям, дожди в этой местности могли начаться только через несколько недель. Она улыбнулась про себя. До нынешнего момента она вообще не рассчитывала на такие обстоятельства.

Спустя пять минут, надев свое овчинное пальто и меховую шапку, перчатки, укрывавшие руки, и высокие сапоги, в которых ее стройные ноги казались полнее, она спустилась вниз. В холле не было никого, если не считать овчарки колли, которая не обращала внимания ни на что, кроме аппетитной кости, которую грызла, и Мелани проследовала мимо к наружной двери.

Двери, ведущие в коридор и наружу, туго открывались, но она управилась с ними и вынырнула в белый мир, такой холодный, что у нее перехватило дыхание. Глядя из отеля, заснеженный двор представлялся вполне привлекательным, но теперь Мелани готова была передумать. Она осмотрелась вокруг, мигая от хлопьев снега, которые налипали на ее длинные ресницы и лезли в нос и рот, но вокруг не было никого, с кем она могла бы провести это дневное время. Человек, разгребавший снег, по-видимому, исчез позади отеля и только расчищенная им дорожка свидетельствовала о его присутствии.

Вздохнув, Мелани сунула руки в карманы и нерешительно пошла по этой дорожке. Она знала, в каком направлении находится деревня, но не слишком ли безрассудно было отправляться туда в такой снегопад?

Она оглянулась на отель. Его стены были заляпаны пятнами налипшего снега. Еще больше его скопилось на карнизах. Отель выглядел таким теплым и уютным, что Мелани едва устояла перед искушением бросить все и вернуться обратно.

Но она вспомнила, что весь оставшийся день придется провести в отеле, впустую тратя время; эта мысль показалась ей непереносимой, и она нерешительно пошла прочь.

В действительности все оказалось не так уж плохо. Снег, покрывший дорогу, засыпал все скользкие места, она могла двигаться быстро и вскоре разогрелась. При свете дня дорога была хорошо различима, следы одного-двух автомобилей, проехавших накануне, указывали путь, и настроение у Мелани поднялось. Это было куда лучше, чем сидеть в отеле, не отходя от огня, и слушать звяканье вязальных спиц сестер Салливан. Не вполне корректный образ, подумала она про себя, потому что не знала, вяжут ли они вообще.

За поворотом дороги она увидела заснеженные ворота, и что-то заставило ее остановиться и взглянуть через ворота на дом, стоящий в конце обрамленной деревьями подъездной дорожки. Место это выглядело заброшенным, несмотря даже на снежное одеяло, и она не без колебаний все-таки сошла с дороги и приблизилась к воротам.

Она задумчиво посмотрела на подъездную дорожку. Дом явно был пуст и выделялся на фоне затянутых туманом гор, так же, как и отель. Если она не ошибалась, то деревня должна была находиться где-то поблизости. Мелани наморщила лоб. Джейн Салливан сказала, что дом находится недалеко от деревни, значит, вероятно, это и есть Аконит.

Не раздумывая далее, она толкнула ворота и медленно пошла по дорожке. Ключи, которые дали ей поверенные в

Форт-Уильяме, остались в отеле, в ее сумочке, так что она не могла войти внутрь, но ей трудно было удержаться и не обойти вокруг дома, а может быть, и заглянуть в окна.

Это действительно была уродливая старая постройка, как выразилась Джейн Салливан. Даже снеговые наросты не могли исправить впечатление от ее квадратных окон и тяжелых карнизов, а цеплявшийся тут и там за стены плющ придавал дому довольно зловещий вид.

К ее разочарованию, окна фасада были закрыты ставнями, и она, приуныв, пошла вокруг дома по тропинке через беспорядочный сад, перемежающийся с соснами.

Ее поразили следы, которые она обнаружила позади дома – большие следы, которые пересекали территорию в разных направлениях сразу же возле заднего крыльца. Некоторые из них были протоптаны несколько дней назад и уже начали исчезать под новыми наносами снега, но некоторые казались совсем свежими.

Она нахмурилась. Не совершила ли она ошибку? Был ли это в конце концов Аконит? А если это не так, то она вторглась в чьи-то чужие владения.

Она озадаченно покачала головой. Кейрнсайт не настолько густонаселенная местность, и маловероятно, чтобы здесь находились сразу два дома с такими приметами и в одинаковой степени заброшенности. Она была готова к такому запустению, поверенные предупредили ее об этом, но в то же время сказали, что дом практически еще крепок, и это вы-

звало у нее желание увидеть его своими глазами.

Тишина, стоявшая вокруг дома, почти оглушала. Даже снег падал беззвучно, и Мелани почувствовала, что ее охватывает чувство беспокойства. Что если она права? Что если это на самом деле Аконит и кто-то использует его для ночлега? В конце концов, перед домом нет никаких следов, и тот, кто приходит в дом, очевидно, желает остаться неизвестным.

Подумав это, она вздрогнула. Теперь перед домом уже были следы. Ее следы! И любой, кто посмотрел бы из окна верхнего этажа, мог бы увидеть их. Ей захотелось убежать, и только мысль о насмешливом удовольствии Майкла, считающего, что она никогда не будет способна сама решать свои дела, заставила ее сдерживать свое, бьющееся наперегонки с самим собой, сердце. Она вела себя мелодраматически, позволив тишине запугать себя. В конце концов, это ее дом, и кто бы ни был там, внутри, им придется поискать себе другое место.

Сделав шаг, она нажала на ручку задней двери. К ее изумлению, ручка поддалась, и она с недоверием толкнула дверь.

Дверь отворилась, и она оказалась в кухне, пустой и холодной. Здесь была плита, подобных которой Мелани никогда не видела раньше, по-видимому, пригодная как для готовки, так и для обогрева, выскобленный кухонный стол, ныне несколько заплесневевший от сырости, и несколько простых деревянных стульев.

Она нерешительно постояла на пороге и прислушалась, но в доме не послышалось ни звука. Похоже было, что тот, кто

пользовался домом, отсутствовал в данный момент. Она вошла, но не стала закрывать за собой дверь – на всякий случай!

Борясь с желанием двигаться на цыпочках, она пересекла кухню и отворила дверь в дальнем конце. Дверь вела в коридор, который, как можно было догадаться, несмотря на темноту, шел через весь дом к передней двери. В конце коридора, возле входной двери, наверх поднималась лестница, а по обе стороны было несколько дверей.

Мелани почувствовала себя увереннее. Нигде не было признаков чьего-либо обитания, и она отворила дверь, находившуюся напротив входной двери кухни.

За нею оказалась столовая. Там стоял стол, покрытый толстым слоем пыли, несколько стульев и древний шкаф для посуды, набитый пыльными тарелками и чашками.

Еще одна дверь вела в некое подобие кабинета с книгами вдоль стен и столов, замечательно подходящего для работы над иллюстрациями. Еще одна комната очевидно была гостиной, где стоял старый гарнитур и несколько случайных столов и стульев.

Весь дом, если и наверху все было так же, казался обставленным в одной манере, и Мелани подумала: «Главное, что здесь необходимо, – это генеральная уборка». Ее настроение еще выше поднялось при этой мысли; если бы она задержалась в Кейрнсайде еще на некоторое время, она управилась бы со всем этим сама.

Она так была поглощена своими захватывающими размышлениями, что не услышала шагов на лестнице, покрытой истертым ковром, шагов человека, приблизившегося к двери гостиной и теперь наблюдавшего за ней с очевидным удивлением, а затем глубокий мужской голос произнес:

– Не могли бы вы объяснить мне, что вы здесь делаете?

Мелани чуть не свалилась, так велик был шок, и, обернувшись, увидела Шона Босуэла.

– Вы! – воскликнула она, не веря своим глазам. – Значит, это ваши следы я видела снаружи?

– Верно, – подтвердил он довольно мрачным тоном. – Но вы не ответили на мой вопрос. Я спросил вас, что вы здесь делаете!

Мелани поежилась под его пронзительным взглядом.

– Я – я хотела спросить у вас то же самое, – возразила она.

Глаза Босуэла сузились:

– Я спросил первым, – сказал он резким настойчивым тоном.

Мелани с трудом проглотила обиду.

– Ладно, хорошо. Я... я владелица этого дома. – Она поднесла руку к губам. – Ведь это Аконит, не так ли?

Был момент, когда ей показалось, что она все-таки ошиблась; в голову пришла отчаянная мысль, что она совершила ужасную ошибку и вторглась в чьи-то частные владения.

Но тут он медленно и ясно произнес:

– Да, мисс Стюарт, это Аконит. Но не вы здесь хозяйка.

Владелец – я!

Глава третья

Мелани на мгновение лишилась речи и беспомощно уставилась на Босуэла, словно перед ней явился злой дух. Потом, справившись с растерянностью, она осторожно сказала:

– Я думаю, здесь произошла какая-то ошибка, мистер Босуэл. Ангус Кейрни был кузеном моей матери. Она была его единственной родственницей и поскольку она умерла, Аконит перешел ко мне.

Светлые глаза Босуэла прикрылись длинными черными ресницами – это была единственная женственная черта на его резком мужественном лице. Длинные бакенбарды достигали нижнего края челюсти, подчеркивая темный колорит внешности и придавая ему дополнительный оттенок власти. В ином платье его можно было бы легко отнести к другой эпохе, и Мелани явственно ощутила, что и в наше время Шон Босуэл устанавливает для себя законы сам.

– Понимаю, – произнес он. – Но кто сказал вам, что Аконит ваш?

– Как кто? Разумеется, поверенные.

– Какие поверенные? – его тон исключал уклонение от ответа с ее стороны, она почувствовала это и сказала:

– Макдугал и Прайс, конечно.

– А! – Он задумчиво поднес руку к подбородку. – Они встречались с вами в Лондоне?

– Да, мои поверенные.

Мелани спохватилась. Она позволила своему удивлению при виде его здесь ослабить ее решимость и теперь он просто пользовался этим, чтобы вытянуть из нее любую информацию. Расправив плечи, она потребовала:

– А теперь, думаю, вы расскажете мне, почему вы уверены, что Аконит принадлежит вам?

Босуэл поднял на нее светлые глаза, и ей стало слегка не по себе. Она не призналась бы, что боится его, но он беспокоил ее так, как не беспокоил ни один мужчина до сих пор. Такова уж была его позиция; она не могла предугадать, что он скажет или сделает в следующий момент, и это приводило ее в замешательство. Она всегда считала, что мужчинами достаточно легко управлять, но Шон Босуэл был другим.

– Ангус Кейрни был моим отцом, – сказал он, сузив глаза, взгляд которых сделался задумчивым.

Мелани сделала шаг назад.

– Что? – Она беспомощно потрясла головой. – Но... но поверенные! Им даже не было известно, что он был женат!

Шон Босуэл бросил на нее насмешливый взгляд.

– А он и не был женат, – сказал он неторопливо.

Мелани почувствовала, как жар заливает ее щеки при этих его словах, и нервно переплела пальцы. Она была уверена, что его радует ее замешательство, но это понимание не спасало ее от чувства унижения. Сжав губы, она пыталась найти какие-то слова, но против его утверждения нечего бы-

ло возразить.

Несколько сжалившись, Босуэл отвел взгляд от зрелища ее конфуза и обвел глазами комнату. Пользуясь моментом, он взял сигару из коробки и раскурил ее, прежде чем подойти к окнам. Они были здесь закрыты ставнями, как и во всех комнатах нижнего этажа, но через щели можно было выглянуть наружу. Некоторое время он молча смотрел на снег, давая ей возможность собраться, и Мелани несколько пришла в себя. Тем не менее она с ужасом ждала момента, когда он повернется и нужно будет продолжить разговор.

Наконец он отвернулся от окна, и она снова ощутила на себе его взгляд. Мелани почувствовала, как ее охватывает ужасное впечатление собственной неполноценности и в первый раз пожалела, что не стала ждать Майкла, чтобы он сопровождал ее до Кейрнсайда.

Конечно же, такая ситуация никогда не создалась бы, если бы он был с нею. Он настоял бы, чтобы она провела необходимые расспросы и явилась бы официально, чтобы осмотреть место. Он никогда не одобрил бы импульсивное вторжение в чью бы то ни было частную жизнь. А она пока не имела понятия, какие старые эмоции разожгла, толкнув заднюю дверь Аконита.

– Ну так что? – спросил он наконец, выразительно разведя руками. – Что вы собираетесь делать дальше?

Мелани смотрела на него, крепко сжав губы, чтобы унять их дрожь.

– Я... я... о, я не знаю, – сказала она, понуриив голову. – Я... я не чувствую больше, что у меня есть право на это имение!

Его холодные глаза сузились.

– В чем же тогда дело, мисс Стюарт! Избавьте меня от произнесения банальностей! Я, пожалуй, вижу, что потряс ваши замыслы до самого основания, но не позволяйте, чтобы это повлияло на ваши суждения. Я уверен, что Макдугал и Прайс согласятся со мной в конце концов!

Мелани прикусила губу.

– Ваш... ваш отец оставил завещание.

– Я догадываюсь об этом. Но я считаю, что оно было сделано раньше, значительно раньше.

– Да. – Мелани смотрела мимо него, не в силах выдерживать этот холодный оценивающий взгляд.

– Однако он оставил еще второе.

Босуэл пожал широкими плечами.

– Он, наверное, забыл, что оставил первое. Он был старый человек, не слишком сосредоточенный на житейских делах.

Мелани покачала головой.

– Моя мать только упоминала о нем пару раз. Мы с ним никогда не встречались.

– Ваша мать, по-видимому, была его единственной родственницей. Он никогда не был женат.

– Но ваша мать, – начала Мелани и тут же замолкла, увидев, как потемнело его лицо.

– Моя мать уже была замужем, – резко подсказал он, –

за другим человеком. Я не думаю, что подробности моего зачатия касаются вас.

Мелани отвернулась в сторону.

– Я так ужасно чувствую себя.

– А вы-то почему? – ледяным тоном спросил он. – Мы не должны нести ответственность за действия других. – Он пошел к двери, натягивая кожаные перчатки, отделанные мехом. – Я оставляю вас осматривать вашу собственность. Одна только просьба, если вы решите продавать дом, предоставьте мне право первого выбора.

– О, пожалуйста. – Мелани снова повернулась к нему, протягивая руки в почти умоляющем жесте. – Пожалуйста, не уходите. Я хочу, чтобы вы остались.

Его глаза посмотрели на нее испытующе.

– Почему?

Мелани развязала тесемки меховой шапки, сняла ее, и волосы темной шелковой завесой рассыпались по ее размякшим щекам.

– Мы... мы ведь почти родственники, не так ли? Наверняка мы могли бы стать друзьями. Мне понадобится ваш совет.

Босуэл лениво прислонился к дверному косяку.

– Вы не представляетесь мне одной из тех женщин, которые принимают советы от кого бы то ни было, – заметил он сухо.

Мелани сдержала свое возмущение.

– Почему вы так говорите?

Он нахмурился.

– Наверняка у вас в Лондоне остался кто-то, кто советовал вам не ездить в Кейрнсайд в эту пору года, не так ли? Вы носите обручальное кольцо – значит ли это, что ваш жених не имеет на ваш счет сомнений, или же кольцо только декорация для того, чтобы возбуждать толки?

Мелани опустила глаза и посмотрела на огранный в виде квадрата бриллиант, который подарил ей Майкл. Она так привыкла носить его, что ей даже не пришло в голову, что он его заметит.

– Да, я помолвлена, – сказала она медленно. – И мой жених убеждал меня, чтобы я не ездила сюда, а подождала до весны, но, думаю, вы понимаете мои опасения по поводу дома, который остается пустым на всю зиму?

Босуэл выпрямился.

– Вам следовало нанять кого-нибудь, чтобы он присматривал за домом. Поверенные с удовольствием это устроили бы.

Мелани поджала губы.

– Я об этом как-то не подумала, – ответила она.

Босуэл покачал головой.

– А, собственно, почему вам захотелось приехать сюда лично?

Мелани вздохнула.

– Мои мотивы не выдержали бы вашей хладнокровной оценки в этой ситуации, – ответила она раздраженно.

Босуэл посмотрел на нее искоса.

– И все-таки попытайтесь.

Мелани заложила прядь волос за ухо.

– Я хотела увидеть дом, потому что у меня никогда раньше не было своего дома. Я даже никогда не жила в доме до сих пор. У нас всегда были квартиры или комнаты, и я по наивности полагала, что смогу создать свой дом здесь.

– Понимаю. – Босуэл глубоко затянулся сигарой. – А ваш жених? Согласен ли он перебраться на север?

Мелани сделала произвольный жест.

– Я... я не обсуждала пока с ним это. Он юрист в Лондоне.

– Значит, вам придется это сделать, – сухо заметил Босуэл.

Мелани снова густо покраснела.

– Вы считаете меня дурой?

– Почему? Разве посоветоваться с женихом это глупость?

– Нет, вы прекрасно знаете, что я имею в виду. Глупость – желание иметь свой дом?

Босуэл кинул окурочек сигары в пустой камин.

– Если я скажу да, то мои доводы будут несвободны от пристрастности.

Мелани пожала плечами.

– В этих обстоятельствах вы должны сказать мне то, что вы думаете.

– Почему?

Мелани с чувством развела руками.

– Дом в гораздо большей степени ваш, чем мой!

– О, нет, мисс Стюарт. Это ваш дом.

Мелани беспомощно посмотрела на него.

– Вы решительно отказываетесь меня понимать, – возмутилась она. – Зачем вам, собственно, необходим этот дом?

Босуэл пожал плечами.

– Как зачем? Жить и все.

Мелани вздохнула.

– Если бы я была мужчиной, мы с вами пришли бы к какому-то компромиссу.

– Если бы вы были мужчиной, такая ситуация вовсе не возникла бы. Вы бы просто продали дом и не забивали себе голову сентиментальной чепухой вроде создания своего гнезда.

– Как вы можете! – Мелани со злостью посмотрела на него.

– Если я хочу выбраться из Лондона, то это мое личное дело!

Светлые глаза Босуэла смотрели на нее презрительно.

– Если вы хотите так отчаянно выбраться из Лондона, вам нужно разобраться более подробно в ваших мотивах, – сказал он, – дело тут вовсе не в Лондоне в конце концов!

– Что вы хотите сказать?

Босуэл повернулся к двери.

– Боюсь, у меня нет времени стоять здесь и спорить с вами все утро, мисс Стюарт. Кое у кого из нас есть неотложные дела. Прошу меня извинить! – С этими словами он отвернулся и зашагал прочь по коридору.

После его ухода Мелани понадобилось некоторое время, чтобы перевести дыхание. Каждый раз после столкновения с ним она чувствовала себя морально обессиленной.

Однако через несколько минут она собралась с духом и снова могла спокойно взвешивать обстоятельства. Нельзя было допускать, чтобы его колкости влияли на ее суждения, а с другой стороны ясно было, что она на самом деле в состоянии иметь дом. Майкл одобрил бы это, но она не представляла, как бы он смирился с такими условиями жизни зимой без серьезных побуждающих мотивов...

Но само по себе местожительство это было превосходно. Здесь было столько возможностей для свободы, жизни и физической активности, и это было бы замечательное место для написания книг, которые она намеревалась создать.

Наверху все было очень похоже на нижний этаж, как она убедилась, продолжив исследование. Дом был меблирован, но если она намеревалась здесь жить, ей нужно было произвести много перемен. Она сделала перерыв, чтобы подумать, зачем Босуэл бывал в доме, и только покачала головой. В конце концов, он считал, что дом принадлежит ему, так почему бы он не стал здесь бывать?

Было уже полпервого, когда она покинула Аконит и отправилась на ленч в отель. Снег падал так же густо, как и прежде. К своему удивлению, проходя через кухню, она обнаружила на кухонном столе связку ключей и догадалась, что это были те ключи, которыми пользовался Босуэл, приходя

сюда. Она, напротив, хотела бы, чтобы он сохранил ключи у себя. В том, чтобы забрать их, было для нее что-то окончательное. Она не могла подавить в себе чувство вины, охватившее ее в этот момент.

Дотацившись по засыпанной дороге до отеля, она была удивлена, увидев перед ним лоснящийся спортивный автомобиль, сияющая поверхность которого была щедро забрызгана талым снегом. Он выглядел как-то неуместно рядом с массивным кузовом работяги рэйдж-ровера, и она недоумевала, кому он мог принадлежать. Может быть, новому постояльцу?

Ленч начинался в час, так что у нее было время подняться к себе, умыться и переодеться перед едой. В приемном холле не было никого, хотя из бара доносились голоса, значит, тот, кто приехал, уже получил там свой напиток.

Когда она вновь спустилась вниз, то направилась прямо в столовую и обнаружила, что сестры Салливан сидят у камина, беседуя с еще одним пожилым постояльцем отеля. Они дружески приветствовали ее, а затем представили ее своему собеседнику. Его звали Иэн Макдональд, и он спросил ее, где это она успела нагулять такой румянец на щеках.

Решив, что она может чистосердечно поведать обо всем, Мелани сказала:

– Я только что ходила смотреть Аконит. – Она улыбнулась Джейн Салливан. – Вы сказали, что это недалеко от деревни, и я легко нашла его.

– О, так вы были там? – Джейн Салливан приподняла брови с деланным безразличием.

– Аконит! – нахмурился Иэн Макдональд. – Что понадобилось вам в этом старом доме? Разве он продается? Шон ничего не говорил насчет продажи!

Мелани перехватила многозначительный взгляд, который кинула в его сторону Элизабет Салливан, но Иэн Макдональд не умолк.

– Ну что ты, Лиззи, – громко продолжал он, – все же знают, что Аконит принадлежит Шону. Это так, и разве он не унаследовал от старого Ангуса его проклятие?

Мелани наклонила голову. Столкнувшись с таким аргументом, она не решалась сказать, что Аконит принадлежит ей. Вместо этого она с большим облегчением обернулась в сторону молодой девушки, вошедшей с подносами, на которых внесли первое блюдо ленча, и все были вынуждены занять свои места за столиками. Алистер вошел вслед за девушкой и присоединился к Иэну Макдональду за его столом, а поскольку сестры Салливан разговаривали друг с другом, Мелани не пришлось больше ничего говорить.

Еда была превосходна. За супом из дичи последовали бифштекс и запеканка с бобами и в завершение – яблочный пирог с кремом. Приготовлено, может быть, без особого полета воображения, и слишком обильно, но красиво сервировано и в высшей степени аппетитно, подумала Мелани. Она явно почувствовала, что несколько недель, проведенных

здесь, добавили бы к ее фигуре несколько дополнительных фунтов веса.

После ленча пожилые постояльцы вернулись в свои комнаты, а Мелани со второй чашечкой кофе перебралась в кресло возле камина, улыбнувшись девушке, которая убирала посуду со столов.

Теперь, когда она осмотрела дом и составила о нем свое мнение, больше ничто не удерживало ее в Кейрнсайде. Она могла вернуться в Лондон, как и собиралась первоначально. Совет Босуэла найти кого-нибудь для присмотра за домом решал все ее ближайшие проблемы, и кроме трудностей с доставкой сюда ее автомобиля, ничто не мешало ей уехать. Разумеется, она могла вернуться в Лондон поездом, а за машиной прислать потом, когда погода улучшится, но ей было лень всем этим заниматься. Может быть, через пару дней ей удастся найти гараж, который возьмется за раскопки ее машины, а тем временем она с удовольствием займется обмерами для заказа штор, ковров и тому подобного.

Она вздохнула, глядя на снег, который валил тяжелыми хлопьями за окнами столовой. Если бы Майкл знал о ее затруднениях, он потребовал бы ее немедленного возвращения поездом, но ей не хотелось спешить с отъездом. Если не считать стычек с Босуэлом, здесь было хорошо, и снег, будучи в новинку, развлекал ее. Почему она должна мчаться в город, если еще полностью не готова к этому?

Неожиданно послышались звуки голосов, дверь столовой

распахнулась, и вошли Босуэл и девушка, которую Мелани раньше не видела. Девушка была примерно ее роста, но очень худая, так что на лице резко выделялись скулы. Ее волосы были по-скандинавски красивы и подчеркивали бледность кожи, и хотя сама по себе она была не лишена привлекательности, одежда ее, подобранная с исключительной элегантностью, придавала ей положительно безупречный вид. Она держала Босуэла под руку и с обожанием заглядывала ему в лицо снизу вверх. Мелани почувствовала неудобство, поняв, что не должна была оказаться свидетельницей этой сцены. Эта уверенность еще усилилась, когда Босуэл ее заметил и его светлые холодные глаза леденяще уставились на нее. Мелани захотелось встать и уйти, но такой Поступок автоматически привлек бы к ней внимание, поэтому она сжалась в кресле, поджав ноги и обратив взгляд на скачущие по поленьям языки пламени в камине.

Босуэл освободил свою руку и, в свою очередь, взяв под руку девушку, произнес:

– Дженни, я хотел тебе представить новую постоянлицу «Черного быка» – мисс Стюарт!

Теперь Мелани была вынуждена повернуться и заметить их. Она неохотно встала, непрерывно ощущая оценивающий взгляд Босуэла. Она не стала переодевать брюки и свитер, которые были на ней раньше, но под его взглядом почувствовала, будто ее раздевают.

– Здравствуйте, – неожиданно сказала девушка, горячо

пожимая руку Мелани. – Меня зовут Дженнифер Крэйг. Мелани в ответ улыбнулась, а Дженнифер небрежно продолжала: – Я живу здесь неподалеку, за деревней, в начале лоха. Вы сюда надолго приехали?

Мелани была смущена откровенностью девушки, но нашлась, ответив:

– Думаю, что ненадолго. Погода вынудила меня остановиться здесь.

Дженнифер фыркнула.

– Да, погода ужасна, не так ли? Я уговариваю Шона устроить конькобежное соревнование на льду лоха. Мы здесь ведь привычные к погоде, правда, Шон?

– Да, на самом деле, – сухо подтвердил он, переведя взгляд с Мелани на Дженнифер, и взгляд его стал таким нежным и мягким, что у Мелани горло перехватило. Конечно же, на нее он не посмотрел бы так никогда, подумала она и тут же упрекнула себя за эту мысль.

– Вы проводите здесь отпуск, мисс Стюарт? – снова поинтересовалась Дженнифер.

Мелани закусил губу.

– Не совсем так, – старалась она выиграть время.

– Мисс Стюарт приехала сюда, чтобы осмотреть Аконит, – объяснил Босуэл, снова бросив холодный взгляд на Мелани.

– Аконит? – Дженнифер была явно удивлена. – Вы интересуетесь старыми постройками, мисс Стюарт?

Прежде чем Мелани успела обдумать подходящий ответ,

Босуэл снова заговорил, и голос его был резок и холоден.

– Мисс Стюарт – новая владелица Аконита, – сообщил он.

Дженнифер раскрыла рот от изумления.

– Ты хочешь сказать... хочешь сказать, что у Ангуса были родственники?

Босуэл пожал плечами.

– Одна родственница, – уточнил он невыразительным голосом.

– О, Шон! – Дженнифер посмотрела на него с очевидной тревогой.

– Не расстраивайся так, Дженни. – Босуэл нежно обхватил ее рукой за худые плечи и слегка прижал к себе. – Мисс Стюарт, может быть, еще решит продать дом мне.

Дженнифер вздохнула и снова повернулась к Мелани:

– О, вы в самом деле это можете, мисс Стюарт? Мы – то есть Шон – так надеялись получить Аконит.

Мелани сжала вместе ладони рук.

– Я... я еще не решила, как поступлю с домом, – сказала она откровенно.

Дженнифер посмотрела на нее умоляюще.

– Мистер Кейрни всегда говорил, что дом однажды достанется Шону, – начала она, но Босуэл прервал ее.

– Мисс Стюарт не интересуют причины, по которым мы хотим иметь этот дом, – кратко резюмировал он. Затем, снова взглянув на Мелани, он обратился к ней: – Я думаю, вы скоро покинете нас, мисс Стюарт, поскольку вы уже осмот-

рели дом.

Мелани была ошеломлена суровостью его интонации.

– Я... я и по этому поводу еще не приняла решения, – воскликнула она.

– Что ж, возможно, вам придется его принять, – сказал он. – Погода постепенно ухудшается, и прогноз не обнадеживает.

– Вы, кажется, забыли, что моя машина все еще находится где-то на обочине дороги, – горячо возразила Мелани.

– Уже нет. – Босуэл отпустил плечи Дженнифер, чтобы достать коробку с сигарами. – Гараж в Россморе выслал своих людей, и они обнаружили ее. Думаю, что в настоящее время ее буксируют по направлению к отелю.

Мелани ощутила резкий приступ беспокойства.

– Но... но девушка за конторкой сказала, что они не смогут заняться машиной, – начала она.

Глаза Босуэла потемнели.

– Я лично поговорил с менеджером. Я объяснил ему, что вы не можете откладывать отъезд при теперешнем состоянии дорог.

Мелани едва не топнула ногой, такое ее охватило негодование.

– Что-то не припомню, чтобы я объявляла, сколько времени намереваюсь пробыть здесь! – резко сказала она. – Думаю, мне стоит поблагодарить вас за доставку моего автомобиля, но я на самом деле не знаю, когда уеду!

Дженнифер с долей беспокойства наблюдала этот бурный обмен мнениями, а Мелани направилась к двери. Она не задержится тут ни минутой дольше и не станет спорить с ним о вещах, которые имеют касательство к ней и только к ней.

Босуэл, однако, достиг двери раньше нее и положил руку на филенку, преграждая ей путь.

– Если вы беспокоитесь за состояние дома во время вашего отсутствия, то напрасно. Я присматривал за ним последние три месяца, с тех пор, как умер Ангус, и готов делать это и впредь до того момента, когда вы примете окончательное решение.

Мелани застыла.

– Спасибо, мистер Босуэл, но мне нужно кое-что сделать до моего отъезда.

– Что же, к примеру?

– Я не считаю, что это вас касается, но, если вы настаиваете, я хочу сделать уборку во всем доме. – Она сама не была уверена, что собирается заниматься таким делом, но нельзя было допустить, чтобы он выжил ее из Кейрнсайда своим отношением.

Дженнифер снова повернулась к ней.

– Но, мисс Стюарт, вам не справиться с такой задачей. Весь дом нуждается в генеральной уборке. Он буквально зарос грязью!

Мелани слегка улыбнулась.

– Все в порядке. Я не боюсь тяжелой работы, мисс Крэйг.

Более того, я получу от нее удовольствие. – Она вызывающе посмотрела на Босуэла. – А теперь, если вы оба позволите мне...

Босуэл убрал руку, но перед этим она успела заметить огонь, сверкнувший в его глазах в ответ на ее отказ от помощи. Он отодвинулся, и Мелани еще раз улыбнулась Дженнифер, прежде чем отворить дверь. Когда дверь закрылась за ней и она стала подниматься по лестнице к себе, то почувствовала, что вся дрожит.

Войдя в комнату, она принялась беспокожно расхаживать взад и вперед. Зачем нужно Босуэлу, чтобы она как можно быстрее уехала? Чем она может повредить ему, оставаясь здесь? Она сожалела, что все так получилось с домом, но она ничего не могла поделать с его холодным презрением, а он никогда не поверил бы, что она огорчена всем этим. Она допускала в конце концов, что он гордый, самоуверенный человек и ему обычно ничего не нужно было от таких, как она. С самого начала его отношение к ней носило характер едва прикрытого раздражения, и он ясно сознавал, что она не несет никакой ответственности за то, что не следует его советам. Но это и не были советы, со злостью подумала она, это были приказы, и именно поэтому она так сильно возражала против них. Он не имел никакого права указывать ей, что она должна, а чего не должна делать, а когда она доверилась ему и рассказала о своих надеждах на дом, он счел ее глупой и лишенной всякого здравого смысла.

Она устало подошла к окну. Наиболее разумным решением было бы сделать, как он сказал, и немедленно вернуться в Лондон. Теперь, когда она знала, что о доме позаботятся, она могла оставить все свои неопределенные планы и идеи до весны, когда не так трудно будет убедить Майкла в достоинствах дома. Вдобавок и сам он сможет приехать с нею в следующий раз и разделить ее энтузиазм.

Она обернулась и обвела взглядом комнату. Скрытое негодование зрело внутри нее, и она чувствовала, что не хочет уезжать. Она хотела остаться и сделать в доме генеральную уборку, как неосторожно заявила внизу. Она хотела увидеть, как с окон будут убраны ставни, дымок завьется над трубами и весь дом сделается чистым и сияющим.

Ее мозг лихорадочно заработал. Издатель ожидает ее возвращения в конце недели, но эскизы, над которыми она работала, уже близки к завершению и будут готовы за два-три дня. Подсчитав количество комнат в доме, она подумала, что недели ей вполне хватит, и что Майкл как-нибудь переживет этот срок. Кроме того, он очень занят и, без сомнения, ему некогда скучать о ней.

Она глубоко засунула кулаки в карманы брюк. Это была воодушевляющая перспектива, и ей не терпелось приняться за дело.

Она решительно спустилась вниз и позвонила в колокольчик. Девушка появилась из комнаты за конторкой и улыбнулась, увидев ее.

– Вы хотите ваш счет? – спросила она, роясь среди бумаг на конторке.

Мелани на мгновение нахмурилась.

– Нет, – твердо заявила она. – Я... я хотела сказать вам, что решила остаться здесь еще на неделю.

Девушка с удивлением подняла на нее глаза.

– На неделю, мисс Стюарт? Но ваша машина уже стоит перед отелем! Из разговора с Шоном я поняла, что вы утром уезжаете.

Мелани сжала губы. Она не должна позволять себе сердиться. Только не сейчас.

– По-видимому, мистер Босуэл ошибся, – разъяснила она. – Я решила остаться.

Девушка была явно выведена из равновесия.

– Я все же спрошу у Шона, все ли в порядке, – сказала она отрывисто.

Мелани издала глубокий вздох.

– Да, – сказала она, – спросите. И при случае скажите ему, что если он сочтет невозможным, чтобы я оставалась здесь, я, по-видимому, переселюсь в Аконит!

Глава четвертая

Мелани тщательно одевалась к обеду этим вечером. По некоторым соображениям ей хотелось показать Шону Босуэлу, что его раздражительность не беспокоит ее ни в малейшей степени и что она намерена сохранять безразличное настроение в его присутствии.

Она надела платье из бархата винного цвета, длинное и прямое, решительно подчеркивавшее грудь, а затем ниспадавшее складками до лодыжек. Ее волосы, разделенные пробором, мягко спадали на щеки и придавали ей скромный вид, а небольшое количество косметики сделало ее светло-фиолетовые глаза более яркими.

Удовлетворенная своим внешним видом, она направилась в столовую и была встречена восхищенными взглядами нескольких мужчин. Иэн Макдональд поднялся со своего места у камина при ее появлении и сказал:

– Элен сказала нам, что вы решили остаться еще на несколько дней.

– Элен? – Мелани наморщила лоб. – О, так зовут регистраторшу? Да, да. Я остаюсь еще примерно на неделю.

– Что заставило вас передумать? – с интересом спросила Элизабет Салливан. – Мистер Босуэл говорил, что вы поселились здесь всего на пару дней.

Мелани едва удалось сдержать эмоции.

– Думаю, мне просто понравилось здесь, – ответила она осторожно. – А что, снег все еще идет?

Снег прекратился, небо было чистым и ясным первый раз с тех пор, как она выехала из Форт-Уильяма позавчера, но ее вопрос удачно переменял тему разговора и когда Алистер поднял вопрос о возможности сильного мороза и ледостава на лохе, причины задержки Мелани в Кейрнсайде были преданы забвению.

Когда обед закончился, Мелани решила зайти в комнату при баре. Она не пила ничего крепче кофе с тех пор, как покинула Лондон, и мысль о ликере показалась ей привлекательной.

Дверь в бар открывалась из приемного холла, и войдя, она увидела, что там почти пусто. Как и остальная часть отеля, помещение было со вкусом украшено и обставлено. Здесь была закругленная стойка из полированного дерева, подсвеченная разноцветными лампочками. Молодого человека за стойкой бара она не видела раньше, и ей было приятно увидеть здесь еще одно молодое лицо. Мелани улыбнулась и, взобравшись на табурет возле стойки бара, попросила шартрез.

Молодой человек повернулся, чтобы налить ей напиток, а затем, пуская стаканчик в ее сторону, спросил:

– Вы – мисс Стюарт, не так ли?

Мелани кивнула и, подперев подбородок рукой, спросила с любопытством:

– А вы кто?

– Джефффри Босуэл, – незамедлительно ответил он. – Я брат Шона.

– О! – его слова застали Мелани врасплох. – Я... я и не знала, что у него есть брат...

– А откуда вам было знать? Вы приехали только вчера, а я в тот вечер не работал. Я был у друзей и вернулся только к ленчу.

Мелани задумчиво повертела стакан в руке.

– Я не заходила в бар вчера вечером, – призналась она и снова посмотрела на него. – Вам нравится работать в отеле?

– Да, здесь неплохо. Но я занят в баре неполную неделю. Я учусь в колледже в Глазго, а сейчас у меня каникулы и я подрабатываю в отеле.

Он взял стакан и принялся протирать его.

– Отель – это наше семейное дело. Думаю, что вы видели и мою сестру.

– Вашу сестру?

– Ну да, Элен. Она обычно стоит за конторкой в приемном холле.

– Ах да, разумеется. – Для Мелани это было еще одно открытие.

Джефффри поставил стакан и взялся за следующий.

– У нас каждый делает свою долю работы, – продолжал он. – Отель сейчас принадлежит, разумеется, Шону. Он старший сын.

– Старший сын!

Мелани не могла удержаться и, как недоверчивое эхо, повторила эти слова, а произнеся их, сразу же почувствовала, что в баре они не одни. Вошел мужчина, высокий черноволосый мужчина, выглядевший в вечернем костюме и сияющей белой рубашке еще более безупречно лощеным и мрачным, чем всегда.

– Добрый вечер, мисс Стюарт, – сказал он вежливо, оставившись рядом с ней. – Я так понял, что вы оставили для меня сообщение через Элен.

Мелани сделала над собой усилие, чтобы остаться на своем месте, в то время как все ее чувства понуждали занять как можно более дальнюю дистанцию от Шона Босуэла. Она не могла не ощутить присутствия этой неприятной личности, особенно когда он принялся осматривать ее, откровенно оценивающим взглядом своих странных светлых глаз, от которых не ускользали ни достоинства ее платья, ни молочная белизна шеи, открытой круглым вырезом. Она поймала себя на том, что тоже смотрит на него, пытаясь противостоять его самоуверенности тем же оружием, но мощная ширина плеч и сила крепких мышц, проступающих под дорогой тканью его костюма, попросту вызвали у нее пятна жаркого румянца на щеках и только усиливали неприятное внутреннее ощущение, вызванное его приходом.

В замешательстве она быстро подняла стакан и сделала большой глоток, чуть не поперхнувшись при этом. Он подо-

ждал, пока она снова овладеет собой, если не внутренне, то хотя бы внешне, а затем сказал:

– Элен передала мне, что вы решили остаться здесь еще на неделю.

Мелани была вынуждена снова взглянуть на него.

– Да, это так, – осторожно согласилась она, – при условии, что мои желания не войдут в противоречие с вашими.

Глаза Босуэла сузились и, к ее досаде, он уселся на соседний табурет.

– Так что же я предпринимаю? – спросил он с издевкой, и пальцы Мелани конвульсивно сжались вокруг доньшка стакана.

По каким-то соображениям он решил вывести ее из себя, и это ей очень не нравилось. Она предпочла бы его выскомерную кипучесть этой, более опасной стороне его характера. Наверное, он понял, что, задирая ее, ничего не добьется, и избрал другую тактику, чтобы заставить ее уехать. Джеффри отошел, чтобы обслужить двух мужчин, которые только что вошли в бар, и они остались наедине, к большому огорчению Мелани. Она потягивала свой ликер и старалась сосредоточиться на цветных огоньках позади стойки, но все время ощущала на себе его внимательный взгляд, и ей хотелось, чтобы он ушел и уделил внимание другим гостям, а ее оставил в покое. В гневе она решительно повернулась к нему и спросила:

– А чего, собственно, вы хотите от меня, мистер Босуэл?

Я сказала вам то же самое, что и Элен. По-моему, тут больше не о чем говорить.

Босуэл оперся спиной на стойку и положил на нее локти. Он чувствовал себя абсолютно непринужденно, и это приводило ее в бешенство.

– Я думаю, мы могли бы поговорить, – сказал он, наклонив голову и сосредоточенно глядя на нее.

Мелани нахмурилась:

– О чем же?

– О наших взаимоотношениях, к примеру. Или, может быть, об Аконите.

Мелани наклонила голову.

– Вам следовало бы поднять эту тему раньше. Почему вы вдруг решили заговорить об этом именно сейчас?

Он прищурил глаза, и она снова поразилась длине его ресниц.

– Может быть, я только сейчас начинаю сознавать, какая вы решительная женщина, мисс Стюарт. – Он повернулся на табурете лицом к стойке и, снова положив на нее локти, подпер подбородок руками. – Ну, так что вы говорили?

Мелани закусила губу. Она разрывалась между желанием обратиться как можно дальше от этого беспокоящего ее человека и столь же сильным желанием попытаться заставить его понять ее эмоции по отношению к Акониту. В конце концов, они не должны быть врагами, да и нет абсолютно никакой причины для этого. Только одно маленькое сомнение в целе-

сообразности совместного проведения длительного времени с Босуэлом заставляло ее колебаться. Но наконец она решилась и сказала:

– Что ж, хорошо, давайте поговорим об Аконите. Может быть, мы все-таки придем к какому-то компромиссу.

Босуэл соскользнул с табурета.

– Не здесь, – сказал он, – я предпочитаю разговор с глазу на глаз.

Мелани широко открыла глаза.

– О, но я не думаю...

– Да ладно, мисс Стюарт, вы ведь не побоитесь выпить вместе со мною? – Он обошел конец стойки. – Что вы предпочитаете? Виски? Ром? Бренди? Джин?

– Ничего, благодарю вас. – Теперь Мелани стало совсем не по себе.

– О, бросьте, вам же должно что-нибудь нравиться. – Босуэл усмехнулся несколько кривовато. – Думаю, маленькая порция виски с сухим имбирным подойдет?

Мелани тяжело вздохнула.

– Я, пожалуй, устала, мистер Босуэл. По-моему, нам надо перенести нашу беседу на какое-нибудь другое время...

Босуэл остановился перед ней с бутылкой виски и двумя бутылочками имбирного эля в руках.

– Вы что, боитесь меня, мисс Стюарт? – спросил он мягко, но с вызовом.

Мелани допила свой шартрез.

– Разумеется, нет.

– Прекрасно. Тогда пойдём?

Он сделал знак, пропуская ее вперед, и они вышли в приемный холл. Кто-то оставил входную дверь открытой, и холодный ветер дул прямо через коридор в холл. Босуэл поставил виски и две бутылки имбирного на конторку и ушел закрывать дверь, а Мелани осталась, дрожа, как от холода, так и от дурного предчувствия.

Вернувшись, он отреагировал на сомнение, выразившееся во взгляде Мелани, сардонической усмешкой.

– Я уж подумал, что вы сбежали от меня, – пробормотал он. – У вас был шанс.

– О, пожалуйста, мистер Босуэл, перестаньте играть со мной в кошки-мышки, – воскликнула она. – Я верю, что вы очень опытный противник, но меня эти игры не развлекают!

– Неужели, мисс Стюарт? Вы меня разочаровываете. Я думал, что все изысканные молодые леди любят словесные набеги на мужскую территорию.

Мелани осмотрелась вокруг.

– Куда вы меня ведете? – спросила она, не желая идти дальше.

Босуэл обошел конторку, подхватил бутылки и, повернув ручку двери за конторкой, толкнул ее.

– Сюда, мисс Стюарт, – спокойно сказал он, – будьте добры, обойдите кругом.

Он подождал, когда она обойдет конторку и войдет в ком-

нату, освещенную огнем камина. Услышав звук захлопывающейся двери, она нервно оглянулась. Но он не предпринял больше ничего подозрительного, лишь поставил бутылки, бывшие у него в руках, и зажег высокую лампу, которая залила комнату золотистым светом.

Это была удобная комната, маленькая и аккуратная, конторская мебель сочеталась в ней с менее деловым убранством.

Кроме письменного стола и двух шкафов с документами, здесь стояли два глубоких кресла, обитых темно-красной кожей, несколько потертые, но явно удобные, а также немного старомодный диван в чехле из зеленого бархата со свернутым подголовником на одном из концов. На столе было разложено множество бумаг, но в этом беспорядке чувствовалась определенная упорядоченность, а единственным выпадающим по стилю предметом был телефон, кричаще современный.

Мелани задержалась в центре комнаты, поворачиваясь и чувствуя, как ее охватывает тепло от поленьев, пылающих в очаге, а тем временем Шон Босуэл достал стаканы из маленького застекленного шкафчика и откупорил бутылку виски. Налив небольшое количество виски в один стакан, он отмерил более щедрую дозу в другой, а затем добавил эль в первый стакан и протянул его Мелани. Она с неохотой приняла стакан и продолжала неуверенно стоять, пока Босуэл не обошел ее, направляясь к камину.

– Садитесь, – указал он на одно из кресел и выпил половину напитка одним глотком.

Мелани после некоторого колебания последовала его совету, но свой стакан поставила на каминную полку рядом с собой, даже не пригубив. Босуэл прикончил свою дозу и лениво пошел налить следующую.

– Скажите, – сказал он, поворачиваясь к ней со стаканом в руке, – какую цену, по вашему мнению, могут дать за Аконит на открытом рынке?

Вопрос застал Мелани врасплох.

– Не знаю, – сказала она. – Я не думала об этом. Наверное, недорого.

– Тысяч пять?

Мелани нахмурилась.

– Может быть, хотя я считаю, что это слишком щедро. Думаю, может быть, – четыре тысячи.

– Хмм. – Босуэл некоторое время изучал виски в своем стакане, а затем снова опрокинул половину себе в глотку. – Четыре тысячи, а? – Он снова уставился на свой стакан. – А что если бы кто-то предложил вам, скажем, восемь тысяч за него, вы сочли бы это щедрым предложением?

Мелани недоверчиво посмотрела на него.

– Восемь тысяч! Никто не даст восемь тысяч за Аконит!

– Я дам.

– Что!?! – изумилась она. – Вы это серьезно?

– О, да, конечно. – Босуэл пристально посмотрел на нее.

– Поэтому-то я и пригласил вас сюда. Я собирался сделать вам это предложение.

Мелани сняла с каминной полки свой стакан с виски и спешно отхлебнула. Она почувствовала, что ей нужна такая поддержка. Она не верила своим ушам. Босуэл предлагал ей восемь тысяч фунтов за дом, который не стоил и половины!

Она осушила свой стакан и рассеянно держала его в руке, пока он не взял у нее и не возвратил наполненным. Она взяла его машинально, но не стала подносить к губам.

– Но почему вам так нужен Аконит? – промолвила она наконец. – Мне кажется, что в этих местах есть и другие дома, которые вы могли бы купить. Почему именно Аконит?

– У меня есть свои причины, – коротко ответил он, заканчивая второй стакан виски. – Аконит удобен, и это единственный такой дом в округе. И, в конце концов, он единственный сейчас свободен!

У Мелани комок застрял в горле.

– Вы ставите меня в очень трудное положение, мистер Босуэл.

– Почему?

– Потому что я не хочу продавать Аконит.

– Но, Бога ради, почему?! – Босуэл хлопнул себя кулаком по лбу. – Почему? С восемью тысячами вы купите себе сельский коттедж возле Лондона, более подходящий к вашим требованиям, чем Аконит.

Мелани потягивала вторую порцию, тщательно выбирая

слова.

– Я не понимаю, в чем проблема, мистер Босуэл. Мне нравится дом. Мне нравится место. Я же сказала вам – я не хочу жить рядом с Лондоном.

– Вы с ума сошли! – яростно пробормотал он, поворачиваясь, чтобы налить себе еще виски. – Что может значить для вас Аконит!

Мелани неуверенно поднялась на ноги.

– Он означает для меня место, которое я могу назвать своим впервые в жизни! – с горячностью заявила она.

– Но это может быть и любой другой дом! – раздраженно воскликнул Босуэл. – У вас не было достаточно времени, чтобы сформировалось особое отношение к этому месту! И если бы я завтра сказал вам, что это вовсе не Аконит, и привел бы вас к другому дому, вы бы этому поверили!

– Нет, не поверила бы, – мгновенно ответила она. – Вот у вас есть семья – брат и сестра рядом с вами, – а у меня нет никого. Родители мои умерли, а я была единственным ребенком! Для меня Аконит казался звеном, связывающим меня с прошлым, с моей матерью, если хотите. И потом, он принадлежал кому-то, кто был моим родственником, неважно, насколько отдаленным!

– Сентиментальная чушь! – сердито отрезал он. – За всю мою жизнь я не слышал такой бессмыслицы! И вы надеетесь, что ваш бесценный жених с его фешенебельной лондонской практикой кинется по вашему слову и желанию в дом, рас-

положенный в Шотландских горах, в сотнях миль от утонченной цивилизации?

Теперь на Мелани напала дрожь.

– Майкл, может быть, и не хочет жить в Шотландии, я уже почти готова признать это, но это вовсе не означает, что я должна продать дом. Мы вполне могли бы пользоваться им во время отпуска и...

– И остальную часть года он будет пустовать, – огрызнулся он.

– Да. И поэтому я хотела поговорить с вами. Я собиралась убедить вас пойти на компромисс, чтобы мы с вами разделили...

– Э, избавьте меня от этих бредней! – яростно прорычал он. – Я не желаю вашего компромисса. Мне нужен Аконит, и, клянусь Богом, я его намерен получить!

У Мелани подкосились ноги. Задев его, она прошмыгнула мимо, к двери, и выбежала в холл. Там было значительно прохладнее, но она не заметила этого. Ее щеки пылали, и вся она горела, как в огне. Как она могла подумать, что сможет договориться с этим человеком? Он невозможен, абсолютно невыносим!

Оставив свой недопитый стакан на конторке, она поднялась наверх и, добравшись до своей комнаты, почувствовала себя в убежище и расслабленно опустилась на кровать. Всегда, расставшись с Босуэлом, она чувствовала себя как выжатый лимон, и этот раз не был исключением. Он умел все

ее аргументы сводить к детским попыткам быть взрослой, и никому, даже Майклу с его искусным юридическим умом, не удавалось этого добиться.

Выключив свет, она подошла к окну и раздвинула шторы. На черном как смоль небе сияли звезды. Вся масса гор была иллиуминирована снегом. Она подумала, что замкнутые пространства не беспокоили ее прежде, но эти горы сегодня ночью вызвали какое-то клаустрофобическое ощущение⁴, а может быть, память о том, что произошло, заставляла ее воспринимать все таким образом. В любом случае, она готова была расплакаться, хотя и не было никакой убедительной причины думать о том, о чем ей хотелось думать.

На следующее утро все выглядело, разумеется, оптимистичнее. Снег не возобновлялся более, и воздух был морозный и бодрящий. После завтрака Мелани тепло оделась и пошла посмотреть свою машину. После ее прибытия вчера она бросила на нее беглый взгляд, но этим утром она решила запустить двигатель и убедиться, что он все еще работоспособен.

Она безуспешно давила не стартер, когда из отеля вышел Джеффри Босуэл. Он был одет в красную парку и темные брюки, темные волосы его слегка развевались на ветру, и на секунду она подумала, что это Шон Босуэл, но в следующий момент поняла, что это не он. В действительности в них было

---

⁴ Клаустрофобическое ощущение – боязнь замкнутого пространства.

мало похожего, кроме темной шевелюры. Она выбралась из машины и спросила:

– Скажите, вы разбираетесь в двигателях?

Джефффри свернул в ее сторону.

– У вас проблемы?

– Да, пожалуй, можно и так сказать, – иронически согласилась она.

Джефффри усмехнулся.

– Откройте капот, я взгляну.

Мелани вернулась в машину, потянула рычаг, который открывал капот, и Джефффри поднял его. Затем он стал разглядывать двигатель с напускной самоуверенностью. Мелани стояла рядом, притопывая ногами, чтобы восстановить в них тепло, и терпеливо ждала его приговора.

– Контакты подмокли, – сказал он, наконец. – Шон говорил, что машина простояла ночь в сугробе, это так?

– Боюсь, что так.

– Значит, влага проникла в двигатель, – сказал Джефффри. – Вам надо подождать, когда солнце просушит его. Может быть, завтра все будет в порядке. А если вы будете продолжать давить на стартер, то посадите аккумуляторы.

– Спасибо! – Мелани захлопнула капот и продолжала стоять рядом, беспокойно покусывая губы.

– Что-то не так? Вы непременно хотите воспользоваться автомобилем?

– Разумеется. – Мелани задумчиво посмотрела на

рэйндж-ровер, стоящий по соседству с ее маленькой машиной. – Я хотела поехать вниз, к деревне, у меня там кое-какие дела.

Джеффри ссутулился.

– Не смотрите так на меня. У меня нет никакого транспорта.

– Нет? И вы не водите машину? – вздохнула Мелани.

– Разумеется, вожу. Но если вы думаете, что я могу взять рэйндж-ровер, то ошибаетесь. Шон не разрешает мне брать его.

Мелани еще раз вздохнула.

– Понимаю. А как вы думаете, мне он позволил бы его взять?

– Никто не имеет права брать рэйндж-ровер! – громогласно заявил Джеффри. – Вам придется пойти пешком. Здесь недалеко.

– Дело не в расстоянии, – объяснила Мелани. – Дело в вещах, которые я хотела взять. Я думаю, они слишком тяжелы, чтобы нести их так далеко.

– А зачем? Что вы собираетесь купить?

Мелани прикусила губу.

– Ну, для начала немного краски. И какие-нибудь принадлежности для уборки.

Краску? Принадлежности для уборки? Ее слова поставили Джеффри в тупик, но как раз в этот момент спортивный автомобиль, за рулем которого Мелани вчера видела Джен-

нифер Крэйг, стал не спеша сворачивать с дороги в сторону отеля.

Дженнифер поставила машину на стоянке рядом с ними и вышла из нее, дружелюбно улыбаясь.

– Привет, – сказала она. – Вы какие-то мрачные. Что случилось?

Мелани заставила себя улыбнуться.

– Машина не заводится, – объяснила она. – Мистер Босуэл говорит, что подмокли контакты.

– О, пожалуйста, зовите меня просто Джефффри! – с усмешкой воскликнул Джефффри. – Вы соображаете в механике, Дженни?

Дженнифер рассмеялась.

– Не особенно, – призналась она.

Сегодня на ней были твидовая юбка и меховая куртка, а на ногах спортивные ботинки, и она выглядела более неуклюже, чем в прошлый раз, но вела себя очень симпатично, и Мелани решила, что Дженнифер ей нравится.

– Может быть, я могу чем-нибудь помочь? – продолжала Дженнифер. – Куда вы собрались?

Мелани засмеялась.

– Это ужасно мило с вашей стороны, мисс Крэйг, но я только хотела закупить кое-какие вещи в деревне – и все.

Дженнифер хлопнула по капоту своей машины.

– О'кей, запрыгивайте! Я вас подброшу.

– А как же я?! – взвился Джефффри, и Мелани подумала,

уж не было ли у него назначено здесь свидание с Дженнифер?

Дженнифер подняла брови.

– Это двухместная машина, Джефффри, – напомнила она.
– А к тому же ты вовсе не собирался в деревню, не так ли?

Джефффри снова ссутулился.

– Нет, не собирался, – согласился он.

– Тогда жди нас здесь. Мы сразу же вернемся. Пойди и попроси Джози, чтобы она приготовила тебе чашечку кофе. Я уверена, что она с удовольствием окажет тебе эту услугу.

Джефффри сделал игривое угрожающее движение в сторону Дженнифер, и она с визгом, смеясь, вскочила в машину и распахнула противоположную дверцу перед Мелани.

Мелани бросила на Джефффри сочувственный взгляд и залезла в спортивный автомобиль. Двигатель взревел и, брызгая снежной кашей из-под колес, машина помчалась.

Дженнифер вела машину мягко и умело, почти как Шон Босуэл, подумала Мелани, прикидывая, что бы сказать в оправдание своих закупок, но Дженнифер опередила ее своим вопросом.

– А много тебе всего нужно купить в деревне? Должна предупредить тебя, что кроме универмага и почты нам по пути мало что из лавок может попасться.

Мелани улыбнулась ей.

– Универмага мне вполне будет достаточно, – сказала она.
– Мне нужны только жидкости для чистки и тряпки, что-

нибудь в этом роде. О, и немного эмульсионной краски!

Дженнифер бросила на нее быстрый взгляд.

– Извини за любопытство, но все эти вещи для Аконита?

– Да, – вздохнула Мелани.

К ее удивлению, Дженнифер только пожала плечами и коротко сказала:

– Хорошо.

У Мелани расширились глаза.

– Значит, ты не возражаешь? Я имею в виду... я подумала было... это... – Она неуверенно запнулась, сознавая, что при любом высказывании слишком много на себя берет.

Но Дженнифер вовсе не казалась выбитой из колеи.

– Ты думаешь, если Шон хочет получить Аконит, я должна мешать тебе улучшить состояние дома, не так ли?

Мелани ответила кивком, и она продолжала:

– Большой ошибки ты не могла бы совершить. Я сама несколько раз собиралась сделать там уборку, но Шон мне не позволил. Так что я считаю это замечательной идеей.

У Мелани отлегло от сердца.

– Слава Богу! А то мне казалось, что принимая твое предложение подвезти меня, я совершаю обман.

Дженнифер покачала головой.

– Не будь глупой. Я рада помочь. Думаю, что твоя собственная машина завтра будет в порядке. Ты уже решила, сколько здесь пробудешь?

– Да, я собираюсь оставаться здесь, пока Аконит не сдела-

ется пригодным для обитания, – ответила Мелани. – Думаю, на это потребуется около недели...

– Понимаю. – Дженнифер кивнула.

Теперь они подъезжали к деревне, и Мелани увидела, насколько она мала. Это была всего одна главная улица с узкими домами по обе стороны, маленькой школой, церковью и несколькими лавками, о которых упоминала Дженнифер. Слева от главной улицы через просвет между домами Мелани впервые увидела проблеск Лох-Кейрнросса и с любопытством взглянула на дом Дженнифер, который виднелся на той стороне водного пространства.

– Ты должна приехать сюда летом, – со вздохом промолвила Дженнифер, – Мы сможем поплавать и покататься на водных лыжах, а у Шона есть парусный ялик.

Мелани поджала губы. Она хотела сказать, что собирается приезжать в Аконит в любое время года, но это могло показаться невежливым в свете того, что говорила Дженнифер.

Женщина, которая держала универсальный магазин, была очень предупредительна, и, хотя она очень любопытствовала, кто такая Мелани и зачем ей порошки для чистки и эмульсионная краска, присутствие Дженнифер удерживало ее от слишком большого количества уместных в этом случае вопросов.

Обе девушки были настолько нагружены своими покупками на обратном пути к машине, что Мелани, со смехом выглядывая из-за коробки с порошками, призналась:

– Не знаю, как бы я управилась без твоей помощи. Еще раз спасибо.

Дженнифер протестуяще покрутила головой.

– Это ерунда! На самом деле я только развлеклась. Меня всегда забавляет, когда миссис Макферсон теряет дар слова. Ей было до смерти любопытно, почему ты, гостья в городе, покупаешь порошки для чистки. Она, наверное, распустит по деревне слух, что отель Шона в таком состоянии, что постояльцам приходится самим отмывать свои комнаты.

Мелани открыла рот.

– О, ты, наверное, шутишь!

Дженнифер рассмеялась.

– Возможно, и нет. Ну, вот и добрались. – С этими словами она открыла дверцу машины. – Просто забрасывай все за сиденье. Распакуем уже в доме.

– В доме? – нахмурилась Мелани, скользнув на сиденье.

Дженнифер кивнула.

– Разумеется. Мы ведь можем завезти все это в Аконит. Ты ведь не хочешь везти эти вещи обратно из отеля сама?

– Конечно же, нет! – Мелани задумалась. – Однако это вызовет неприятные эмоции у мистера Босуэла.

– Ну и что? – Дженнифер пожала плечами и тронула машину с места. – Он ведь мне не опекун.

Мелани испытывала сильное искушение спросить, какие же на самом деле связи существуют между ними, но ее, как и миссис Макферсон, удержала от этих вопросов манера пове-

дения Дженнифер. Поэтому она с удовольствием вернулась к мыслям о предстоящей уборке старого дома.

Ворота были открыты. Дженнифер проехала прямо по дорожке к Акониту и остановила машину возле передней двери.

– У тебя есть ключи? – вдруг спросила она.

– Ключи? – Мелани порылась в карманах. – Ах, да, – сказала она, вытаскивая связку ключей, которую оставил накануне Шон Босуэл на кухонном столе, и которую она машинально сунула в карман. – Вот они. Ты знаешь, который из них отпирает переднюю дверь?

– Дай-ка посмотреть. – Дженнифер вылезла из машины с ключами в руке, и Мелани последовала ее примеру, сняв, как и она, меховую шапку. Дженнифер поразительно легко нашла нужный ключ, и дверь со скрипом распахнулась внутрь на ржавых петлях.

– Жуть, правда? – скривилась Дженнифер, возвращаясь, чтобы помочь Мелани вытащить коробки из машины. – Старый Ангус не потратил бы и пенни на ремонт, потому что считал это абсолютно ненужным. Дому надо было начать валиться ему на голову, чтобы он позаботился пригласить кого-нибудь навести порядок. – Она вздохнула. – Представь себе, он был совершенно прикован к постели последние два года, так что, я думаю, тебе не стоит в самом деле слишком уж винить его.

– Он действительно был так болен? – Мелани заинтриго-

ванно посмотрела на Дженнифер. – Ну, продолжай. Расскажи мне о нем. Я, в сущности, так мало знаю.

Пока они разгрузили машину и сложили покупки в кучу на кухонном столе, Дженнифер успела многое сообщить о двоюродном брате матери Мелани. Здесь в Аконите он родился, жил всю свою жизнь, кроме периода второй мировой войны, которую провел на море.

– Ты знаешь, он служил на флоте, – продолжала Дженнифер. – И по всем статьям он был дамский угодник. Мой отец рассказывал, что ему удивительно шла морская форма. Я думаю, что так оно и было, потому что... – Ее голос замер, и Мелани с любопытством взглянула в ее сторону.

– Почему? – спросила она. Дженнифер, сжав губы, дернула плечом.

– Да так просто думаю. Что, все коробки уже здесь? Мелани вздохнула.

– Да. Я принесла три последние.

Дженнифер кивнула чуть ли не с сожалением и задумчиво посмотрела на потолок кухни.

– Так с какой комнаты ты собираешься начать уборку?

– Думаю, начну прямо отсюда, – ответила Мелани, вернувшись мыслями к работе. – Это, по-моему, будет логичнее всего. Специалист сказал бы, что я должна начать с самого верха и вести уборку, спускаясь вниз. Но я хочу начать с кухни, потому что хочу наладить обогрев. Ты знаешь, как разжигать эту плиту?

Дженнифер подошла к огромной плите и критически посмотрела на нее.

– О да, – сказала она, кивая, – когда-то мы пользовались таким чудищем. Думаю, что смогу ее растопить как надо. – Затем, словно воодушевившись, она воскликнула: – Я, конечно, не предполагаю, что ты мечтаешь воспользоваться моей помощью, но я думаю, что две пары рук справятся с этим быстрее, чем одна, а я могла бы вполне заняться той работой, на которую у тебя не хватит времени.

Мелани уставилась на нее.

– О, Боже! – вскричала она. – Твои родители или Босуэл никогда не позволили бы тебе помогать мне здесь! Это же будет исключительно ручная, грязная работа!

Дженнифер рассмеялась.

– Я не боюсь черной работы. Как и ты, я получу большое удовлетворение от того, что это место снова станет привлекательным.

Мелани развела руками.

– Но – однако...

– Однако – ничего! – улыбнулась Дженнифер. – Так ты хочешь, чтобы я тебе помогла или нет?

– Конечно, хочу. – Мелани ответила с непроизвольной жестикуляцией. – Я в высшей степени буду довольна, если ты составишь мне компанию. Одной здесь жутковато, как ты уже говорила.

– Тогда замечательно. С Шоном и моими родителями я

как-нибудь объяснюсь. – Она посмотрела на часы. – Еще только чуть позже одиннадцати, так почему бы нам сразу не начать? – Она принялась стаскивать перчатки. – Кстати, зови меня Дженни, а я тебя буду звать просто Мелани. Обращаться по фамилии – это так по-обывательски.

Мелани растерянно кивнула.

– Я прямо не знаю, что и сказать, – начала она с улыбкой.

– Тогда ничего и не говори, – молниеносно ответила Дженнифер. – Ну, начали!

Было замечательно, что такое согласие было достигнуто за столь короткий срок. Пока Дженнифер занималась расчисткой плиты, Мелани покопалась в шкафах и возвратилась с двумя ведрами, которые вымыла, прежде чем пустить в ход. Затем она скинула теплую одежду и, оттащив кухонный стол на другую сторону помещения, начала отмывать потолок жидким детергентом. Это была утомительная работа, ей постоянно приходилось держать руки поднятыми, и Дженнифер с сочувствием смотрела на нее, заканчивая отмывать наружные стенки плиты.

– Думаю, мне досталась более легкая работа, – заметила она, вытирая грязные руки старой тряпкой. – Мне помочь тебе или затопить сначала плиту?

Мелани опустила руки.

– Я смогу управиться сама, – твердо заявила она. – А если бы ты нашла что-нибудь, чем можно было бы разжечь бойлер, я была бы тебе очень благодарна. Сейчас я разогрелась,

но на самом деле здесь изрядный холод.

Дженнифер кивнула, поднялась и задумчиво посмотрела кругом.

– Я не знаю, где я могла бы здесь найти сухие дрова, – сказала она. – Весь деревянный мусор, валяющийся на участке, наверняка сырой. Я гораздо быстрее управлюсь с задачей, если поеду в деревню и куплю дрова.

– Какая досада, – огорчилась Мелани. – Об этом я и не подумала.

Дженнифер усмехнулась.

– Не расстраивайся. Я сейчас, только сполосну руки и пойду.

Когда она ушла, Мелани слезла со стола, чтобы набрать чистой воды, и пока ее ведро наполнялось, она критически смотрела вверх, оценивая свои достижения. Та часть потолка, которую она отмыла, начинала принимать пристойный вид, и после того, как она покроет весь потолок белой эмульсией, он будет выглядеть вполне чистым. Разумеется, трудно было проделать все это, пользуясь только холодной водой, и ее пальцы озябли до костей, но как только Дженнифер пустит в ход плитку, она согреет для них воду.

Она услышала шум машины Дженнифер, возвращающейся по дорожке, и пошла в холл, чтобы встретить ее. Однако, когда Дженнифер открыла входную дверь, по выражению ее лица Мелани сразу поняла, что что-то не в порядке.

– Что случилось? – начала она с опаской, но тут позади

девушки появилась еще одна фигура. Еще раньше, чем она могла различить лицо в полутемном коридоре, Мелани почувствовала, кто это был, и сердце у нее упало.

Дженнифер с беспомощной гримасой покорно произнесла:

– Шон искал меня. Мы встретились в деревне.

– Я понимаю. – Мелани провела кончиком языка по пересохшим губам. – Здравствуйте, мистер Босуэл, вы пришли посмотреть, как продвигается наша работа?

– Нет! – Шон был непреклонен, и Дженнифер, хотя на лице ее выразилось сожаление, по-видимому, была готова ему подчиниться. Она с легкой завистью посмотрела на Мелани и сказала:

– Прости, Мелани, я хотела помочь...

Мелани сжала кулаки, подавляя ощущение несправедливости, зревшее в ее душе.

– Все в порядке, Дженни, – коротко ответила она, – я все понимаю.

– Я в этом сомневаюсь, – мрачно отрезал Шон Босуэл и, пропустив Дженнифер вперед себя, вышел из дома, захлопнув за собой тяжелую старую дверь.

Глава пятая

После того, как они ушли, Мелани стало невероятно трудно продолжать работу. Кроме всего прочего, она замерзла, хотя раньше ей было тепло, и вдобавок она вся горела энтузиазмом. Внезапно все стало неинтересным, и она бросила на пол тряпку, которой пользовалась, и потянулась за своим овчинным пальто. Прежде чем делать что-нибудь дальше, она должна привести в действие бойлер и после этого ничто не удержит ее от действий, которые она запланировала.

Однако легче было сказать, чем сделать. Купила Дженнифер дрова или нет, Мелани не знала; она знала лишь, что не принесла в дом ни поленца, и поэтому здесь не было ничего, чем можно было бы разжечь огонь.

Мелани решительно вышла из дома и поспешила по дороге в сторону деревни. То, что было короткой поездкой на автомобиле, обернулось непростой прогулкой по заледеневшей поверхности дороги, поскольку улучшение погоды сопровождалось падением температуры.

Женщина в деревенском магазине с удивлением посмотрела на Мелани, когда она спросила дров или растопки.

– Мисс... э... Крэйг недавно покупала все это здесь, – заметила она с явным любопытством. – Я поняла, что это для вас.

Мелани с легкой улыбкой ответила:

– Мне нужно еще. – И спокойно, намного спокойнее, чем сама себя чувствовала, спросила: – Надеюсь, вы не возражаете?

Женщина пожала плечами и повернулась, чтобы набрать полиэтиленовый мешок растопки.

– Вот, пожалуйста.

– Благодарю вас. – Мелани заплатила за щепу и, не объясняя больше ничего, покинула лавку и поплелась по дороге к дому. Она пыталась не размышлять о причинах, побудивших Шона Босуэла так строго обойтись с Дженнифер за попытку помочь ей, но воспоминание о его сердитом лице трудно было выкинуть из головы. Она находила его опеку над девушкой одновременно и понятной и раздражающей. В каких отношениях они были с Дженнифер? Любил ли он ее? Он определенно вел себя именно таким образом. А если это было так, то было ли его намерением ввести свою невесту в Аконит?

Она беспомощно покачала головой. Если это так, то могла бы посочувствовать его разочарованию, но заставить себя сделать это она не могла.

Мелани свернула через ворота на дорожку и пошла к дому. И тут перед ее глазами проплыл клуб дыма, за которым тут же проследовал еще один... и еще. Глаза Мелани широко раскрылись, она взглянула вверх на крышу дома и увидела, что дым идет из печной трубы. Ее охватило воодушевление, и она побежала к дверям. Она ворвалась в холл с криком:

– Дженни! Дженни! Я вернулась! – но была встречена полной пустотой.

Она понуро заперла переднюю дверь, озадаченно оперлась на нее спиной, прежде чем медленно пройти через холл в кухню. В ее отсутствие кто-то разжег печь, и красное сияние проникало через слюдяные окошечки, предназначенные для наблюдения за пламенем. Она уставилась на это красное сияние с накопившимся недоумением, затем потрясла головой, бросила мешок, который держала в руках, и устало прислонилась к столу.

Во всем этом деле было нечто лишающее сил, и она чувствовала огромное желание тут же покинуть этот дом. Но сделать так значило бы признаться в смешных всплесках фантазии, а она никогда не была истеричкой. И вместо этого она снова сняла свое пальто и принялась за чистку потолка.

Тем не менее, ее часы сообщили, что уже почти наступило время ленча и что ей осталось работать всего пятнадцать минут, прежде чем придется слезть со стола и вытереть руки тряпкой. Для проверки она приоткрыла дверцу плиты и обнаружила, что начальный жар уже затухает и нужна новая порция топлива. Задняя дверь не была заперта и, обнаружив это, она решила, что тот, кто разжигал печь, должно быть, пошел за топливом. Угольный ящик находился неподалеку от задней двери; она набрала несколько полных лопат кокса и, подбросив их в топку, снова поддержала огонь.

Сделав это, она осталась довольна собой и, прежде чем

выйти через переднюю дверь, заднюю заперла.

Однако, как только она собралась открывать переднюю дверь, на ее волнистом стекле обрисовалась тень какого-то человека.

Мелани не могла сдержать возглас удивления, который вырвался у нее при этом неожиданном появлении. Некоторое время она не решалась двинуться, не желая, чтобы ее заметили. Она не могла вообразить себе, кто бы это мог быть, разве что Джефф пришел посмотреть, как идут у нее дела.

Набравшись храбрости, она сделала шаг вперед, но не успела взяться за ручку двери, как та повернулась и дверь открылась вовнутрь. Мелани отступила и тут же почувствовала огромное облегчение, узнав того, кто пришел.

Шон Босуэл стоял в дверях и с беспокойством смотрел на нее.

– Вы что-то бледны, мисс Стюарт. Я думаю, что работа при минусовой температуре не очень полезна для вашего здоровья, тем более что вы привыкли к комфорту, как вы сами точно отметили.

Мелани застегнула свое пальто на верхнюю пуговицу слегка непослушными пальцами.

– Я вовсе не работала при минусовой температуре, мистер Босуэл. Кто-то разжег плиту, за что я ему очень благодарна. Его темные брови поднялись.

– Если и так, то все равно половину утра вам пришлось выдерживать холод этого мавзолея.

– Согласна, – улыбнулась Мелани. – Вот поэтому я и развела огонь на все послеполуденное время.

Он пожал плечами.

– Вы намерены вернуться сюда и работать до вечера?

– А почему бы и нет?

– Приближается метель. Плохой прогноз. На вашем месте я остался бы в отеле до конца дня.

Мелани нетерпеливо махнула рукой.

– Но вы не на моем месте, мистер Босуэл. Меня вряд ли занесет снегом здесь, не так ли? Всего в ста ярдах от отеля!

Он пожал плечами.

– Как хотите, мисс Стюарт.

Мелани сделала движение по направлению к двери, и он вежливо отступил, чтобы пропустить ее. Она же заколебалась, близко ощутив массу его тела и волнующий взгляд светлых глаз.

– Скажите, – спросила она испытующе, – почему вы позволили Дженнифер в конце концов вернуться и разжечь плитку?

Он внимательно посмотрел на нее сверху вниз.

– А вы уверены, что я именно так поступил?

– Что вы имеете в виду? – У Мелани перехватило дыхание.

– То, что я сказал. Попросту говоря, Дженнифер не разжигала плитку.

Мелани нахмурилась.

– Хорошо, но если не она, то кто? – Ее глаза встретились с его взглядом, и она резко отвела их в сторону, потому что ее сердце начало биться чаще и это разозлило ее. Она провела языком по губам и сказала:

– Простите, мне следовало догадаться, конечно. Это вы развели огонь в плите.

– Я? – Он повел широкими плечами, – А зачем мне заниматься такими вещами? Особенно после того, как вы пренебрегли моими настоятельными пожеланиями и пришли сюда?

Мелани рассеянно заложила за ухо выбившуюся прядку волос.

– Вы просто дразните меня, – сказала она напряженно. – Прошу меня извинить! Сейчас время ленча, и мне пора в отель.

Босуэл прислонился к колонне рядом с дверью.

– А может быть, это старый Ангус развел для вас огонь? – криво усмехнулся он. – В деревне есть люди, готовые присягнуть, что видели дым, идущий из труб, после его смерти.

Мелани сердито посмотрела на него.

– О, мистер Босуэл, – сказала она, яростно сжимая кулачки. – Вы решили отвадить меня отсюда, не так ли? Я вам вот что скажу: я не боюсь сверхъестественных явлений и не верю, что плита зажглась сверхъестественным путем. Вы растопили плиту, мистер Босуэл, и что бы вы ни говорили, это не убедит меня в обратном!

Босуэл выпрямился.

– Я не разжигал плиту, мисс Стюарт. Даю вам слово.

Мелани с минуту смотрела на него, а затем, кусая губы, повернулась и быстро зашагала к воротам. Она решила, что ему не удастся запугать ее таким способом, и даже не обернулась, когда он выкрикнул вслед ее имя.

Она почти бегом направилась в отель, и только когда горничная положила на ее стол связку ключей с приветом от мистера Босуэла, она поняла, что забыла запереть двери Аконита.

Так или иначе, она не пошла в Аконит снова в тот день.

После ленча у нее началась ужасная мигрень, полученная, без сомнения, вследствие постоянного запрокидывания затылка во время утреннего мытья потолка, и она была вынуждена улечься в постель вместо того, чтобы возвратиться в старый дом. Она убеждала себя, что сожалеет о потерянном вечере, но в глубине души чувствовала, что это вовсе не так. У нее было достаточно хлопот на этот день.

У нее не было аппетита, она не спустилась на обед, и девушка из столовой постучала в ее дверь и спросила, не желает ли она чего-нибудь съесть. Однако Мелани согласилась взять только кофе, и после восьми снова была в постели.

На следующее утро ожидаемая метель разразилась. К тому времени, когда Мелани спустилась вниз завтракать, ветер уже завывал за стенами отеля, и невозможно было избежать сквозняков. Мелани немного поела, сомневаясь, долж-

на ли она предпринимать попытку отправиться в Аконит, в самую пасть бури, и в конце концов решила от нее отказаться. Она провела утро в маленькой гостиной перед пылающим камином, играя в карты с Иеном Макдональдом и Алистером. Алистер, по всей видимости, утратил часть своей бесцеремонности в отношении ее или же, как и Иена, его разбирало любопытство по поводу ее связей с Аконитом.

Как бы то ни было, оба они донимали ее вопросами о ближайших планах, и Мелани испытывала некоторые трудности, пытаясь отвечать искренне. Возможно, ее ответы удовлетворили их, потому что беседа в конечном счете переключилась на личность предыдущего владельца Аконита и выяснилось, что Алистер многие годы знал Ангуса Кейрни, собственно, со Второй мировой войны. Он больше распространялся об уединенном образе жизни Ангуса и сообщил ей, что обычно играл со стариком в шахматы раз в неделю.

– Шон был для него единственной радостью, – по собственной инициативе добавил Иен, и Мелани задумалась о странных взаимоотношениях, которые были между ними.

Однако она не стала его об этом расспрашивать. Дела Шона Босуэла вовсе не касались ее, и она не хотела бы, чтобы он вообразил, что она своими расспросами вмешивается в его частную жизнь и тревожит память его отца.

После ленча пожилые ее собеседники отправились отдыхать, а Мелани подошла к окну столовой, задумчиво глядя на метель. Снег все еще шел, но уже не так густо, и вынуж-

денная бездеятельность начинала нервировать ее сознанием того, как мало у нее времени для выполнения такой большой работы.

Она решила несмотря ни на что идти в Аконит. Поднявшись к себе, она тепло оделась и снова спустилась вниз. Выходя из отеля, она столкнулась с Джефффри Босуэлом, и тот нахмурился, поняв, куда она направляется.

– Вы конечно же не сядете за руль в такую погоду! – воскликнул он.

Мелани покачала головой.

– Нет. Я иду в Аконит. Туда я легко доберусь пешком.

– О да, в Аконит, – кивнул Джефффри. – Не нужен ли вам провожатый?

Мелани посмотрела на него внимательно, а потом склонила голову.

– Нет, пожалуй, нет, – ответила она. – Вашему... э... брату это не понравится. Он не одобряет то, что я там делаю, и вчера, когда он обнаружил, что Дженни помогает мне, он устроил ей нагоняй!

– А, это несколько иное дело, – заметил Джефффри, стряхивая снег со своей широкой парки.

– И в чем же разница? – прищурилась Мелани.

– Ну, разве Дженни не говорила вам, что она только недавно оправилась от тяжелого плеврита? У нее слабое здоровье, и, я думаю, Шон побоялся за нее.

Мелани открыла рот.

– Так почему он не сказал об этом? И почему не сказала она? – Ее плечи опустились. – Боже мой, я и не думала. – Она покачала головой. – Мне казалось, что это просто естественная бледность.

– Так оно и есть. Как я уже сказал, она и так не из самых здоровых людей, но сейчас ей особенно надо следить за собой. И я думаю, обнаружив ее в Аконите, Шон изрядно разозлился.

– Да, вы правы, – Мелани прикусила губу. – Очень неловко получилось.

– Ну, я полагаю, что вы были вправе воспринять это так, как вам показалось. Шон, по-моему, не был вполне объективен в этом деле с момента вашего появления. – Джеффри вздохнул. – Создалась довольно трудная ситуация.

– Я понимаю. – Мелани подоткнула прядь волос под свою меховую шапку. – Но она не зависела от моих действий.

– Однако вы не хотите продавать дом, как я понимаю?

– Это так, – кивнула Мелани, – у меня никогда раньше не было собственного дома.

– Понятно. – Джеффри потянул себя за мочку уха. – А как насчет моего предложения помочь? Вы его принимаете?

Мелани заколебалась.

– Нет, – задумчиво проговорила она. – Нет, не сегодня, Джеффри. Но все равно спасибо. И все же, я думаю, Шон этого не одобрил бы.

– Я не всегда делаю то, что одобряет Шон, – обиделся

Джеффри, но Мелани только с сожалением улыбнулась ему и, помахав рукой, вышла со двора отеля.

Аконит лежал под снежным одеялом, его каменные стены были украшены пятнами смерзшегося снега, который продолжал швырять на них ледяной ветер. Дом выглядел печальным, одиноким и еще более изолированным, чем обычно, словно падающий снег создал непреодолимую завесу между ним и всем остальным миром. Она задумалась, почему она так отчаянно цепляется за этот дом. Ведь не из-за его очарования или красоты, это было ясно, но продать его, уехать и, вероятно, никогда больше не вернуться – смириться с этим становилось ей с течением времени все труднее. Лицо Шона Босуэла смутно вырисовывалось перед ее глазами, когда она медленно подходила к дверям. Если бы она продала Аконит ему, она заслужила бы его благодарность и признательность и испытала бы удовлетворение от того, что старый дом достался ему по справедливости. Но когда она представила себе, как он поселится здесь со своей женой, это показалось ей настолько неприемлемым, что она могла только притвориться перед самой собой, убеждая себя в том, что только его высокомерное отношение вызвало в ней желание расстроить его планы.

Дом не встретил ее таким леденящим холодом, как вчера, и она сделала вывод, что печь преуспела, хотя бы отчасти, в борьбе с сыростью. Когда она проходила через кухню, она обнаружила, что в плите все еще весело горит огонь и в по-

мещении стало ощутимо теплее.

Мелани растерянно огляделась вокруг в поисках того, кто поддерживал огонь в плите, но только мокрые пятна на полу указывали на то, что кто-то ходил туда-сюда и носил топливо. Она вздохнула и покачала головой, с неохотой расстегивая пальто. Ее мучило желание разгадать тайну, и она уже наполовину жалела, что отклонила предложение Джеффри.

Хотя сверкание снега за окнами кухни давало достаточно света, она понимала, что не сможет продолжать работу, пока не будет включено электричество, отключенное после смерти ее двоюродного дяди. Дженнифер рассказала ей об этом, как и о том, что Шон перекрыл воду. Девушкам удалось тогда самим пустить воду, но подключить дом к электросети могла только электрическая компания, и Мелани не представляла себе, как они смогут добраться сюда в такую погоду.

Потолок в кухне выглядел намного лучше, чем вчера, и Мелани задумалась, стоит ли покрыть его эмульсией, прежде чем приниматься за другие работы. Теперь, когда кухня стала выглядеть чище и заработала плита, это место сделалось благодатным оазисом, и у нее как-то не возникало особенного желания покидать его. Тишина в доме почти раздражала ее и, как ни странно, она чувствовала себя в большей безопасности здесь, вблизи от наружной двери.

Она размешала краску и пододвинула стол к стене, собираясь начать оттуда. Она не принесла с собой халат, но краска не капала с кисти и, если не считать замазанных кончи-

ков пальцев, она справилась неплохо. Подсознательно она все время прислушивалась и, хотя понимала, что пение привлекло бы кого-нибудь в ее компанию, ей не хотелось прибегать к уловкам, чтобы этот «кто-то» предложил разделить ее уединение.

Когда она закончила работу, свет стал ослабевать, она слезла со стола и критически обзрела результаты своего труда. Она осталась довольна и решила, что после нанесения второго слоя эмульсии поверх первого, потолок будет выглядеть вполне удовлетворительно.

Она привела себя в порядок, вытерла руки тряпкой и взяла пальто. Ей стало смешно, когда она вспомнила те страхи, которые лезли ей в голову во время работы. Конечно же, здесь нет ничего сверхъестественного. Некто, а она подозревала, что это был Шон Босуэл, развел огонь в плите и благожелательно поддерживал его для ее удобства. Она должна была испытывать чувство благодарности, а вовсе не боязни.

Внезапный звук встревожил ее, и ползучее ощущение беспокорства вновь проникло в мозг. Шум доносился сверху, и она не видела никакой разумной причины, чтобы какие-то звуки доносились оттуда.

Она стояла посреди кухни, по спине пробегала дрожь, уши пытались уловить малейший звук. Может быть, она ошиблась? Может быть, это было бульканье воды в баке или скрип отставшей половицы?

Но тут послышался несомненный звук шагов, пересе-

кавших верхний этаж, и ноги Мелани задрожали. Первым инстинктивным ее желанием было кинуться вон из дома, прежде чем она услышит что-нибудь еще, но что-то подсказывало ей, что не следует быть глупой и пустой девчонкой. Если она сейчас убежит, то никогда не сможет больше остаться здесь одна, а кроме того, призраки никогда не ходят так шумно, не так ли?

Она попыталась рассуждать логически. Кто-то находится наверху, кто-то, кто не имеет на это права. Это ее и только ее дом. Сделав глубокий вдох, она открыла кухонную дверь и сделала шаг в холл. Лестница уходила вверх перед нею, темная и мрачная, и она с опаской посмотрела наверх.

– Кто... кто здесь? – спросила она голосом, который ей самой показался слабым и испуганным.

Ответа не последовало, и она затаила дыхание, не решаясь ступить на лестницу. Поставив ногу на нижнюю ступеньку, она крикнула:

– Кто бы там ни был, спускайтесь! Или я позову полицию!

Некоторое время ничего не было слышно, а затем прозвучали шаги, пересекающие лестничную площадку, и наверху лестницы появилась темная фигура. Во мраке невозможно было разобрать, мужчина это или женщина, и Мелани сделала шаг назад, прижав руку к губам.

– Кто... кто здесь? – спросила она нетвердым голосом, но не получила ответа.

Тут нервы Мелани не выдержали. Задыхаясь, она броси-

лась обратно в кухню, к наружной двери. И только тут она вспомнила, что вошла через переднюю дверь, а задняя была заперта. Роясь в карманах в поисках ключей, она услышала тяжелые шаги, спускающиеся с лестницы, и стала озираться вокруг в поисках чего-нибудь, чем можно было бы защититься. На лице ее застыло выражение паники, когда она схватила один из кухонных стульев и занесла его над головой, глядя на открывающуюся дверь. Затем она в бешенстве швырнула стул через всю комнату, так, что входивший в кухню человек был вынужден поднять руки, чтобы защитить голову. Стул, не принеся ему вреда, ударился о противоположную стену, а Мелани издала крик ярости.

– Вы... вы свинья! – закричала она, задыхаясь, при виде насмешливой ухмылки Шона Босуэла. – Вы... вы... – Она повернулась и протянула руку к банке с порошком для чистки, и швырнула бы ее тоже в него, если бы он не успел обойти стол и не обхватил ее, прижав ее руки к бокам.

– Успокойтесь, – произнес он с обеспокоенным выражением лица.

Мелани вырывалась из его объятий.

– Я не успокоюсь, – сердито кричала она. – Вы это все нарочно! Вы намеренно ходили там, чтобы напугать меня! Я презираю вас! Вот уж не думала, что вы могли пасть так низко!

– Замолчите! – Его глаза блеснули холодно, словно агаты, давая ей понять, что она зашла слишком далеко.

Но Мелани была слишком возбуждена, слишком обижена и испугана, чтобы следить за своими словами.

– Яне стану молчать! Вам не запугать меня, мистер Босуэл! Я скажу все, что хочу!

У нее задержался мускул на щеке, и, взглянув на него снизу вверх, она вдруг осознала, насколько близко к нему оказалась. Она ощутила его каждой клеточкой своего тела; и натянутое выражение его лица, и напряженность мускулов тела, и холодную жесткость его рук, немилосердно сжимавших ее запястья. Она никогда не ощущала так Майкла, или, может быть, Майкл привлекал скорее ее разум, чем тело, в то время как этот мужчина был личностью, которая воспринималась ею всеохватывающе и требовала чувственного мышления. Она понимала, что довела его до пределов терпения и что в жестоком взгляде его глаз осталось совсем мало способности прощать, но даже и это знание возбуждало и не пугало ее.

Словно догадавшись о ее мыслях, он посмотрел сверху вниз на ее раскрасневшееся лицо, его взгляд остановился на ее полных губах, и он с отвращением оттолкнул ее, а она осталась стоять, с болезненным выражением растирая запястья рук.

– Я пришел сюда вовсе не для того, чтобы пугать вас, – сказал он жестко. – Действительно, я думал, что вы должны были уехать некоторое время назад. Однако хочу признать, что когда я увидел, как вы крутитесь у подножия лестницы,

присваивая себе права, которые вы не смогли бы защитить от нарушения, я сознательно позволил вам некоторое время оставаться в неведении относительно моего присутствия. – Он расправил мускулы своих плеч, – Я убедительно прошу вас более жестко контролировать ваши эмоции. Кроме того, вам не следует быть настолько склонной позволять себе взлеты фантазии! – Его глаза вдруг сузились. – В любом направлении!

Глаза Мелани вспыхнули от подразумеваемого оскорбления.

– Я не знаю, что вы имеете в виду, мистер Босуэл, – возразила она.

– Не знаете? – насмешливо взглянул на нее Босуэл. – О, мне кажется, вы знаете, мисс Стюарт. Вы не из тех женщин, которые не догадываются о своем несомненном физическом очаровании, но в моем понимании помолвка устанавливает некоторые обязательства...

– На что вы, собственно, намекаете?

– На что? Я думал, что выразился в высшей степени ясно! Вам нравится поклонение мужчин, мисс Стюарт, и только что вам показалось, что вы возбудили его и во мне...

– Как... да как высмеете?

Мелани не могла найти слов, чтобы выразить свое возмущение, но Шон Босуэл смерил ее циничным взглядом:

– Мужчина смеет только то, что позволяет ему женщина! – ответил он. – А я лишь рискнул предположить, что вы были

разочарованы, когда ничего не произошло.

Мелани вся дрожала от негодования.

– Я... я не знаю, как у вас хватает хладнокровия стоять здесь и говорить подобные вещи! – выпалила она. – Вы напрасно льстите себя надеждой, если воображаете, что такая идея могла прийти мне в голову!

Но тут он прервал ее, неожиданно протянул к ней руки и резко прижал к себе. Его взгляд сверкнул нескрываемой свирепостью, и когда его рот завладел ее губами, в этом не было ничего от той нежности, которую она ощущала с Майклом. Действительно, Шон Босуэл впился в ее губы с жесткостью, которая одновременно возбуждала и ужасала ее. Он причинял ей боль, мускулы его бедер прижались к ее ногам так, что она была вынуждена вцепиться в него и отчаянно пыталась не отвечать на его поцелуй.

Однако трудно было оставаться безразличной к алчному нажиму его рта, и его руки в ее волосах воздействовали на них обоих соблазняяще. Получалось, что слияние их губ вносило что-то вроде химических изменений в их реакции друг на друга так, что его губы смягчились в страстной нежности, которая полностью обезоружила ее. Ее руки скользнули по его груди и шее, его кожа теплела и смягчалась под ее пальцами, которые гладили ее и тонули в его густых волосах. Еще секунду она сопротивлялась, но потом ее руки обвили вокруг его шеи, и в следующий момент она позволила себе откликнуться и почувствовала непреодолимую

настойчивость его страсти.

И тут, словно прийдя в себя, Шон грубо отшвырнул ее от себя, смятение исказило его привлекательные черты.

– Вы просто сучка! – грубо выругался он. – Вам все равно, кто над вами издевается, ведь правда?

Мелани пошатнулась, вцепившись в край стола.

– Полагаю, что и вам... т... тоже, – с запинкой слабо про-
бормотала она.

Он провел рукой, как гребнем, по волосам.

– Нет, – проворчал он непреклонно, – нет, я только несколько секунд позволил вам задавать тон, но не более!

– Он туго запахнул куртку. – Держитесь от меня подальше, мисс Стюарт, или я не отвечаю за свои действия в следующий раз! – С этими словами он повернулся и вышел из дома.

Глава шестая

Для Мелани оказалось невероятно трудным набраться храбрости в этот вечер и спуститься вниз к обеду. Хотя она знала, что не было никакой причины для встречи там с Шоном Босуэлом, но ужасно боялась столкнуться с ним случайно. Она боялась вновь увидеть в его глазах холодное презрение и в который раз убеждала себя, что то, что произошло, было в большей степени его ошибкой, чем ее виной. Но каждый раз натыкалась на стену собственных подозрений. Зачем она его так раздражила? Почему у нее возникало почти осязаемое ощущение его присутствия? И, хуже всего, почему она позволила себе откликнуться на такую грубую его атаку?

Сначала она не могла поверить, что такое вообще могло произойти, но позже, в своей комнате, разглядывая свои опухшие губы, она вынуждена была признать, что это было на самом деле. Даже теперь, когда она сидела, бесцельноковыряя пищу на тарелке, она все еще ощущала требовательный напор его тела и переживала чувственный взрыв неведомых ей до той поры эмоций.

Когда она отодвинула тарелку, девушка приблизилась к ее столику и сказала:

– Вам звонят по телефону, мисс Стюарт. Из Лондона.

– Из Лондона! – Мелани изумленно подняла глаза. – Куда мне пройти?

– В будку в холле, – вежливо ответила горничная. – Вы знаете, где это?

– О... о да.

Мелани поднялась, в голове у нее гудело. Это мог быть только Майкл, но зачем он позвонил ей? Причем именно сегодня вечером, когда она вовсе не готова к разговору. Однако она прошла в холл более собранно, чем ощущала себя, вошла в будку, машинально подняла трубку и назвала свое имя.

– Мелани, Мелани, это ты?

Она с трудом узнала голос Майкла. Его обычно модулированный культурный тембр звучал хрипло, словно карканье, и она сразу ощутила к нему сострадание.

– Майкл! Майкл! Что случилось?

У ее жениха вырвался сухой хриплый смех.

– Без паники, Мелани, я не умираю – по крайней мере сейчас. Боюсь, что я подцепил суровый грипп и чувствую себя ужасно. Я подумал, нет ли возможности тебе вернуться в город в ближайшем будущем?

– О, Майкл! – сочувственно запричитала Мелани. – Ну как же ты схватил такую простуду? Ты, наверное, допоздна работал или вовсе не следил за собой?

Майкл хрипло закашлялся.

– Я думаю, что перетрудился, – сказал он. – Старый Мэдисон три дня назад слег от простуды и ревматизма, а я попытался без него держать все в порядке, без особого успеха,

должен признать.

– О, Майкл! – снова воскликнула Мелани, чувствуя растущую ответственность. – Ты же знаешь, что тебе надо быть осторожным в сырую погоду. Почему ты не занялся тем, что ты должен делать, и не оставил все остальное в покое?

– Ладно, впредь я буду поступать именно так, правда! Сейчас за мной присматривает моя мать. Она здесь у меня со вчерашнего дня. Но она не может надолго оставить отца и спрашивает, не могла бы ты поскорее вернуться.

– Я понимаю. – Мелани покусала нижнюю губу.

– Она считает, что могла бы доверить меня твоей надежной опеке, если бы ты смогла ходить за покупками и так далее, – добавил Майкл. – Кстати, – в его голосе вновь появились вопросительные нотки, – я почти ожидал, что мне ответят, что ты уже уехала домой.

Мелани вздохнула.

– Ну, это оказалось не так просто, как я думала.

– Что ты имеешь в виду? – Майкл снова раскашлялся.

Мелани невольно пожала плечами. Как объяснить всю сложность ситуации по телефону? Как она может ожидать, что Майкл ее поймет, когда он так явно нездоров? С некоторой неохотой она честно призналась.

– Я пока не смогла сделать все, что хотела. – Она сделала паузу. – Когда твоя мать собирается возвращаться домой?

Майкл засопел с явной обидой.

– Думаю, завтра. Мелани, если моя болезнь мешает твоим

планам, забудь об этом. Мне просто придется справляться здесь одному в меру возможностей.

Мелани раздраженно произнесла:

– О, поверь мне, Майкл, не стоит толковать буквально все, что я говорю! Я... я не завершила все в деталях, но это не означает, что я не могу приехать сразу же. Если я нужна тебе...

– Разумеется, нужна. – Его голос теперь звучал грустно. – Но именно поэтому я не считаю, что ты должна кинуться обратно в город. Я как-нибудь тут сам управлюсь.

– О, Майкл, пожалуйста. – Мелани обхватила пальцами микрофон трубки. – Я... я вернусь домой завтра. Во всяком случае, я отправлюсь отсюда завтра и на следующий день буду дома.

– Ладно, если это не трудно.

– Разумеется, не трудно, – Мелани сдержала чувство отчаяния, которое внезапно охватило ее, – в самом деле, я думаю, что должна была закончить все свои дела здесь до Рождества.

– Я согласен, – прокашлялся Майкл, – я отчаянно скучал по тебе, Мелани.

Мелани почувствовала, что ее щеки покрылись румянцем при его словах, и была счастлива, что он не видит ее. Она ощутила свою неверность, почти что измену, и возможно, неожиданная потребность в ее помощи, возникшая у Майкла, была самым удачным выходом в этих обстоятельствах.

У нее появилась причина покинуть Кейрнсайт и убежать от неприятных воспоминаний этого вечера.

Когда она вернулась в столовую, Иен Макдональд посмотрел на нее выжидающе.

– Надеюсь, не дурные новости? – сказал он.

– Не очень. – Мелани улыбнулась. – Но это означает, что мне нужно уезжать. Немедленно.

Тут раздался хор сочувствующих голосов, и она была вынуждена объяснить причину своего столь внезапного отъезда. Когда обед закончился, она покинула столовую и подошла к регистрационной конторке. Элен, сестра Шона Босуэла, сидела там, изучая бухгалтерские книги, и с удивлением подняла глаза, когда Мелани сказала:

– Я хотела бы уплатить по моему счету.

Элен великолепно скрыла все чувства, которые могли возбудить в ней слова Мелани, и только вежливо спросила:

– Вы покидаете нас, мисс Стюарт?

Мелани кивнула.

– Да. Утром. Меня интересует, не могли бы вы договориться с одним из механиков гаража прийти рано утром и проверить мою машину перед тем, как я уеду. Я думаю, что он быстро справится; все-таки что-то там не в порядке.

– Я понимаю. – Элен наклонила голову. – Думаю, что все устроится. Вы хотите уехать до ленча?

– Надеюсь.

– Хорошо. Я буду в это время и подготовлю ваш счет к

завтраку.

– Спасибо.

Мелани изобразила на лице слабую улыбку и направилась уже к лестнице, когда порыв сквозняка возвестил об открывшейся входной двери и в холл влетела Дженнифер Крэйг.

– Мелани! – крикнула она, сразу же заметив ее. – Тебя-то я и ищу.

Мелани пришлось вернуться.

– Привет, Дженни, – сказала она.

Дженнифер подошла к ней и взяла за руку.

– Пойдем в бар и выпьем чего-нибудь, – предложила она.

– Я хочу поговорить с тобой.

Мелани заколебалась.

– Я собиралась лечь в постель, – призналась она.

Дженнифер наморщила нос.

– Как, в девять часов? Нет уж, если я пришла, то пойдем.

Мелани не могла отказаться, это было бы нелюбезно, и она позволила Дженнифер затащить себя через холл в помещение бара. Как и в предыдущий вечер, там было мало посетителей, и Джеффри находился на своем обычном посту за стойкой. Дженнифер помахала ему рукой, но они с Мелани сели за столик возле пылающего камина, и Дженнифер пошла сама за напитками.

Вернувшись, она принесла джин с тоником и ананасовый сок.

– Это тебе, – сказала она, – протягивая Мелани джин с то-

ником. – Я не пью, понимаешь, во всяком случае, алкоголь.

Мелани поблагодарила ее, с беспокойством поглядывая на дверь. Если Элен сказала своему брату о приезде Дженнифер, то вскоре появится и он. Ей было очень трудно сосредоточиться на том, что говорила Дженнифер, потому что нервы ее были напряжены до предела.

– А теперь, – сказала наконец Дженнифер, потягивая сок, – я хотела бы извиниться.

Мысли Мелани вернулись к реальности.

– Извиниться?

– Разумеется. За вчерашнее. Я заходила вчера вечером, но Элен сказала, что у тебя мигрень.

– Да, так оно и было, – сказала Мелани, играя стаканом.

– Но тебе не за что извиняться.

– Я не согласна. Я ужасно сожалею об отношении к тебе Шона и чувствую себя виноватой. В конце концов, ты ведь не знала, что я была больна и что Шону нравится опекать меня.

Мелани старалась следить за выражением своего лица.

– Все в порядке, Дженни. Я вовсе не виню тебя.

– Нет, но ты можешь понять, что я чувствую? Я имею в виду, что Шон временами может оскорбить, но если это случилось из-за меня...

– Не думай об этом, – сказала Мелани несколько напряженно. И тут у нее мелькнула мысль:

– Кстати, мистер Босуэл после разжигал плиту?

Дженнифер наморщила лоб.

– Плиту? О, нет, насколько я помню.

Мелани опустила плечи.

– Но кто-то сделал это.

– Что?

Мелани подняла глаза.

– Может быть ты помнишь, когда ездила в деревню, ты купила дров для растопки?

– Да.

– Ты привезла их?

Дженнифер нахмурилась.

– Да, привезла. Я думала, Шон отдал их тебе.

– Нет. Мне он ничего не отдавал. Во всяком случае, когда вы уехали, я обнаружила, что мне нужны дрова, если я хочу наладить отопление, и пошла за ними в деревню. Когда я вернулась, в плите горел огонь.

Дженнифер снова нахмурилась.

– Я понимаю. Но, прости меня, я об этом не знаю ничего.

– В ее взгляде появилась тревога. – Я спрошу у Шона...

– О, не стоит, – поспешила отговорить ее Мелани, – это не настолько важно.

– Что не так важно?

Дженнифер подняла голову, чтобы взглянуть на человека, вмешавшегося в их беседу, но не было необходимости в этом, ибо не трудно было узнать сардонический тон глубокого голоса Шона Босуэла. Ее сердце забилося быстро и сильно, и чувство собственной несостоятельности охватило

ее. Она подняла стакан и сделала отчаянный глоток, надеясь, что он отойдет, но, к ее ужасу, Дженнифер указала ему место рядом с собой и он сел.

Даже не поднимая глаз, Мелани ощущала его присутствие каждой клеточкой своего тела, хотя в поле ее зрения попадали только сильные ноги, обтянутые кремовой тканью его брюк, и темные, словно задубленные пальцы его руки, покоящейся на колене.

– О, Шон, – говорила в это время Дженнифер, – Мелани спрашивала меня, не разжигал ли ты плиту после того, как мы ушли вчера?

Пальцы Мелани так сжали стакан, что казалось, его тонкое стекло может лопнуть.

Однако Шон вовсе не испытывал подобного напряжения, потому что он ответил Дженнифер с ленивым безразличием:

– Нет, я не разжигал плиту. Это сделал Джефф!

Теперь глаза Мелани взметнулись вверх и встретились с его невыразительным взглядом. В нем была нескрываемая горечь. Почему он не сказал ей об этом, когда она спрашивала его, а продолжал намекать на сверхъестественное объяснение? Ему наверняка было ясно, что половина всех ее страхов в тот вечер была результатом его выдумки, которую он сочинил специально для нее.

– Ну вот, Мелани, – сказала Дженнифер. – Тебе надо было просто спросить у Шона. Он бы сказал тебе.

Мелани поджала губы. Ей хотелось стереть это ехидное

выражение с лица Шона, и сделать это основательно, но она не знала как.

– Но я спрашивала у мистера Босуэла, – заметила она, вызываясь глядя на него. – Не так ли, мистер Босуэл?

Дженнифер нахмурилась, переводя взгляд то на него, то на нее с озадаченным видом. – Ты спрашивала Шона? Тогда почему?..

– Мистер Босуэл рассказал мне таинственную историю об Ангусе Кейрни, который поднимается из могилы, чтобы разжигать свой собственный огонь.

Дженнифер была изумлена, а Мелани испытала удовлетворение оттого, что сумела в конце концов смутить его.

– Это правда, Шон? – спросила Дженнифер.

– Что? Что я сказал ей о том, как истолковывают в деревне клубы дыма, поднимающиеся из труб? Да, правда.

Мелани посмотрела на него раздраженно.

– Вы хотите сказать, что существует такая легенда?

Дженнифер вздохнула.

– Да, ведь когда кто-то умирает в этих уединенных, изолированных местах, всегда возникают легенды. Шон! – она укоризненно посмотрела на него, – ты не должен был наводить Мелани на мысль...

Шон вытащил сигары и взял одну в зубы.

– Но я не несу ответственности за мысли, возникающие у мисс Стюарт.

Мелани снова опустила голову. Она вовсе не смутила его,

а лишь разожгла сдерживаемое удовольствие в глазах Дженнифер и дала им весьма полезный сюжет для анекдота, который они могли распространить о ней.

Допив свой стакан, она резко поднялась.

– Извините меня, но я рано утром уезжаю и хотела бы пораньше лечь спать.

– Вы утром уезжаете? – Шон также встал и пристально посмотрел на нее. – Я ничего об этом не знал.

Мелани сплела руки за спиной.

– Разве? Я думала, что ваша... э... сестра сказала вам.

– Элен? Нет, я ее еще не видел, – глаза его сузились, и темные ресницы скрыли их выражение. – Я считал, что вы останетесь до тех пор, пока Аконит не приобретет обитаемый вид.

Теперь поднялась Дженнифер и стала рядом с ними.

– Ты будешь приезжать, Мелани? – спросила она, явно сожалея об ее отъезде.

Мелани вздохнула.

– Да, я думаю. Но не в ближайшие недели, конечно. Скоро Рождество, вы понимаете, все эти празднества, как обычно... Может быть, весной...

Глаза Шона смотрели теперь твердо, он жевал кончик сигары.

– Следует ли это понимать, как ваше пожелание, чтобы я продолжал присматривать за вашей собственностью?

– О, разумеется, – воскликнула Мелани, – я совсем забы-

ла. Так вы последите за домом?

Он пожал плечами.

– Вы же попросили меня об этом.

Дженнифер уверенно взяла его под руку.

– Однако ты все же отпугнул Мелани своими сверхъестественными историями, – сказала она.

Мелани заставила себя улыбнуться. Этого от нее ожидали. Дженнифер явно чувствовала напряженную атмосферу и пыталась разрядить ее.

– Ну, нет, – ответила Мелани, – выдумки мистера Босуэла вовсе не испугали меня. – Она сказала это нарочно, с удовлетворением отметив, что его глаза сузились от этих случайных вроде бы слов. Но момент удовлетворения был не долгов. Чем ближе был ее отъезд, тем меньше хотелось уезжать, и это тревожило ее.

Решительным тоном она сказала:

– Мой жених болен. Он просит меня вернуться домой.

Дженнифер тут же выразила сочувствие, но Шон не произнес ни слова, и Мелани почувствовала, что у нее защипало глаза. Она понимала, что должна уйти раньше, чем сделает что-то, о чем потом будет жалеть, и, пожелав им доброй ночи, пошла к двери.

– Увидимся, когда ты вернешься! – крикнула Дженнифер ей вслед, и, оглянувшись, Мелани увидела, что Дженнифер крепко держит Шона под руку и смотрит на него с любовью.

В Лондоне все было по-прежнему. Мелани прибыла туда через два дня в разгар часа пик, и ей понадобилось больше часа, чтобы добраться до своей квартиры на Бэйсуотер. Но при всем этом ее утешало хотя бы то, что здесь она могла появиться на улице, не боясь, что ее узнают и будут о ней сплетничать.

Было приятно оказаться снова дома, среди привычных вещей, и она обошла свое жилище, осматривая его обстановку и по-новому оценивая ее. Это была не слишком большая квартира, состоящая только из гостиной, маленькой кухни, спальни и крохотной ванной комнаты, но это был ее дом, и она налила себе стаканчик шерри прежде чем лениво упасть на кушетку и потянуться к кремовому телефону.

Когда она дозвонилась до квартиры Майкла, он рад был услышать ее голос.

– Я как раз думал о тебе и хотел, чтобы ты была здесь со мной. Надевай пальто и приходи прямо сюда. Я позвоню Луиджи и попрошу прислать нам наверх обед.

Мелани вытянула ноги поудобнее.

– Дорогой, дай мне перевести дух, – взмолилась она. – Я приехала четверть часа назад и не успела ни принять ванну, ни переодеться.

Голос Майкла сделался нетерпеливым.

– Это не имеет значения. Я просто хочу видеть тебя. Ты понимаешь, что прошло больше недели с тех пор, как ты уехала из Лондона?

Мелани подавила зевок.

– Ну, хорошо, – согласилась она, – я только приму ванну, надену что-нибудь и заеду. Мне нужно привести себя в порядок, а то я совсем выдохлась.

– Ну, ладно, – вынужден был согласиться Майкл.

– А как твоя простуда?

Он прокашлялся, прежде чем ответить.

– Лучше, – сказал он уклончиво, – поспеши, дорогая. Мне так не терпится увидеть тебя.

Мелани положила трубку и долго смотрела на телефон. Голос Майкла звучал намного лучше, и она надеялась, что ее приезд в Лондон не явился результатом какой-то новой выдумки его и его матери. Она знала, что миссис Кроксли была охотницей до затей в надежде женить сына, и она, как и Майкл, не одобряла поездку Мелани на север, но даже если...

Оставив этот вопрос нерешенным, Мелани отправилась в ванную комнату. Погружаясь в благоухающие глубины, она не могла не вспомнить, что сейчас сидела бы за поздним обедом. С момента отъезда из Кейрнсайда она отбросила прочь все мысли об Аконите, о «Черном быке», о Дженнифер и особенно о Шоне Босуэле, но теперь, когда путешествие было завершено и она могла расслабиться, оказалось бесконечно трудно не пустить эти мысли обратно в голову. Хотя, пожалуй, не стоило пытаться их искоренять. Ситуации приобретают преувеличенные размеры, если отказаться помериться с ними силами. Так что за проблема стояла перед ней? То,

что произошло, явилось результатом ряда обстоятельств, за которые никто из них не нес ответственности полностью, и ей следовало забыть о презрении, которое выказывал по отношению к ней Шон Босуэл, и думать только о важных аспектах ее визита. В конце концов, раз Аконит сделался обитаемым, не было причин запутывать дело. Ей надо договориться с каким-нибудь независимым лицом, чтобы оно осуществляло присмотр за домом в ее отсутствие и оплачивать эти заботы. Поверенные могут оказать ей в этом необходимую помощь.

Как только решение было принято, она поднялась из роскошных глубин ванны и потянулась за пушистым желтым полотенцем.

В этот вечер она одевалась с особой тщательностью. Ей хотелось, чтобы Майкл увидел ее в лучшем виде, и хотелось восстановить уверенность в себе, которой ее так легко лишил Шон Босуэл. В блузке, отделанной белым венецианским кружевом и прилегающей черной юбке до щиколоток, в плаще из зеленой шерстяной ткани, отделанном по плечам черным мехом, она выглядела прекрасно, и таксист, которые вез ее к Майклу, отозвался о ее внешности с явным восхищением.

Квартира Майкла находилась в высотном доме неподалеку от Дамбы, совсем рядом с офисами Линкольнс Инн. Это было роскошное жилище, слишком просторное для одного человека, и Мелани должна была переехать к нему сразу же после свадьбы. До той поры он управлялся здесь один с по-

мощью приходящей горничной. Квартира была с гостиничным обслуживанием, но он наслаждался всеми ее удобствами только рано утром и поздно вечером. Мелани считала ужасным расточительством не пользоваться имевшейся там прекрасной кухней, и намеревалась все круто изменить.

В лифте она поднялась на седьмой этаж и по коридору прошла к дверям квартиры Майкла. Она позвонила, и вскоре дверь ей открыл сам Майкл.

Майкл Кроксли был высокий худощавый молодой человек, которому только недавно перевалило за тридцать. Его обычная приятная внешность усугублялась дотошным вниманием к деталям одежды; костюмы он заказывал по мерке, а его рубашки были сшиты вручную. Он никогда не питал особого пристрастия к моде, но всегда старался держаться в границах фешенебельной элегантности, выбирая для себя лишь такие вещи, которые хорошо вязались с импозантностью его профессии. Седые прядки, пробивающиеся в каштановых волосах, добавляли ему солидности, и Мелани всегда ужасно им восхищалась. Они познакомились через ее издателя, Десмонда Грэма, и встречались уже три года, с тех пор, как Мелани исполнился двадцать один год. Они официально обручились всего шесть месяцев назад, хотя Мелани с самого начала знала, что у Майкла по отношению к ней самые серьезные намерения. Он был вообще серьезный молодой человек.

Но теперь, когда он открыл перед ней дверь, озабоченные

черты его лица просветлели и он радостно воскликнул:

– Мелани! Дорогая! Как я рад тебя видеть!

Мелани позволила ввести себя в квартиру и, нахмурившись, внимательно изучала его внешний вид. Хотя нос его сохранял еще некоторую красноту от частого пользования носовым платком, в остальном он нисколько не напоминал ей того инвалида, которого она ожидала увидеть, и легкое чувство досады возникло в ее душе.

– Ну как ты, Майкл? – спросила она, нехотя стаскивая плащ. – Кажется, тебе немного лучше.

Майкл застенчиво улыбнулся ей.

– Да, да, немного лучше, – подтвердил он, – эти антибиотики, которые дал мне доктор, сделали просто чудо. Ты не представляешь, какие неприятности мне пришлось терпеть несколько дней, – он наклонился и коснулся ее губ своими, – но все это стоило того, чтобы увидеть тебя снова здесь.

Мелани прошла мимо него в его большую удобную гостиную, чувствуя, что ее одолевает злость.

– Ты, конечно же, не хотел этим сказать, что все это было намеренной уловкой для того, чтобы вернуть меня в Лондон?

Майкл затворил за собой дверь в комнату. Он, должно быть, ощутил сарказм в ее голосе, потому что возразил довольно резким тоном:

– Разумеется, нет! Когда я звонил тебе, то действительно чувствовал себя очень скверно и, честно говоря, не знал, как

я здесь управлюсь после отъезда матери.

Мелани вздохнула. Не было никакого смысла в ее оби-де уже потому, что Майкл попросил ее о помощи, когда в ней нуждался. В конце концов, на первом месте у нее долж-ны быть обязанности по отношению к нему, а не к како-му-то древнему особняку в горах Шотландии. Ей не сле-довало придавать такое большое значение неодушевленным предметам!

Заставив себя улыбнуться, она сказала:

– Ну, да ладно, раз уж я теперь здесь. Не предложишь ли ты мне чего-нибудь выпить? Немножечко мне бы не поме-шало.

Майкл чуть помедлил, испытующе глядя на нее, а затем, когда Мелани начала уже ощущать излишний порыв вины перед ним, быстро подошел к шкафчику с напитками и при-нялся смешивать два коктейля. Это было сделано так, буд-то он уловил легкое недовольство в ее отношении к нему, и Мелани задумалась, почему его худощавая фигура и благо-пристойные черты показались ей такими чуждыми.

С раздражением она решительно отбросила эти мысли прочь и опустила в одно из обтянутых голубым бархатом кресел, которые делали гостиную Майкла такой элегантной и привлекательной. Она не могла отрицать его хороший вкус в мебелировке и не собиралась производить здесь больших изменений сразу после свадьбы.

– Ну? – спросил Майкл, передавая ей джин с тоником. –

Как там было?

Мелани сделала глоток, прежде чем ответить.

– Ты имеешь в виду – в Шотландии?

– А где ж еще? – Майкл поднял свой стакан и отпил изрядную дозу напитка. – Твои объяснения по телефону были довольно бессвязными.

Мелани сжала губы.

– Это трудно было обсуждать по телефону, – сказала она. – Дела там не такие простые, как я себе представляла.

– Что ты хочешь сказать? Аконит существует там или его нет? – Узкие брови Майкла приподнялись.

– О, да, разумеется, он существует. – Мелани погладила пальцем ободок своего стакана. – Просто еще один человек рассчитывал унаследовать дом.

– Еще один? – Майкл устроился в кресле напротив нее, небрежно перекинув ногу через ручку. – А я думал, что старый Кейрни был совершенно одинок.

– Да, это так. – Мелани казалось, ужасно трудно рассказать Майклу о Шоне Босуэле. Ей не хотелось выносить их взаимоотношения на свет перед циничным взглядом Майкла.

– Ну, продолжай, – с любопытством воскликнул Майкл. – Кто это такой? Какой-нибудь старый крючокотвор?

– Нет, ничего подобного. – Мелани снова отхлебнула из стакана.

– Тогда, может быть, ты начнешь с самого начала, – сухо произнес Майкл в своей типичной официальной манере. –

Мне кажется, что все это дело каким-то образом вывело тебя из равновесия. Я почувствовал в тебе – скажем так – некоторое отчуждение в момент, когда ты вошла.

– О, Майкл, прекрати разговаривать со мной как с клиентом! – взмолилась Мелани, – Я пытаюсь объяснить тебе, что это в некотором роде частное дело.

– Чье частное дело?

– Шона Босуэла!

– Шон Босуэл! – Майкл потянулся за сигаретами. – Кто такой Шон Босуэл?

– Человек, который надеялся унаследовать Аконит.

– Понимаю. Но кто он такой?

– Он хозяин «Черного быка», отеля, где я останавливалась.

– Понимаю, – снова сказал Майкл, явно пытаясь извлечь смысл из ее довольно несвязных объяснений. – И он тоже имеет какое-то отношение к твоему двоюродному дяде?

– Да, – Мелани допила свой напиток, – самое близкое, которое только возможно. Он его сын.

– Его сын?! – Майкл скинул ногу с кресла на пол. – У старого Ангуса есть сын? – Он покачал головой. – Вот старый черт! И он не сказал никому. Так, значит, дом, может быть, вовсе не твой, в конце концов? Но почему такое различие в именах?

– Майкл, пожалуйста. Ты слишком торопишься. – Мелани встала. – Я же пытаюсь тебе объяснить. Аконит мой. Босуэл

официально не является его отпрыском.

– Милостивый Боже! Теперь я начинаю различать какой-то проблеск.

– Он считал, что у Ангуса нет родственников, а старик намекал ему, что когда он умрет, дом достанется Босуэлу. Вопрос о завещании никогда не обсуждался.

Майкл накрыл руками свой стакан.

– Ну и ситуация! Бедный старина Босуэл! И чего же он хочет? Я думаю, вы обсуждали это с ним.

– Можно сказать и так, – сухим тоном допустила Мелани. Она подошла к шкафчику с бутылками, чтобы налить себе еще, и Майклу не видно было выражение ее лица. – Он... он довольно молод на самом деле. Я сказала бы – человек, склонный властвовать!

– В самом деле? – Тон Майкла снова стал сухим. – Он женат?

– Нет! По крайней мере, я так не думаю, – она нахмурилась, ее рука, наливавшая напиток, чуть дрогнула. Она действительно ни в чем, касающемся Босуэла, не могла быть уверена.

Сообразив, что Майклу может показаться странным, что она столько времени стоит у шкафчика, она повернулась и быстро прошла к своему креслу. Глоток из стакана успешно скрыл выражение ее лица и дал ей время сосредоточиться. И тут Майкл спросил:

– Он хочет получить этот дом?

Мелани подняла голову.

– Да, хочет.

– Понимаю. – В его голосе послышалось некоторое облегчение, и не успела Мелани понять, как Майкл продолжил: – Я рад. Скажу честно, я не вижу там для нас никакого будущего. Я считаю, что это слишком далеко, чтобы ездить туда на уик-энд, к тому же работать мы должны здесь, в Лондоне.

Глаза Мелани широко раскрылись.

– Значит, ты хочешь, чтобы я продала его?

Майкл нахмурился.

– Разумеется. А ты не хочешь?

– Откровенно говоря, нет!

– Но почему? – Майкл допил стакан. – Тебе от него никакой пользы, а поскольку этот тип сделал что-то вроде первой заявки на дом, это лучшее, что ты можешь предпринять.

– Нет, это не так! – Мелани выпрямилась. – Послушай, Майкл, у нас еще будет время поговорить и о доме и о моих планах относительно него. Давай отложим разговор, пообедаем, а потом ты сможешь задать мне какие угодно вопросы. – Она улыбнулась, чтобы смягчить эффект сказанного.

Майкл нахмурился еще больше.

– Ну хорошо, – согласился он, – я просто не вижу смысла все это обсуждать. Я еще до твоего отъезда сказал тебе, что это дурацкая затея.

– Но она вовсе не такова, Майкл. Этот дом дает огромные возможности. Я... я могла бы там работать.

Майкл поднялся.

– Но я не смог бы, – заявил он с горечью, но затем пожал плечами. – Ладно, как хочешь, поговорим после обеда. Я сказал Луиджи, что позвоню, когда мы будем готовы.

Еда была отменной. Мелани подумала, что в этом одно из главных преимуществ квартиры с гостиничным обслуживанием; если вам не нравится готовить себе еду, вам всегда ее пришлют. Несколько бокалов вина разрядили возникшую напряженность, и когда они приступили к кофе с ликером, она почувствовала себя почти как дома. В конце концов, это был мир, к которому она принадлежала, где она вместе с Майклом, в его теплой квартире с кондиционированным воздухом, отдыхала, сытая и ленивая после хорошего обеда. Они устроились рядом на удобной кушетке, рука Майкла лежала на ее плече, и Мелани с удовольствием подумала, что сейчас они похожи на героев одной из реклам, восхваляющих современную роскошную жизнь. Как разительно это отличалось от жизни в одиноком доме в горах, который и отапливается-то нерегулярно, а о кондиционерах там вообще слыхом не слыхано.

Поэтому, когда Майкл снова поднял вопрос об Аконите, Мелани сама удивилась, почему она так цеплялась за этот дом. В конце концов, как часто она стала бы им пользоваться? Смогла бы она после замужества оставить Майкла одного и работать в Шотландии? Все это представлялось весьма сомнительным. Кроме того, Майкл нуждался в комфорте, к

которому привык, и не отказался бы с легкостью от ее присутствия. Она уже поняла, что ее работа останется чем-то второстепенным по отношению к его работе, и сказала себе – будь что будет, как будет. Она никогда не чувствовала желания ускользнуть из-под его опеки и не видела теперь резона менять что-либо.

– Если ты продашь дом, – мягко и убедительно заговорил Майкл, – ты сможешь распорядиться деньгами, как захочешь. Ты можешь даже купить загородный коттедж, если тебе это по душе. Где-нибудь в Кенте или Сассексе, например, там, где мы насладимся полным уединением.

Мелани склонила голову вбок и взглянула на него. Он действительно очень хорош собой, подумала она с удовольствием. Прядь волнистых волос небрежно спустилась ему на лоб, а в пылком взгляде его широко открытых голубых глаз было что-то мальчишеское. И все же...

Она снова перевела взгляд на искусственный огонь электрического камина.

– Через одиннадцать недель мы станем мужем и женой, – пробормотала она наполовину про себя, но Майкл сразу услышал ее.

– Да, – сказал он, – одиннадцать недель. А Рождество и новогодние праздники меньше чем через две недели. У нас вовсе не так много времени, чтобы тратить его на осмотр заброшенных сельских домов.

Мелани подавила в себе оставшиеся настойчивые тени со-

мнений.

– Конечно, – сказала она задумчиво. – Думаю, ты прав. Я вбила себе в голову эту идею иметь свой дом, зная, что владелец был моим дальним родственником... Майкл, ведь уже прошло столько времени с тех пор, как у меня совсем не осталось родственников.

Майкл прижался губами к ее лбу.

– Скоро все изменится. У тебя будет муж, будут свекровь и свекор.

– И дети, – удовлетворенно продолжила Мелани.

– При определенных обстоятельствах, – самодовольно произнес Майкл, – нам ведь не хочется сразу же слушать топот маленьких ножек, не так ли, дорогая?

Мелани пожала плечами.

– Но ведь не всегда выбор будет за тобой, Майкл.

Майкл привередливо щелкнул пальцами.

– Я уверен, что все как-нибудь устроится, дорогая, – ответил он и потянулся за сигаретами, так что Мелани выскользнула из-под его руки. И только что обретенная удовлетворенность пропала, и сомнения снова овладели ею.

Следует ли ей позволять Майклу держать верх всегда и во всех вопросах? Давать ему право направлять ее жизнь без всякого участия с ее стороны? Почему она постоянно ощущает, что ее программируют на саморазрушение?

Она наклонилась и взяла стакан с коньяком, который налил ей Майкл и отхлебнула из него с отчаянием, пытаясь

вернуть успокаивающее чувство приятия судьбы, которое она испытывала совсем недавно. Она должна прекратить это самокопание. Майкл всегда вел себя с ней превосходно. Им восхищались многие женщины, не только из-за его внешне-го вида и денег, но и из-за той позиции, которую он занимал в обществе. Было бы неблагодарно думать, что он лепит из нее, что захочет, только потому, что он принимает все решения. Нужен ли ей мужчина, который со смирением принимал бы присягу на повиновение ей, или же Майкл, который делает только то, что, по его мнению, будет лучше для ее блага? Кроме того, его работа очень важна, намного важнее ее занятия, а она может искать самореализации не только в области искусства. Как от жены Майкла от нее потребуются умение ходить на приемы и принимать гостей; все эти планы превращения Аконита в удобный дом должны быть преданы забвению...

Глава седьмая

Удивительно быстро Мелани снова вошла в поток лондонской жизни. У нее был полон рот забот в связи с обычными зимними праздниками, которые были в разгаре, а ее издатель запланировал для нее целую новую серию иллюстраций. Он остался доволен сделанной ею работой и проявил значительно больший интерес, чем Майкл, к Акониту. Может быть, его деловой ум усмотрел здесь большие возможности для Мелани, но когда он обсуждал этот вопрос с ней, он вовсе не утверждал, что, отказываясь от продажи Аконита, она поступает глупо.

– Пустите это все на самотек, – доброжелательно посоветовал он ей. – В конце концов, дом ваш, и если вы справляетесь с налогами и прочими выплатами, у вас нет никаких причин продавать его, пока вы не взвесили все возможности.

Мелани слушала его внимательно. Десмонд Грэм был не из тех людей, которые легко дают всем советы, и она охотно приняла его точку зрения, когда он говорил, что ей незачем особенно спешить.

Поэтому она выкинула из головы мысли о приведении Аконита в порядок и сосредоточилась на ближайшем будущем. Если Майкл интересовался, связалась ли она со своими шотландскими поверенными, она пропускала это мимо ушей, а поскольку он вернулся к работе, ликвидируя завалы

отложенных дел, то у него было слишком мало времени, чтобы беспокоиться о ее проблемах.

Рождество Мелани провела с Майклом у его родителей. Кроме них четверых там была также старшая сестра Майкла Люси с мужем и тремя детьми, так что получился семейный праздник. Мелани радовалась раскованная обстановка, ведь она приобщилась к удовольствиям таких семейных встреч лишь с тех пор, как стала подругой Майкла, поэтому она чувствовала благодарность к нему за то, что он сделал ее частью своей жизни.

В День Подарков шел снег, и молодежь присоединилась к детям, устроив игру в снежки в саду. Получилась шумная потасовка, но Мелани заметила, как трудно Майклу удается сбрасывать маску гордого достоинства. Однако он, казалось, тоже веселился вместе со всеми, а потом они уселись возле камина, пили глинтвейн и ели сладкий пирог. В общем, Мелани приятно провела эти несколько дней и жалела, когда праздники кончились и им надо было возвращаться в город.

После снегопада Лондон был неуютен, под ногами хлюпала снежная жижа. Мелани все время носила высокие, до колена, сапоги и изумрудно-зеленый шерстяной плащ, отороченный черным мехом, который доставал до отворотов сапог.

Путешествуя до офиса и обратно, она думала о различии между этим городским окружением и незапятнанными горами снега вокруг Кейрсайда и чувствовала необходимость

попытаться еще раз переубедить Майкла, что они могут что-то сделать из Аконита. В конце концов, если бы Майкл побывал там и испытал это чувство свободы, которое можно ощутить только вдали от города, он хоть отчасти понял бы ее нежелание продавать этот дом.

Но, несмотря на свои слабые надежды, она не упоминала при Майкле об этом деле. Она понимала, что более тактично будет подождать, пока не улучшится погода, прежде чем приглашать его туда, а поскольку в этом пока не было непосредственной необходимости, вопрос можно было оставить в покое. К тому же она так увлеклась своей работой, что для всего остального почти не оставалось времени, и поскольку Майкл был после праздников, как обычно, вынужден присутствовать на множестве отложенных процессов, у них не хватало возможностей для таких разговоров.

Однажды вечером в конце января Мелани возвратилась к себе несколько позже, чем обычно. Из-за неожиданной деловой встречи в офисе она была вынуждена уйти после семи, но, так как у нее не было особых планов на этот вечер, ее это не огорчило.

Ко времени своего возвращения она заметно проголодалась и, подходя к дверям квартиры, размышляла о содержимом холодильника, как вдруг заметила наверху лестничного марша мужчину, явно ожидавшего ее, потому что выше по лестнице квартир уже не было.

Она сразу же припомнила другой случай, когда увидела

темную фигуру наверху лестницы, и на мгновение задержалась, прежде чем продолжить свой путь. Однако когда она начала подниматься по лестнице, мужчина сделал шаг вперед и произнес:

– Добрый вечер, мисс Стюарт. А я уже начал думать, что вы вернулись раньше и легли спать!

Мелани неуверенно остановилась, уставившись на затененное лицо Шона Босуэла, наклоненное к ней. Был момент, когда ей показалось, что голод вызвал у нее галлюцинацию, но его широкие плечи были вполне реальны и сардоническое выражение его лица невозможно было забыть.

Она поднялась по лестнице на площадку и, скрывая свое потрясение, спокойным тоном поздоровалась:

– Добрый вечер, мистер Босуэл. Это такая неожиданность – настоящий сюрприз.

– Правда? – Босуэл пропустил ее, чтобы она смогла вставить ключ в замочную скважину. – Не знаю, что в этом удивительного. Я предпочитаю заниматься своими делами сам, без всяких там адвокатов.

Мелани посмотрела на него с сомнением и покачала головой. То ли она слишком глупа, то ли в его словах не было никакого смысла? В любом случае они не могли до бесконечности стоять на ее площадке, не привлекая внимания соседей.

Повернув ключ в замке, она толкнула дверь.

– Может быть, вы зайдете? – пригласила она его с явной

неохотой.

Босуэл долго смотрел на нее, привыкая к свету ламп, которые она включила сразу же, войдя в прихожую, затем пожал плечами.

– Если вам угодно, – равнодушным тоном сказал он, и она отступила, пропуская его, а затем заперла дверь и прислонилась к ней спиной, несколько нервничая. Здесь, в интимной обстановке ее квартиры, Босуэл казался подавляюще властным, и хотя она толком не знала причины его визита, ей было ясно, что после того, как он уйдет, что-то от его личности останется здесь. Это была тревожная мысль, на которой ей не хотелось бы задерживаться.

Босуэл прошел на середину комнаты и осмотрелся с явным интересом. Его зимнее пальто было распахнуто, показывая светлый мех, которым оно было подбито, и в своем темном костюме он выглядел огромным и мощным, превращая благородные пропорции гостиной в карликовые. Его волосы, более длинные, чем у Майкла, падали на воротник пальто, а бакенбарды придавали ему чужеземный вид. Мелани подивилась, как этот человек с грубыми чертами лица и бесцеремонными манерами вызывает впечатление столь самоуверенной мужественности, в то время как Майкл, который бесконечно более приятен и определенно более утончен, казался каким-то менее действенным в достижении цели. А может быть, это всего лишь эффект окружения, создающего рамки, в которых мы наблюдаем чей-то успех?

Мелани отбросила в сторону эти рассуждения и расстегнула плащ. Теперь, когда Босуэл был здесь, в ее гостиной, она уже почти жалела, что не настояла на разговоре там, на площадке, даже рискуя вызвать пересуды других жильцов. В ее квартире разговор становился слишком личным, а она не видела причин, по которым ему понадобилось обратиться к ней персонально. Его слова об адвокатах и деловом представительстве она пропустила мимо ушей.

Перекинув плащ через спинку кресла, она спросила:

– Не желаете ли чего-нибудь выпить? – лишь для того, чтобы прервать воцарившееся тяжелое молчание. Босуэл оторвался от разглядывания нескольких гравюр, висевших на стенах ее комнаты, и ответил:

– Спасибо. Если можно, шотландского виски.

– Разумеется.

Мелани разгладила на бедрах короткую юбку и направилась к буфету, где держала скромный спиртной запас. Отмерив щедрую дозу виски в стакан, она вручила напиток ему и повернулась, чтобы налить себе немного шерри. Это было все, что она отваживалась выпить на пустой и склонный к тошноте желудок.

Он никак не отреагировал на ее знак, которым она пригласила его сесть, но сама она неловко примостилась на ручке кресла, используя ее как точку опоры.

– Я и не знала, мистер Босуэл, что вы часто бываете в Лондоне, – заметила она.

– А я и не бываю. – Босуэл выпил большую часть своего виски одним глотком. – Но в данном случае я счел, что лучше всего будет появиться лично, что я и сделал, – произнес он, задумчиво вертя в руке стакан.

Смочив пересохшие губы, Мелани сделала нетерпеливый жест.

– Так что же, собственно, привело вас в Лондон, мистер Босуэл? – спросила она.

Он снова нахмурился, и ей показалось, что она раздражает его, хотя она не могла понять, чем.

– Давайте не будем играть в кошки-мышки, мисс Стюарт, – отрывисто произнес он, живо напомнив ей, что он, когда дело касалось контроля над своим характером, не так предсказуем, как большинство других мужчин, которых она знала. – Вы прекрасно знаете, почему я здесь, и я не понимаю, зачем вы притворяетесь, что это вам неизвестно.

Мелани отпрянула.

– Я действительно не знаю, зачем вы здесь, мистер Босуэл, – резко возразила она, – и более того, я нахожу вашу манеру оскорбительной. Вы могли еще командовать, когда я была вынуждена остановиться в вашем отеле, но здесь вы на моей территории, и я...

Босуэл пробурчал какое-то междометие, отвернулся и, подойдя к окну, стал смотреть вниз, на Бэйсуотер-сквер. В свете уличных фонарей площадь казалась холодной и пустынной; даже непрерывный поток машин на оживленной

улице, который был виден сквозь узкий проезд в дальнем ее углу, почти не вносил перемен в этот колорит.

– Мисс Стюарт, – серьезно сказал он, явно с трудом сдерживаясь, – вы теперь готовы отрицать, что писали мне, предлагая купить Аконит по сильно раздутой цене?

Мелани открыла рот, и возмущенный возглас, вырвавшийся у нее, заставил его резко повернуться в ее сторону. Его глаза пристально вгляделись в ее лицо, и он медленно двинулся в ее сторону, на ходу допивая виски. В паре футов от нее он остановился, его светлые глаза в упор смотрели на нее сверху вниз, и Мелани, дрожа, сделала глоток шерри.

– Так, – сказал он наконец. – Я должен понимать это как отрицание?

Мелани наконец обрела дар речи.

– Разумеется, я это отрицаю. Я никому ничего не писала. Даже поверенным.

– Тогда кто, по-вашему, писал мне? – спросил он резким и раздраженным тоном.

– Я... я не могу даже вообразить. – Мелани прижала руку к щеке. Она подняла глаза. – Поверьте мне, я ничего не знаю о таком письме. А оно точно было от моего имени?

– Нет, от поверенных из Форт-Уильяма, от Макдугала и Прайса.

Мелани беспомощно покачала головой.

– Но кто мог сделать такую вещь без моего позволения?..
– И тут голос ее упал – неожиданная мысль поразила ее –

Майкл! Он был единственным человеком, кто обсуждал с ней продажу дома, и, по-видимому, он истолковал ее молчаливую реакцию на его аргументы как доказательство ее согласия. И, считая проблему забытой и отложенной в долгий ящик, он продолжал действовать в этом направлении ради нее.

Чувство возмущения поднялось в душе Мелани; он слишком много берет на себя, считая, что выполняет то, чего хочет она. И к тому же он не сказал ей об этом ни единого слова и действовал исключительно по собственному почину. А теперь Босуэл явился сюда, желая видеть ее, готовый заплатить сумму, которую она запросила за дом. Что же ей делать, что нужно сделать?

Босуэл наблюдал за игрой эмоций на ее выразительном лице, и, когда она вновь подняла на него глаза, спросил:

– Я вижу, вы уже поняли, кто выдвинул это предложение?

– Да. По крайней мере, я думаю, что это Майкл.

– Майкл?

– Мой жених.

– Понимаю. Судя по всему, он хочет продать дом. Он, очевидно, не разделяет ваших сентиментальных устремлений к этому дому.

Мелани покраснела.

– Нет, не разделяет. Но он его еще не видел.

Босуэл помрачнел.

– Что значит «еще»?

– Именно то, что я сказала. Я намерена привезти его туда, когда погода станет лучше.

– Бог мой! – Босуэл уперся руками в бока, затем его кисти скользнули вниз по полам пальто и опустились по сторонам чуть ли не с угрожающим движением. – Вы хотите сказать, что по-прежнему намерены следовать своей безумной идее?

Мелани соскользнула с ручки кресла и принялась нервно расхаживать по комнате.

– Я сожалею, что вы предприняли путешествие понапрасну, но, честно говоря, вам не за что меня ругать. Я не писала никаких писем и не отвечаю за действия моего жениха.

– Ваш жених к тому же и ваш поверенный, как я догадываюсь?

– Вы правы.

– Я понимаю.

Босуэл пожевал нижнюю губу. Затем он вытащил коробку с манильскими сигарами и раскурил одну из них. Спичку бросил в камин, игнорируя тот факт, что камин у Мелани был электрический. Затем, как ей показалось, он попытался расслабиться и уже менее натянутым тоном сказал:

– А ваш жених вам не слишком доверяет. Он что, считает, что вы можете передумать?

– Я не меняю своих намерений, – со вздохом ответила Мелани. – В данный момент я считаю этот вопрос отложенным. И, как я уже сказала, я сожалею.

– Я так же! – Босуэл небрежно стряхнул пепел в камин.

Затем с нарочитой беззаботностью повернулся и плюхнулся в одно из удобных кресел.

– Мне надо переброшиться парой слов с этим молодым человеком!

Мелани сжала губы.

– Я не назначала ему встречу на этот вечер.

– Не назначали? – Босуэл поднял свои темные брови.

– Нет. – Мелани снова вздохнула и неловко развела руками. – У вас есть еще какие-то вопросы ко мне?

Босуэл пожал широкими плечами. Он больше не смотрел на нее хмуро и свысока, но и не улыбался; на его лице не видно было и следа хорошего настроения. Мелани насторожило расчетливое выражение, которое она заметила в его глазах, и она хотела бы знать, что он еще намерен предпринять.

– Вы что-то бледны, мисс Стюарт, – подчеркнуто заметил он. – Вы ели сегодня вечером?

– Нет еще.

– Тогда надевайте плащ и пойдемте где-нибудь пообедать. Я приглашаю.

– О, но в самом деле, я... я не могу. – Мелани лихорадочно искала причину для отговорки.

– А почему нет? – Он пожал плечами. – Я тоже давно не ел. Вы ведь не позволите тому, что произошло в Аконите, повлиять на ваше решение. Кроме того, я проделал весь этот путь, чтобы увидеться с вами, и самое малое, что вы смогли бы сделать – это оказать мне гостеприимство, – он прищу-

рил глаза, – не беспокойтесь, я не собираюсь повторять тот инцидент в Аконите. Вы – не в моем вкусе, но я не думаю, чтобы вы затаили на меня злобу.

Мелани была обижена его ожесточенным тоном и холодным бесчувственным блеском в глазах. И в то же время свое нравный дух противоречия вызвал у нее непреодолимое желание доказать ему, что она вовсе не такова, какой он ее себе представляет. Ему нечем подкрепить сложившееся у него мнение, кроме тех коротких мгновений на кухне в Аконите, а, по его словам, они больше не повторятся. Ей даже показалось забавным, что он изложил свое предложение провести вместе вечер так путано и высокомерно. Ей следовало отказаться и тотчас выпроводить его из своей квартиры, а может быть, этого он только и добивался? С ним никогда ни в чем нельзя быть уверенной.

Его предложение привлекало еще по одной причине. Ей огромное удовольствие доставило бы сообщить Майклу, что она провела вечер с Шоном Босуэлом, и таким образом компенсировать свою обиду на очередное проявление властного характера жениха, который попытался взять ее дела в свои руки.

Набравшись храбрости, она сказала:

– Хорошо, я пойду с вами обедать. Вы подождете несколько минут, пока я переоденусь?

Если Босуэл и был удивлен тем, что она приняла его приглашение, он мастерски скрыл свои чувства. Единственной

реакцией, которой она добилась, было многозначительное движение бровью.

Переодевшись, Мелани, однако, задумалась, зачем ему понадобилось приглашать ее поужинать с ним. В конце концов, он был не из тех мужчин, которым трудно обеспечить себя женским обществом. Она была убеждена, что в обычных обстоятельствах женщины находят привлекательными его резкие черты и что-то волчье, проглядывающее в выражении его лица, так что одиночество ему вовсе не угрожало. Но тут еще была Дженнифер. Какое место она занимала в его жизни? Собирался ли он жениться на ней? И если собирался, то способна ли она была удовлетворить его запросы?

Мелани закусила губу и принялась накладывать тушь на свои и без того черные ресницы. Эти проблемы не касались ее, так зачем ей о них беспокоиться? Почему она упорствует, в который раз исследуя свое отношение к этому человеку? Почему само его присутствие вызывает в ней самые беспокойные чувства, так что становится почти осязаемым? Она надеялась, что после возвращения из Шотландии, когда она возобновила свои отношения с Майклом, все мысли о Шоне Босуэле угаснут в ее сознании, но теперь, когда он был здесь, они стали такими же грозными, как и прежде.

Она выбрала платье из пурпурной шерсти, которое ей было очень к лицу, короткое и свободное. К нему она надевала обычно длинный плащ из черного бархата до щиколоток, отороченный мехом. Выйдя из ванной комнаты и заметив

его взгляд, она не могла понять, показался ли ему привлекательным ее внешний вид. Он вежливо поднялся, сохраняя таинственное высокомерие, которое не поддавалось анализу, и Мелани должна была признать, что предстоящий вечер волнует ее так, как никогда не бывало в подобных обстоятельствах.

Он застегнул пальто и непринужденно прошел через комнату, чтобы открыть ей дверь на площадку. Они прошли два лестничных марша и окунулись в холодный вечерний воздух. На Мелани были черные замшевые сапожки, и она подобрала подол плаща, когда они пересекали площадь, чтобы поймать такси на оживленной улице. Она подумала, куда подевался его рэйндж-ровер, и решила, что он, видимо, приехал поездом.

Когда они садились в такси, Босуэл что-то сказал шоферу и, усевшись на заднее сиденье рядом с Мелани, сообщил:

– Я велел ему отвезти нас к Роскани.

Мелани посмотрела на него с некоторым любопытством. Роскани был сравнительно новый ресторан, который открылся в узком проезде возле Пиккадилли, и она никак не думала, что это место известно ему. Однако, словно почувствовав ее недоумение, он объяснил:

– Я время от времени все-таки наезжаю в Лондон. Кейрнсайд вовсе не такой уж медвежий угол.

Мелани повела худыми плечами.

– Я не думаю, чтобы вы ценили здешнее окружение, – за-

метила она. – Вы ведь невысокого мнения о горожанах.

– Разве я это говорил?

Мелани вздохнула.

– Но вы это подразумевали.

– Неужели? Какая неучтивость с моей стороны! – Нотка юмора проскользнула в его холодном тоне, и Мелани мельком взглянула на него, надеясь найти ее отражение на его лице, но он отвернулся, глядя на улицу, и ей не удалось ничего разглядеть.

Она думала, почему он пригласил ее именно в этот вечер. Определенно не из-за того, что его радует ее общество, но тогда почему он настаивал, чтобы она пообедала с ним. Может быть, он хочет поговорить с ней об Аконите и надеется убедить ее, что она понапрасну тратит время, оттягивая неизбежное?

Она не могла наверняка сказать, какие мотивы его к этому побудили, и определенно ей не следовало принимать это предложение при ее образе мыслей, но все же... Она не желала отказать!

Он не был разговорчив во время поездки, и когда водитель подвел машину к стоянке на Росситер-плейс, он молча помог ей выйти из такси. Затем, заплатив шоферу, он взял ее под локоть и повел по мелким ступенькам ко входу в ресторан.

Они прошли по красному ковру в небольшой коридор, из которого через одну стеклянную дверь можно было попасть

в небольшой бар, а через противоположную – в ресторан. Предупредительный гардеробщик принял их пальто, и Босуэл жестом намекнул, что они могут сначала зайти в бар.

Это было довольно приятное место. Они сели возле стойки и, поскольку посетителей оказалось не слишком много, без труда получили свои напитки. Мелани взяла еще шерри, решив не рисковать и не пить ничего более крепкого, а Босуэл заказал свою обычную порцию виски.

Люди вокруг них смеялись, болтали и веселились, в то время как Мелани чувствовала себя натянуто и напряженно и никак не могла расслабиться. Она почти жалела, что не отказалась от его предложения. Но теперь уже было поздно, и ей оставалось скоротать вечер наилучшим образом и надеяться, что их не увидят здесь знакомые. Но затем она подавила и эту мысль. Босуэл и так будет вынужден в любом случае встретиться с Майклом, чтобы потребовать объяснений, и ее жених обязательно узнает, что они провели этот вечер вместе. Она надеялась только, что в порыве раздражения, не создаст ситуацию, неприемлемую ни для кого из них.

Босуэл раскурил манильскую сигару и, положив руки на стойку, посмотрел на нее долгим взглядом.

– Вы что-то очень тихая сегодня, – заметил он. – Это ваша обычная манера поведения, или же только мое присутствие лишает вас дара речи?

Мелани заложила выбившуюся прядь волос за ухо.

– Я просто ждала, когда вы заговорите, – ответила она.

– Я начала уже думать, что вы сожалеете о своем решении пригласить меня пообедать.

– Почему вы так подумали?

Мелани нахмурилась. Его близкое присутствие тревожило ее, даже по спине бежали мурашки от страха. Она могла сейчас изучить каждую черточку его лица, длинные ресницы, чувственную нижнюю губу, энергичную упругость его волос. Он обладал магнетизмом, который влиял на самые основные ее инстинкты, с отчаянием осознавала она, и ее охватило желание прикоснуться к нему. Она словно вновь переживала ощущение страстной требовательности его губ и напряженное ожидание его тела, и твердость мускулов его рук, обнимавших ее тело. Она отвела взгляд, пытаясь успокоить свои разбегающиеся чувства, утихомирить биение сердца, стук которого отдавался у нее в ушах. Это всего лишь ложное пробуждение чувств, происходящее от ожидания чего-то неизвестного и в некоторых случаях недостижимого, неистово втолковывала она себе. Он чувствовал это ее восприятие и намеренно использует его для собственной выгоды, а она сделала глупость, откликнувшись на его уловку. Она должна остановить эти эмоции, пока они не уничтожили ее.

– Перестаньте исследовать меня, мисс Стюарт, – вкрадчиво сказал он, наклонившись к ее уху. – Воспринимайте вечер таким, как он есть. Ваш бесценный жених не станет возражать.

– Почему это? – Тон Мелани был излишне резким, по-

видимому, от напряжения, охватившего ее.

– Наверняка. Поэтому давайте расслабимся и попытаемся развеселиться. Мы с вами всего лишь мужчина и женщина, совместно преломляющие хлеб. И конечно у нас есть множество тем, которые мы можем обсудить, не вцепляясь друг другу в глотку.

– Предположим, – с сомнением сказала Мелани.

– Хорошо. – Он наклонил голову. – Тогда расскажите мне о вашей работе. Мне это интересно, хотя мои познания в этом предмете крайне ограничены.

И тут неожиданно Мелани почувствовала облегчение. Разговор о работе всегда вызывал в ней энтузиазм, и этот энтузиазм на время вытеснил остальные эмоции. Она обнаружила, что с ним удивительно легко говорить о ее работе, и он сделал несколько замечаний от себя, которые свидетельствовали о том, что и ему не чуждо эстетическое восприятие. И в самом деле, через минуту Мелани забыла, с кем она разговаривает, и они перешли в область музыки и литературы. Он был начитан, и они могли обсуждать авторов, которые им обоим нравились. В музыке их вкусы расходились, но не разительно, и она могла допустить, что он вполне смог воспринимать ее любимую современную музыку, если бы послушал ее. Оба они признавали достоинства классической музыки.

Обед, заказанный Босуэлом, был превосходным. Он довольно часто обедал здесь раньше и знал особенности кухни, но Мелани до сих пор еще не пробовала омара, приго-

товленного в вине. Наконец им принесли кофе с ликером, и Мелани, насытившись, откинулась на стуле.

– Я действительно теперь стану следить за своим весом, – смеясь, заметила она, – после кухни вашего отеля и теперь этой... – Она вздохнула.

Шон Босуэл слегка улыбнулся. Он мало улыбался в течение вечера, но когда он делал это, Мелани поражала разница в выражении его лица.

– Я не думаю, что это вам так уж необходимо, – ответил он, прищурившись. – Мне не по душе женщины, у которых только кожа да кости!

– Но Дженнифер очень худая, – беспечно сказала Мелани и тут же покраснела, взглянув в его лицо.

– Дженнифер очень больна, – строго возразил он, и его хорошее настроение испарилось так же быстро, как и возникло, – она не всегда была такой худой.

Мелани прикусила губу.

– Я понимаю. Извините. Я не хотела, чтобы это так прозвучало. Это просто была мысль, которая пришла мне в голову, и я проговорила ее вслух. Я не хотела сказать ничего обидного.

Он погасил окурок сигары.

– Все в порядке, – сказал Босуэл. – Я не обиделся. Качества Дженнифер не сосредоточены в ее внешности. Они при-
сущи ей как личности – и некоторые из них вы, может быть, не оценили.

– Что вы имеете в виду?

– Ничего, абсолютно ничего.

Он встал, и Мелани поняла, что он счел вечер законченным. Со вздохом она поднялась тоже и взяла свою сумочку со стола. Такой спад настроения был ей неприятен, и она спросила себя, а чего она, собственно, ожидала.

Она была всего лишь кем-то, кем он заполнил пару часов своего времени, кем-то, кого он воспринимал с известной долей терпимости и с гораздо большим раздражением.

Они вышли из ресторана, и он снова взял такси, чтобы отвезти ее домой. Она была даже удивлена, ведь он мог просто посадить ее в машину, а сам отправился бы в отель, где остановился, но очевидно это не пришло ему в голову, раз он сел в такси вместе с ней.

Через несколько минут они доехали до ее площади, он отпустил такси и проводил ее до дверей дома.

У подъезда Мелани повернулась и, изобразив на лице то, что она считала приветливой улыбкой, сказала:

– Спасибо за обед. Это было приятно и в высшей степени неожиданно, а я только еще раз хотела извиниться перед вами за то, что вам пришлось совершить напрасное путешествие.

– А вы не собираетесь пригласить меня к себе на чашку кофе?

Мелани была захвачена врасплох.

– Но мы уже пили кофе.

– Это было почти три четверти часа назад. Я бы выпил еще немножко, а вы?

– Сейчас, пожалуй, поздно.

– Всего лишь половина одиннадцатого. Я думал, что лондонские девушки не ложатся спать раньше полуночи.

Мелани покраснела.

– Но не тогда, когда они назавтра должны работать.

Он пожал плечами.

– Я понимаю.

Она неловко повернулась, не вполне понимая свое нежелание снова пригласить его в свою квартиру, но он поймал ее руку и сильно сжал ее.

– Вы боитесь меня, Мелани? Все дело в этом?

Мелани глубоко вздохнула.

– Разумеется, нет.

– Но вы имеете для этого основания, – сухо заметил он.

– Почему? – напряжение у Мелани перешло в страх. – Потому, что вы однажды меня поцеловали? Позвольте заметить, мистер Босуэл, что нам, городским девушкам, приходится бороться с более серьезными опасностями, чем вороватые объятия в заброшенном доме.

– Но почему вы?..

Он умолк, потому что она вырвалась и вбежала в дом. Она поспешила вверх по лестнице к своей квартире, в любую минуту ожидая его шагов за спиной и на бегу роясь в сумочке в поисках ключей. Однако ее плащ был слишком длинен и

мешал ей, а она не могла одновременно поддерживать его и искать ключи в сумочке, поэтому споткнулась и упала. Это было унижительное падение, потому что содержимое ее сумочки рассыпалось по всей лестнице и она сама слегка приложила нижнюю часть спины. Могло получиться гораздо хуже; она могла удариться головой, сломать руку или ногу, но для Мелани это оказалась последней каплей, и она готова была взвыть от бешенства и отчаяния, когда Босуэл подошел и наклонился над ней, глядя сверху вниз с насмешливым любопытством.

– Вы не расшиблись? – спросил он, опускаясь на корточки рядом с ней, собирая ее принадлежности и складывая их обратно в ее вечернюю сумочку.

Мелани покачала головой.

– Нет, не думаю, – ответила она, неуверенно поднимаясь на ноги.

Босуэл закончил подбирать ее вещи и тоже поднялся, пристально глядя на нее.

– Это безумие – так бегать по лестнице, – проворчал он.
– Вы могли убиться насмерть!

– Я знаю.

Мелани забрала из его покорных пальцев сумочку и проковыляла последние несколько ступенек. Спина у нее болела каждый раз, когда она поднимала ногу на следующую ступеньку. Она старалась не морщиться от боли, но это усилие все равно омрачало ее лицо. Однако Босуэл был рядом с нею,

и когда они подошли к дверям квартиры и она стала искать ключ в сумочке, он покачал им перед ее глазами.

– Я подобрал его, – сказал он и без лишних слов отпер дверь.

Мелани была слишком потрясена, чтобы протестовать, и когда он, пропустив ее в квартиру, вошел вслед за ней, не выразила возмущения. На самом деле, это казалось неизбежным, и она устало сбросила плащ.

Босуэл тоже снял пальто и скомандовал:

– Идите и сядьте. Я сварю вам кофе.

– Нет... я... то есть вы не знаете, где что находится.

– Я все найду. Расслабьтесь!

Мелани опустилась на кушетку. Она не надеялась переспорить его, так как чувствовала себя очень неуверенно, и когда через десять минут он появился, неся поднос со сваренным и отцеженным кофе, она уже почти засыпала от изнеможения. Она достаточно утомилась на работе, а события этого вечера еще больше нагрузили ее нервную систему. В результате домашнее тепло и действие выпитого вина вызвали в ней приятную дремоту.

Босуэл поставил поднос на низенький столик рядом с ней и остановился напротив, глядя на нее сверху вниз.

– Ну? – сказал он. – Как вы себя теперь чувствуете?

– Намного, намного лучше, – пробормотала Мелани, – натягивая платье на обнажившиеся бедра. – Вы находите, что все в порядке?

– Все просто замечательно, – кивнул он, продолжая ее пристально разглядывать. – Зачем вы так глупо поступили? Вы что, в самом деле боялись меня?

Мелани покраснела и приподнялась на одном локте.

– Вы же сказали, что у меня есть причины вас бояться, – прошептала она хрипло.

– Я сказал?

– Да. – У Мелани вдруг перехватило дыхание. Она вновь ощутила его присутствие всем своим существом, и желание коснуться его было таким сильным, что она не могла удержаться и, протянув руку, дотронулась до его руки.

Их пальцы сплелись и она взглянула на него снизу вверх с некоторой тревогой.

– Шон, – пробормотала она вопросительно, и голос ее прозвучал еще более приглашающе, чем прикосновение руки.

– Ты хочешь, чтобы я занялся с тобой любовью? – спросил он странно сдавленным голосом.

Мелани сдержала обиду. Эти слова звучали так низменно.

– Шон, – мягко запротестовала она, – не надо слов...

Он помрачнел.

– Почему? – спросил он резко. – Это разрушает романтические иллюзии?

Услышав нескрываемое презрение в его голосе, Мелани попыталась освободить свои пальцы, но он не отпускал ее.

– Я прав, не так ли? – ехидно спросил он. – Так вот в

чем заключается вся шарада? Вы хотели завести интрижку в Шотландии! И тот инцидент, который вы так пренебрежительно назвали вороватыми объятиями, на самом деле был для вас маленькой победой. Это давало вам ощущение власти, потому что вы знали, что я прикоснулся к вам против своей воли. И сейчас вы хотите снова возбудить во мне это желание, не так ли? Вы, конечно, можете подобрать себе жениха к своему удовольствию, если речь идет о богатстве и положении в обществе, но он не может удовлетворить те физические потребности, которые снедают вас изнутри.

– Успокойтесь! Как вы смеете так со мной разговаривать!

Мелани почти выкрикнула эти слова. Скинув ноги на пол, она поднялась и стала перед ним, устремив на него яростный взгляд.

– Что, правда глаза колет? – Его глаза дерзко встретились с ее взглядом.

– Это неправда, и я прошу вас уйти!

– С удовольствием, – ответил Босуэл!

Он мрачно наклонил голову, без лишних слов прошел через комнату, накинув на плечи пальто, и вышел из квартиры, захлопнув за собой дверь.

Глава восьмая

Мелани плохо спала этой ночью. Она металась и ворочалась до самого утра и в результате встала с ужасным самочувствием. Когда она явилась в офис, Десмонд Грэм обратил внимание на темные круги у нее под глазами.

– Вы что-то поздно ложитесь спать! – заметил он слегка ворчливо. – На вас это не похоже, моя лапочка.

– На самом деле я легла достаточно рано, – огрызнулась Мелани, доставая из папки несколько эскизов, – что вы скажете об этом?

Десмонд поднял седые брови.

– Мы что-то обидчивы сегодня, не так ли? Я ведь только пошутил!

Мелани покраснела.

– Простите. Я немного раздражительна, вот и все.

– Отчего? Поссорились с Майклом?

– Нет, – решительно ответила Мелани.

– Тогда в чем же дело? Вас же не волнует ничто другое, не так ли? У вас превосходная работа, и вам нечего за нее опасаться. Эти эскизы чертовски хороши, да вы и сами, я уверен, это знаете.

– Я ни о чем не беспокоюсь, Десмонд.

– Такая раздражительность не в ваших правилах. Обычно вы такая спокойная и с вами так просто общаться.

– Да откуда вы знаете, какая я? – взвилась Мелани, понимая, что использует Десмонда как мальчика для битья, чтобы выместить свое чувство разочарованности. Но остановиться она уже не могла.

Десмонд раскурил сигарету и, не желая принимать всерьез ее дурное настроение, попытался перевести все в шутку.

– Хорошо, хорошо, простите меня за этот разговор! Забудьте все, что я сказал. И если я наступил вам на любимую мозоль, то прошу меня извинить! – Он сделал глубокую затяжку. – Да, как насчет тех эскизов к рассказу Агнесс Боумен? Вам понадобится текст, или подписей, сделанных Винсентом, будет достаточно?

Мелани с трудом заставила себя переключиться на рабочие вопросы, и когда она посмотрела на Десмонда, то почувствовала нечто вроде раскаяния. В конце концов, не его вина в том, что она провела такую ужасную ночь, в этом была виновата она сама. Сама, потому что позволила Шону Босуэлу понять, что его беспокойная персона вызывает в ней чисто физическое влечение. Ей следовало позаботиться, чтобы такое никогда больше не случилось.

– Десмонд, я сожалею, – быстро проговорила она. – Я... ну, просто случилось то, чего я не ожидала, вот и все.

Десмонд улыбнулся. У него была приятная улыбка. Он замечательный человек, с теплым чувством подумала Мелани. У него двое детей, жена, внешность которой сразу же привлекает внимание общества, а он постоянно находит время

интересоваться проблемами своих работников, и потому на фирме его все любили.

– Не обращайтесь внимания, дорогая, – откликнулся он.
– Вы вправе выражать недовольство. Действительно, это не мое дело.

Мелани поджала губы.

– Майкл пытается продать Аконит без моего ведома, – медленно произнесла она.

– Что? – Теперь удивленный вид был у Десмонда. – Как он мог это сделать? Я был уверен, что вы отложили этот вопрос.

– Я – да. А он – нет.

– И он не обсуждал это с вами?

– Только в самом начале, а тогда я была в нерешительности, не знала, что делать. Я не помню, чтобы я говорила о том, что хотела продать дом, но я определенно помню свои слова о том, что не хочу его продавать. Во всяком случае, Майкл хочет, чтобы я использовала деньги от продажи для покупки дома рядом с Лондоном.

– Что ж, это неплохая идея, – задумчиво произнес Десмонд. – В конце концов, вы можете рассмотреть ее сразу после свадьбы. Учитывая то, что вы можете работать, где угодно...

– Понимаю. – Мелани беспокойно перелистывала эскизы на своем столе. – Это не имеет значения, не так ли? И меня не должно беспокоить, где я буду жить, если это будет жизнь вместе с Майклом?

– Это тоже идея! – усмехнулся Десмонд. – Любовь – это великий уравниватель обстоятельств. Вы, наверное, понимаете, что после свадьбы первые два месяца вы не проклянете ни Аконит, ни любое другое место, где вы окажетесь вдвоем.

Мелани склонила голову.

– Да, – пробормотала она с сомнением. И затем продолжила: – Так, возвращаясь к этим эскизам...

Она была так поглощена работой все утро, что даже летящие снежинки за окном лишь на минуту отвлекли ее внимание. Но перед ленчем ей позвонил Майкл. Решив не упоминать по телефону об Аконите, она сказала:

– Здравствуй, Майкл. Не хочешь ли ты пригласить меня пойти куда-нибудь на ленч? Сегодня я свободна.

Майкл рассмеялся, несколько принужденно, как заметила Мелани, и сказал:

– Есть идея. Как насчет встречи в час ровно в гриль-зале отеля Эмбэсси?

– Прекрасно, – согласилась Мелани.

Эмбэсси был сравнительно новый отель, столики там были разделены решетчатыми перегородками, заплетенными вьющимися растениями; идеальное место для частной беседы.

– Хорошо. – Голос Майкла звучал удовлетворенно, и Мелани задумалась, не связано ли его желание увидеться с ней сегодня с появлением Шона Босуэла. Ей любопытно было бы это узнать, но она не хотела задавать такой вопрос по теле-

фону. Поэтому она спросила:

– Ты достал билеты на концерт Дорлини?

Майкл с воодушевлением ответил:

– Да, достал. На четверг, вечером. А у тебя все в порядке?

Мелани нахмурилась.

– В четверг? Да, думаю, подойдет. А когда мы обедаем с Аллисонами?

– В пятницу.

– Тогда все в порядке. Ну, мне надо идти, дорогой. У меня тут дела в разгаре.

– Хорошо. Увидимся в час!

– Да. Пока!

Мелани положила трубку и некоторое время сидела, глядя на телефон, пока голос Десмонда не вывел ее из оцепенения. Но даже потом, весь остаток утра, ее мысли блуждали где-то в стороне, и она оживилась только, когда подошло время ленча. Ее занимал вопрос, как указать Майклу на его действия за ее спиной. Ей всегда говорили, что лучший способ защиты – это нападение, и она решила, что ей надо высказаться прежде, чем он поднимет вопрос о ее вчерашнем вечере, проведенном с Шоном Босуэлом.

Она вошла в Эмбэсси в пять минут второго, и одетый в белое служитель проводил ее к столику Майкла. Из-за перегородок она не видела, пришел ли он сам, и когда они приблизились к столику, у нее захватило дух и она с трудом глот-

нула воздуха. Майкл был уже здесь, но вместе с ним сидел не кто иной, как Шон Босуэл!

При ее появлении Майкл с живостью поднялся, небрежно отпустил официанта и сам пододвинул Мелани кресло. Мелани застыла от изумления, и весь ее продуманный план разговора мгновенно рассыпался в прах. Она тупо посмотрела на третьего участника встречи, который также поднялся при ее появлении, но тут же снова опустился на банкетку, и жаркий румянец выступил на ее щеках под насмешливо-циничным взглядом его светлых глаз.

– Майкл, – начала она, но умолкла и молчала, пока он не сказал:

– Я понимаю, что это большая неожиданность для тебя, Мелани, и тебе, наверное, покажется, что я вел какую-то закулисную игру, но вот мистер Босуэл, которого ты, разумеется, знаешь, – чтобы совершить сделку, касающуюся Аконита!

Рот Мелани приоткрылся, и она обратила вопросительный взгляд на своего жениха.

– Д-да? – сказала она.

– Да, – вздохнул Майкл, взяв двумя руками руку Мелани. – Дорогая, я знаю, что ничего определенного не было решено по поводу дома и что ты колебалась...

– Я? – Мелани отчаянно пыталась уловить его мысль. – Майкл, я на самом деле не понимаю...

Шон Босуэл вмешался в их диалог. Перегнувшись через

стол в ее сторону, он цепко впился в нее глазами.

– Ваш жених, мисс Стюарт, только пытается объяснить вам, что хотел бы, чтобы вы продали Аконит, и что он вступил со мной в контакт через поверенных, попросив меня назвать свою цену за дом.

Он смотрел на нее с вызовом, его глаза подзадоривали ее сказать то, что она уже знала, – что они встречались предыдущим вечером и что все было решено еще тогда! Но как могла она это сказать, если в таком случае ситуация неизбежно вышла бы из-под контроля?

– Я-я... – Она беспомощно покачала головой, и Майкл немедленно вмешался:

– Естественно, я не ожидал, что мистер Босуэл явится сюда лично, но вот он здесь, и мы должны как-то решить этот вопрос.

Мелани начала успокаиваться.

– Ты хочешь сказать, Майкл, что ты вступил в контакт с Макдугалом и Прайсом за моей спиной? – спросила она натянутым тоном.

Майкл, очевидно, впал в легкое замешательство.

– Да. Я действовал от твоего имени, Мелани. Я знаю, ты согласишься, что это был единственно возможный путь в таких обстоятельствах, и поскольку мы так скоро вступаем в брак...

– Но я же хотела, чтобы ты посмотрел дом! – воскликнула Мелани. – Как ты можешь отказываться от Аконита, даже не

увидев его?

– Я не думаю, что мистер Кроксли видит какой-либо смысл во владении собственностью, от которой он получит так мало пользы. – Шон Босуэл раскурил сигару, пока производил эту фразу. – И я понимаю, что он предпочел бы, чтобы вы продали Аконит и купили другой дом вблизи от Лондона.

– Аконит мой, мистер Босуэл, – процедила Мелани сквозь стиснутые зубы. – И хотя я прекрасно знаю, чего хочет мистер Кроксли, решение все же остается за мной.

– Мелани, прошу тебя! – Майкл с мольбой посмотрел на нее. – Никто не оспаривает твоего права на владение. Все, чего мы пытаемся здесь достигнуть, – это прийти к определенному решению, касающемуся этого имения. И, как уже сказал мистер Босуэл, я не вижу никакого смысла...

– Ты даже не пытаешься понять меня, не так ли? – Мелани охватило чувство огромного разочарования. То, что Майкл мог предпринять какие-то действия без ее ведома, само по себе было достаточно плохо, не говоря уже о сардоническом внимании Босуэла ко всему, что они говорили друг другу. Почему Майкл не сказал ей, что специально устроил эту встречу, и не предупредил, чего ей следует ожидать, а поставил в невозможное положение. Она бросила взгляд на Шона Босуэла. А может быть, это его вина? Может быть, идея этой встречи принадлежала ему? Еще один способ унижить ее?

Официант по винам принес шерри для Мелани, и она с благодарностью потягивала его из стакана. Потом подали

первое блюдо, и на время разговор ограничился случайными замечаниями о еде. Майкл все время поглядывал в ее сторону, и она понимала, что он весьма обеспокоен результатами этого разговора. Она хотела угодить ему, но сами его действия доказывали, что он считал ее участие неизбежной, но бесполезной необходимостью.

Уже в конце обеда Босуэл сказал:

– Скажите, мисс Стюарт, если вы намерены оставить Аконит за собой, когда вы намерены вернуться туда?

Майкл взглянул на Мелани, и она отодвинула в сторону свою тарелку с земляничным соусом.

– А это имеет для вас значение? – холодно спросила она.

Босуэл пожал плечами.

– Просто я хочу знать, сколько времени мне еще присматривать за домом.

– Вы сами это предложили, – резко напомнила она.

– Я это знаю. И не намерен отказываться. Я просто хочу уточнить для себя ваши планы.

– Вы хотите показать моему жениху, что Аконит – это напрасная трата денег, – вспыхнула Мелани.

Светлые глаза Босуэла сверкнули.

– Неужели?

Мелани склонила голову. Чего он добивается? Почему он упорно относится к ней как к какому-то безответственному подростку? Почему у него сложилось такое низкое мнение о ней?

Майкл внимательно прислушивался к этому обмену репликами.

– Ты хочешь сказать, что платишь мистеру Босуэлу за то, что он присматривает за домом? – спросил он.

Мелани вздохнула.

– Приходится.

– А на что идут эти деньги?

– Протапливание печей, закупка топлива – затраты такого рода, – спокойно и с достоинством ответил Шон.

Мелани взглянула на него.

– Но позади дома был достаточный запас топлива.

– Ничего не может хватить навечно, – заметил ее мучитель. – На прошлой неделе я купил полтонны кокса.

Мелани вскипела, а лицо Майкла приняло мрачное выражение.

– В самом деле, Мелани, – воскликнул он, – ты хоть имеешь представление, какую брешь в твоих финансах проделает этот дом?

Мелани сжала кулачки.

– Если домом пользоваться, то эти затраты нельзя считать пустой тратой денег.

– Пользоваться? Каким образом? – Хорошее настроение покидало Майкла, и его примирительная заботливость по отношению к Мелани сменилась приливом раздражения. В делах Майкла деньги всегда играли главную роль, и его бесило то, что Мелани собирается тратить свои средства на беспо-

лезное здание, которое может быть для них лишь расточительной экзотикой, чем-то вроде белого слона.

– Мы могли бы жить в нем! – огрызнулась Мелани, отбросив предосторожности. Она знала, что это звучит смешно; невозможно убедить Майкла бросить свою превосходную компанию в Лондоне и переехать в отдаленный уголок Шотландии, но он задел ее за живое, и она уже не заботилась о том, насколько безответственными могут казаться ее аргументы. Сказать что угодно, только чтобы стереть самодовольное выражение с этих двух лиц!

– Переезжать в Шотландию! – Майкл произнес это с превеличенным сарказмом. – О, ты совершенно безрассудна, Мелани! Я не понимаю, что с тобой происходит! Не сходи с ума!

Мелани смерила его долгим взглядом, затем зло посмотрела на Шона, встала и пошла к выходу из ресторана. Она слышала, как Майкл звал ее, но оставила без внимания его призывы и, глубоко дыша, вышла на морозный воздух.

Она слышала, как двери ресторана открылись, и слышала шаги за спиной, но поскольку поблизости не оказалось такси, она быстрым шагом пошла вдоль по улице. Однако шаги позади тоже ускорились, и минуту спустя Майкл оказался рядом с ней.

Он схватил ее руку, но она вырвалась, и он, тяжело вздохнув, сказал:

– Мелани, дорогая! Это же глупо. Послушай, я понимаю,

что не должен был писать Босуэлу без твоего ведома, но откуда я мог знать, что черт принесет его сюда, в Лондон? Это поставило меня в скверное положение, и когда он предложил встретиться за ленчем втроем, что я мог поделаться?

Мелани остановилась.

– Он предложил?

– Ну да. Ты могла бы вообразить, что я могу устроить такой сюрприз?

Мелани заколебалась. Нет, конечно. Это было не в обычаях Майкла. Он всегда выбирал самый подходящий момент, и когда этот момент наступал, он обезоруживал ее таким образом, что когда перед ней ставился вопрос, она уже наполовину готова была согласиться с ним. Это для Босуэла было типично поставить ее перед *fait accompli*⁵ в надежде достигнуть неожиданного преимущества.

Но даже если это так, то действия Майкла говорили сами за себя, и она не могла простить его также и за это. Глядя в сторону, она сказала:

– Ты должен был посоветоваться со мной, прежде чем писать поверенным. Я имею право знать. То, что мы помолвлены, еще не означает... – она вздохнула, – во всяком случае, теперь это уже не меняет ситуацию. Каких действий ты ожидал от меня?

– Никаких, дорогая. Я думал – после нашего разговора, когда ты только вернулась из Шотландии – я решил, что ты

---

⁵ *Fait accompli* – свершившимся фактом (*фр.*).

действительно хочешь продать Аконит. Я действовал только для того, чтобы избавить тебя от хлопот, связанных с юридическим оформлением продажи. Я собирался объяснить все тебе, как только я вручу Босуэлу письменное предложение и копию документа на владение. Надеюсь, ты сможешь это понять.

Мелани вздохнула.

– Но вот теперь, в ресторане?..

– Забудь все, что я говорил в ресторане, – мягко посоветовал он. – Да в конце концов, что я такого сказал? Я не мог принять твою сторону в беседе с человеком, который сам настолько заинтересован в этом деле, не так ли? Ситуации меняют дела, ты ведь знаешь. Но что касается переезда в Шотландию, – ты, конечно, понимаешь, что вопрос об этом даже не может обсуждаться.

Мелани наклонила голову и обмотала вокруг пальцев ремешок своей сумочки.

– Но я не хочу продавать Аконит, – настойчиво повторила она. – Я... я говорила об этом с Десмондом...

– О, этот Десмонд! – пренебрежительно откликнулся Майкл.

– Да, Десмонд! – Мелани с вызовом посмотрела ему в глаза. – Он мой хороший друг, и он сказал, что нет никаких причин, чтобы я немедленно принимала решение.

– А что если Босуэл передумает покупать дом за это время? – Майкл старался выглядеть спокойным.

– Какое это имеет значение? Найдутся другие люди, которые захотят купить его.

– Но не за десять тысяч фунтов, может и найдутся, – возразил Майкл, не заботясь о правилах грамматики.

– Десять тысяч фунтов?!

Мелани повторила эти слова, как эхо, не веря своим ушам.

– Ты хочешь сказать, что Босуэл...

– Вот именно, – торжествующе подтвердил Майкл.

Брови Мелани озадаченно изогнулись. – Но где он найдет такую кучу денег?

Майкл обеспокоился.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Именно то, что я говорю. Шон Босуэл вовсе не такой богатый человек. У него есть отель в Кейрнсайде, но, насколько мне известно, больших доходов он не дает. Его сестра и брат работают вместе с ним в отеле. Где же ему взять эти десять тысяч? – И тут неожиданная мысль пришла ей в голову.

– А кто назначил эту цену? Я считаю, что Аконит просто не стоит такой суммы.

Майкл запустил палец за ворот своей рубашки.

– Ты не должна этого говорить, Мелани, – бесцеремонно оборвал он ее. – Когда человек продает собственность, он не ставит под сомнение качества, из-за которых назначается запрашиваемая цена, особенно если клиент на эту цену согласен.

Мелани поджала губы.

– Я... ну, то есть это не совсем верно, – с несчастным видом пробормотала она, припоминая способ, которым Шон Босуэл объяснил ей, что полон решимости получить Аконит любой ценой. В этих обстоятельствах она должна была чувствовать благодарность к Майклу за то, что он добывает ей такую заметную сумму, но вместо этого она подумала, что Майкл имеет в этом деле имущественные интересы, и действия он предпринимает в той же степени для себя, в какой и для нее. – Ты должен помнить, что это не такое уж простое дело... – продолжила она.

– Поскольку оно касается тебя, то действительно простое, – ответил Майкл шутливым тоном, хотя нерешительность Мелани явно разочаровывала его.

Мелани потрясла головой.

– Я не хочу продавать дом, – настойчиво повторила она.

Майкл вздохнул.

– Но почему? Почему? Мы ведь не можем там жить! И он опустошителен для твоих финансов! Какая от него может быть польза для нас?

Мелани с грустью посмотрела вокруг.

– Я скажу тебе, Майкл. Если я не смогу удержать Аконит для себя, то я, вероятно, передам его другому человеку.

– Передашь? – Теперь Майкл был ошеломлен.

– Да. – Мелани все тщательно продумала. – Знаешь, мне не нравится Босуэл и мне известно, что я не нравлюсь ему, но это не меняет того факта, что он сын моего двоюродного

дяди и поэтому должен унаследовать дом.

– Никогда не слышал такого отъявленного вздора! – Майкл был взбешен. – Мелани, ты Наверное спятила! Ты не должна отдавать такое ценное имущество!

– Оно мое, Майкл, – спокойно напомнила она.

– Мы поженимся через восемь или девять недель! И я определенно имею право давать тебе советы для твоего блага!

– Конечно же, имеешь, Майкл. Но в этом случае я обойдусь собственным умом.

– Не заботясь о том, кому ты этим нанесешь вред?

– Разумеется, нет. – Мелани прикусила губу. – Майкл, ты говоришь, что я неблагоразумна и при этом отказываешься поехать со мной в Шотландию и посмотреть на дом своими глазами. Это, по-твоему, благоразумно?

– Но какая от этого будет польза? – Майкл засунул руки в карманы. Снова полетели хлопья снега, и стало ужасно холодно стоять и разговаривать здесь, на улице. – Послушай, давай вернемся в ресторан...

– Нет! – твердо заявила Мелани. Она не пойдет туда, где ей еще раз придется столкнуться с Шоном Босузлом.

– Что ж, ладно, но мне нужно вернуться. – Майкл сделал выразительный жест. – Что мне сказать Шону Босуэлу?

Мелани пожала плечами.

– Это тебе решать. Но ты должен сказать ему, что я не продаю Аконит. А может быть, я придумаю и передам ему дом...

– Она вздохнула. – Об этом еще рано говорить. Мне надо приехать туда и самой посмотреть все еще раз.

Майкл отвернулся. Ему явно было трудно сдерживаться, и Мелани догадывалась: он считает, что она делает из него дурака. А что он сделал с ней, действуя за ее спиной, создавая обстановку, лишившую ее дороги к отступлению? Она поняла, что сейчас он решил оставить эту тему. Он вернется к ней позже, когда обстоятельства, возможно, склонятся в его сторону.

– Хорошо, – сказал он, наконец. – Я скажу ему, что ты не заинтересовалась сделкой. Возможно, он сочтет тебя сумасшедшей! И вдобавок обвинит меня в своих расходах на поездку.

Мелани натянула перчатки.

– Мне надо идти. Я опаздываю.

– Увидимся сегодня вечером?

– Как хочешь, – Голос Мелани прозвучал равнодушно.

– Я забегу после обеда. Ты, наверное, не собираешься никуда выходить на обед?

– Во всяком случае, не этим вечером. – Мелани заставила себя слегка улыбнуться. – До свидания.

Майкл после некоторого колебания наклонился к ней и коснулся ее губ своими.

– Не расстраивайся, – сказал он. – Мы как-нибудь решим эту проблему.

Мелани кивнула и поспешила прочь. Холод пронизывал

насквозь, и она почувствовала, что промерзла до костей. Теперь все было не таким, как прежде: ни ее работа, ни Майкл, ни ее жизнь. За несколько коротких недель ее ощущение ценностей настолько переменилось, что она уже больше не могла думать об окружающем в категориях пригодности или непригодности для нее в финансовом отношении. До Рождества, до того, как она посетила Аконит, выбор между заброшенным домом в Шотландии и десятью тысячами фунтов показался бы ей в высшей степени забавным, и, несомненно, она выбрала без всяких колебаний деньги. Но теперь деньги значили намного меньше, чем ее душевное спокойствие, и когда она сказала Майклу, что думает о передаче Аконита, она сделала это сразу же вслед за тем, как эта идея возникла в ее мозгу и пустила там корни. Это определенно решило бы множество проблем, хотя, может быть, и создало новые. Во всяком случае, она освободилась бы от чувства вины и показала бы Босуэлу, что он напрасно рисовал ее себе только в черных красках. Но почему ее так волнует то, что думает о ней Босуэл? Какое это имеет значение? Он для нее никто, к тому же он обращался с нею гадко.

Она поймала такси и забилась в угол заднего сиденья, пытаясь разобраться в своих эмоциях. Она вела себя глупо и должна была взять себя в руки. Как верно сказал Майкл, они должны вскоре вступить в брак. Его мать уже взяла на себя все приготовления, поскольку у Мелани не было в живых родителей и некому было заняться приданым. Вскоре ей на-

до будет ходить на примерки свадебного наряда, нужно будет выбрать подружек невесты... О чем она думает, подвергая свое будущее такому риску? Майкл не такой человек, который способен слишком долго терпеть безразличное отношение к себе. Он не особенно тщеславен, но она знала, что он завидный жених, и что он не замедлит сменить Мелани на какую-нибудь красавицу из общества. Будет ли он ее любить, это в данном случае несущественно. Физический аспект их отношений никогда не носил характера страсти, и Мелани уважала сдержанность Майкла. Но была ли это сдержанность, или же он находил эту сторону супружества не слишком приятной? Она определенно не могла вообразить себе привередливого Майкла предающимся безумно страстным ласкам с какой-либо женщиной вообще, но до того, как она встретила Босуэла и познакомилась с его любовной манерой, Мелани не жаловалась на неудовлетворенность.

Во всем этом виноват Босуэл, подумала она с горечью. Не будь его вмешательства в Аконите, она наверняка решила бы продать дом, в конце концов, и никогда не попала бы в эту невозможную ситуацию.

Хмуро глянув в окошко такси, она обнаружила, что уже подъезжает к офису. Как ей хотелось, чтобы нашелся кто-нибудь, кто напрямую не вовлечен в эти дела и не имеет к ним даже косвенного отношения, человек, к которому она могла бы обратиться. Но такого человека не было. Ей самой надо было решить для себя, был ли на самом деле прав Май-

кл, и разорвать свои связи с этим домом раз и навсегда.

Глава девятая

В этот вечер Мелани перекусила тем, что сама себе приготовила и, как обычно, занималась после этого мытьем посуды, когда раздался звонок в дверь. Она вытерла руки, сняла фартук и пошла через гостиную к двери. Она ожидала прихода Майкла и поэтому была одета небрежно – в черные вельветовые брюки и набивную блузку с рисунком джунглей, завязанную на талии.

Однако когда она открыла дверь, за ней, лениво прислонясь к косяку, стоял не Майкл, а Шон Босуэл.

Ошарашенно, но сохраняя спокойное выражение лица, она сказала:

– О, добрый вечер, мистер Босуэл. Какой сюрприз!

– Вы и вчера вечером так сказали, – лаконично заметил он, выпрямляясь. – Можно войти?

Мелани медлила.

– Я, собственно, не вижу никакого смысла приглашать вас в квартиру, – сказала она. – Наверняка Майкл объяснил вам во время ленча...

– Ваш жених выражался в высшей степени ясно, – ответил Босуэл, кивая, – я должен также признать, что он был положительно красноречив. Он явно считает, что, будучи загнанной в угол, вы способны совершить что-то совершенно безответственное, и он не отважился бы рисковать...

Мелани вздохнула:

– Ну и...?

– Есть некоторые вопросы, которые я хотел бы обсудить, если вы сохраняете дом за собой, – сказал Босуэл.

– Какие же?

– Такие, например, как сдача мне его в аренду.

– Но вы говорили мне, что вам не хотелось бы пользоваться домом вместе с кем бы то ни было! Вы сами это сказали.

– Я помню. Однако я еще не уверен, что не удастся убедить вас продать дом.

Брови Мелани поднялись.

– Тогда вам, наверное, лучше войти.

– Благодарю вас.

Он прошел вслед за ней в гостиную, захлопнув входную дверь и расстегнув пальто. Мелани мельком указала ему на кресло, но он явно предпочел говорить стоя, и она также не села.

– Итак, – сказала она, стараясь держать деловой тон, – что же вы имели в виду?

– Аренду, основанную на ежегодном продолжении контракта.

– Но... но если я на это соглашусь, я вообще не смогу пользоваться домом.

– Так же, как и в любом другом случае. – Его светлые глаза насмешливо сверкнули.

– Что вы хотите этим сказать?

Он сделал примиряющий жест рукой.

– Ничего, ничего!

– Если мой жених вам все объяснил, то вы должны знать, что я не имею намерения совершенно покинуть Аконит. Я надеюсь убедить его в этом, когда погода улучшится.

– Ради Бога! – Шон Босуэл запустил пятерню в свою жесткую шевелюру. – Я не хочу знать, что вы там планируете с мистером Кроксли. Все, в чем я заинтересован – это укрепить свою позицию.

– Все это хорошо, мистер Босуэл, но объяснил ли вам мой жених, что...

– У нас с вашим женихом была взаимно полезная дискуссия по этому вопросу, – заметил Босуэл. – Однако найдете ли вы ее удовлетворительной для себя – это уже другой вопрос.

– Если мой жених ввел вас в заблуждение – если он дал вам понять, что...

– Я прекрасно понимаю отношение вашего жениха к этому вопросу, – снова прервал ее Босуэл, – действительно, я мог бы зайти столь далеко, что сказал бы, что готов подписаться под его возражениями. Но в данный момент я готов пойти по линии наименьшего сопротивления. Однако я не готов...

– Минуточку. – Мелани взглянула на него пристально. – Вы кажется пытаетесь объяснить мне, что Майкл сделал вам какое-то предложение?

– Силы небесные! – Глаза Босуэла сверкнули. – Нет! Разве

я это сказал?

– Но вы постоянно делаете какие-то намеки. – Мелани задумалась. – Я думаю, что лучше всего будет отложить все решения до тех пор, пока я сама еще раз не осмотрю дом.

– Осмотрите дом! – повторил он недоверчиво. – Вы хотите сказать, что собираетесь вернуться туда?

– Разумеется.

– Понимаю. – Босуэл стукнул кулаком по бедру. – Так вы действительно так непреклонны. Хотел бы я знать, Бога ради, почему?

– Разве это имеет значение?

– Конечно же, имеет, черт вас подери! – лицо его стало злым. – Я предложил вам более чем щедрую цену за Аконит! Я сам проделал путь сюда, чтобы решить дело и избавить вас от путешествия на север, а вы все упорствуете и ведете себя как избалованный ребенок, не желающий расстаться с новой игрушкой!

Теперь Мелани была разозлена и обижена.

– Может быть, вы прекратите относиться ко мне как к капризному ребенку или безрассудной женщине и будете употреблять выражения, которые я смогу как-то переносить? – огрызнулась она.

Босуэл сделал шаг в ее сторону, глубоко дыша.

– Что вы хотите этим сказать? Как мне к вам относиться, по-вашему? Я был прав вчера вечером, не так ли? Я разочаровал вас тем, что не принял ваше щедрое предложение

разделить с вами ложе?..

– Вы свинья.

Мелани уставилась на него измученным взглядом, и прежде чем она успела двинуться, он протянул руки и прижал ее к себе. Обхватив ладонями ее голову, он поцеловал ее в губы. После первого момента сопротивления Мелани поняла, что страстно отвечает на его поцелуи. Это было уничижительно, но он был прав. Это было то, чего она хотела, и ее руки скользнули под пальто и пиджак и обвились вокруг его талии, и между его и ее теплой кожей оставался только тонкий шелк. Ее губы раскрылись под сокрушительным напором его рта, и она ощутила, как его пальцы стягивают с плеч ее блузку и тут же его губы обожгли ее кожу с настойчивой требовательностью. У нее все загорелось внутри, а он низким, глубоким голосом проговорил:

– Люби меня – и я буду тебя любить...

У Мелани перехватило дыхание. Что она делает? Она потеряла рассудок? Почему она позволяет этому мужчине прикасаться к себе так, как этого никогда не делал Майкл, даже в те отдаленные времена, когда он мог этого захотеть? Почему ее тело плавится от распутных желаний, как только его руки начинают ласкать ее? Почему твердость его тела, прижатого к ней, разрушает в ней все привычные запреты? Она ощутила его руки в своих волосах и откинула голову так, чтобы он мог целовать ее шею, и тут зазвенел дверной звонок!

На Мелани этот неожиданный звук подействовал как

ковш холодной воды, и она нетвердо освободилась из его объятий. Он стоял, серьезно глядя на нее, и в его глазах все еще отражалась напряженность чувств, несмотря на то, что выражение их оставалось циничным.

Мелани застегнула блузку дрожащими пальцами и руками пригладила волосы.

– Это... это, должно быть, Майкл! – сказала она.

– Вы кажется озабочены, мисс Стюарт, – язвительно спросил Босуэл, – вы что, струсили?

Ей захотелось ответить ударом на удар, причинить ему боль, как он причинил ей, но на это не было времени. Звонок прозвенел снова.

– Идите же, откройте дверь, мисс Стюарт. – Шон снял пальто и перекинул его через спинку кресла. – Причины моего пребывания здесь вполне законны, не так ли?

– Но... но...

– Не беспокойтесь! Я не стану подрывать доверие, которое питает к вам ваш жених, и не собираюсь рассказывать ему о ваших поступках. То, что вы делаете, имеет немаловажное значение для меня, кроме тех случаев, когда речь идет об Аконите.

– Ох, этот Аконит! Аконит! Мне становится тошно от одного звука этого названия! – Мелани готова была расплакаться.

– Вам все-таки лучше открыть ему, – заметил Шон Босуэл, поправляя галстук, – а то он на самом деле подумает что-

нибудь плохое!

Мелани бросила на него злобный взгляд и нехотя пошла к двери. Не успела она открыть автоматический замок, как звонок раздался снова, и когда дверь наконец распахнулась, вошел рассерженный Майкл.

– Где ты была? – начал он, и тут увидел Босуэла. – Вы? Что вы тут делаете?

Шон Босуэл вовсе не выглядел взволнованным, и Мелани с трудом могла представить себе, что каких-нибудь пять минут назад он был готов предаваться с нею страстной любви. Он успел пригладить волосы, костюм его был безупречен как всегда, а гораздо лучше скроенный костюм Майкла и его бледно-сиреневая рубашка выглядели по сравнению с ним несколько женственно. Майкл, правда, был выше, но не так широк в плечах, и из-за этого казался изможденным, особенно после простуды.

– Я пришел к мисс Стюарт поговорить об аренде Аконита, – сказал Шон, предлагая Майклу сигару, которую тот принял. – Я подумал, что в данных обстоятельствах она предпочтет такое решение.

Майкл помедлил, пытаясь разобраться, издевается над ним Шон или нет. Затем он спросил:

– Ты собираешься сдать дом в аренду, Мелани?

С Мелани было уже довольно всего этого.

– Я не знаю, – ответила она сквозь стиснутые зубы. – А если ты думаешь, что я намерена провести остаток вечера,

обсуждая дела Аконита, то ты глубоко ошибаешься!

Майкл взглянул на Шона.

– Вы здесь давно?

Шон пожал плечами. – Всего несколько минут. Ужасный вечер, не так ли?

– Да, верно. – Майклу явно было трудно вести себя естественно. – Э... может быть, мы выпьем чего-нибудь, Мелани?

– Я уже уйду, – сказал Шон, небрежно забирая с кресла свое пальто. – Мы обсудим это в другой раз, мисс Стюарт.

– Да, – коротко ответила Мелани, и Майкл пристально посмотрел на нее.

– Продолжай же, – подбодрил ее Майкл, но Мелани покачала головой.

– Я не люблю слишком скорых решений, – заявила она более спокойным тоном, чем сама ожидала. – Мне... мне нужно время подумать.

Босуэл протянул руку Майклу, и они обменялись рукопожатиями на глазах онемевшей от изумления Мелани. Как может Шон Босуэл вести себя настолько возмутительно? Она искала способа привести его в замешательство, но он постоянно лишал ее самообладания.

– До свидания, мисс Стюарт. – Босуэл протянул руку и ей, и она была вынуждена коснуться ее, но тут же отдернула свою руку, почувствовав холод его ладони. Она ненавидела его, сама не зная почему.

Она проводила его до двери, но избегала смотреть ему в

глаза, так что не было никакого способа общения между ними без того, чтобы это не стало заметным для Майкла. Однако, выходя, он сказал с вкрадчивым сарказмом:

– Я уверен, что мы встретимся снова, мисс Стюарт. – И Мелани закрыла за ним дверь дрожащими руками.

Когда она вернулась в гостиную, Майкл стоял, повернувшись спиной к электрическому камину. Он, казалось, был выбит из колеи, и Мелани понимала, что он ждет каких-то объяснений.

– Ну что ж! – сказал он несколько напыщенно. – Этот парень, однако, набрался нахальства, явившись сюда таким образом! Почему ты позволила ему войти? Ты должна была сказать ему, что я веду твои дела.

Мелани сложила руки.

– Он уже осведомлен об этом, Майкл. К тому же мне неудобно было бы разговаривать с ним в коридоре, не так ли? – Она выразительно взмахнула рукой. – О, давай сменим тему. Меня уже тошнит от всех этих дел.

Но от Майкла не так-то легко было отделаться.

– Все это хорошо, – сказал он, – а насколько хорошо ты его знаешь? Мне показалось, что он чувствует себя как дома.

Мелани сжала кулачки.

– Я не настолько хорошо знаю его, – напряженно проговорила она. – Но такой уж он человек. Он устраивается как дома везде, куда ни явится. Он... да ты и сам знаешь, как он себя ведет.

Майкл насупился.

– Даже если это и так, его присутствие здесь мне вовсе не по душе, и я хочу, чтобы ты больше не приглашала его. Если тебе нужно будет обсудить деловые вопросы, я должен при этом присутствовать, и твоя квартира вовсе не место для таких дискуссий. У меня есть превосходный офис, вполне подходящий для деловых встреч.

– Но ты сам это начал! – горячо напомнила ему она. – Ты первый написал ему! Я же была готова отложить все до лучших времен.

Майкл с досадой хлопнул себя по бедру.

– Давай не будем снова забираться в эти дебри, Мелани. Хорошо, оставим это на время, но я не удовлетворен положением дел.

Мелани небрежно пригладила рукой волосы, стараясь не размышлять о том, что произошло бы, если бы не появился Майкл. Что с ней происходит? Она никогда не считала себя безответственным существом, неспособным разобраться в собственных мыслях и чувствах, а в эти последние дни она, казалось, постоянно пыталась анализировать мотивы своих действий. И результаты этого самоанализа ее не успокаивали.

Остаток вечера тянулся бесконечно, и Мелани испытала огромное облегчение, когда Майкл, наконец, решил уйти. Если он и счел ее озабоченной, то никак не упомянул об этом, а Мелани сделала вывод, что это оттого, что он сам

был озабочен. Что случилось с нами? – отчаянно спрашивала она себя. Никогда раньше их отношения не складывались подобным образом. Как они могут вступить в брак, если из-за всякой мелочи между ними возникает такое напряжение?

К своему удивлению, в последующие дни она ничего не слышала о Шоне Босуэле. Она была почти уверена, что он попытается встретиться с ней, но когда он этого не сделал, она была вынуждена предположить, что он вернулся в Кейрнсайд. После этого жизнь приобрела некоторое подобие нормальности, и, используя работу как противоядие от отчаяния, Мелани выполнила рисунки к рассказу Агнес Боумен. Десмонд остался ими доволен и предложил ей и Майклу пообедать в один из ближайших вечеров, и они с удовольствием приняли его предложение. Все было, как в старые времена, подумала Мелани с облегчением, и поскольку Десмонд привел свою жену Лидию, они провели вечер вчетвером.

Они пообедали в гриль-зале отеля «Савой», а потом перешли в ночной клуб. Впервые за последнее время Майкл выглядел расслабленным и расторможенным, и, танцуя с ним, Мелани начала верить, что ее опасения были результатом разыгравшегося воображения.

Позже мужчины разговорились с другом Десмонда – продюсером, а Лидия и Мелани были предоставлены самим себе.

– Сколько недель осталось до вашей свадьбы? – с любопытством спросила Лидия, маленькая грациозная женщина

с седеющими рыжими волосами, благожелательная и ласковая в общении. Мелани чрезвычайно любила ее и охотно повернулась к ней, чтобы ответить.

– Всего шесть недель, Лидия. На уик-энд я поеду в дом Майкла на первую примерку свадебного платья.

– Как это чудесно! – мечтательно вздохнула Лидия. – Мне хотелось бы снова оказаться на этой арене – предвкушать свою свадьбу и все такое. Мне просто не верится, что мы с Десмондом женаты уже пятнадцать лет.

Мелани склонила голову.

– Но это были счастливые годы, не так ли?

– О, да, – убежденно ответила Лидия.

– Вот видишь. – Мелани высоко подняла плечи и снова их опустила. – А я не знаю, какова я буду в роли жены. Или матери!

Лидия пожала плечами.

– Это естественно приходит к женщине. Не беспокойся, ты справишься. Где вы собираетесь жить? Здесь или за городом?

Мелани приподняла брови.

– В городе, конечно. Да нам и нигде больше жить.

– Нигде? – Лидия нахмурилась. – А я слышала, что Майкл интересовался коттеджем Бредбери. Ты знаешь это место. Это недалеко от Меддлхема, где расположен наш коттедж.

– Коттедж Бредбери? – Мелани смущенно сдвинула брови. – Ты имеешь в виду Оуэна Бредбери, коллекционера ан-

тичности, который умер в прошлом году?

– Да, – нахмурилась Лидия. – О, дорогая, разве он не сказал тебе? Надеюсь, что я не испортила сюрприз.

– Нет, нет, разумеется, нет. Продолжай! – Мелани с интересом наклонилась к ней.

Лидия заколебалась.

– Я в самом деле не знаю, должна ли я...

– Не будь глупой, Лидия; сказав «а», нужно говорить и «б». – Мелани постаралась сохранить в своем голосе нотку веселья, хотя внутри она начинала ощущать привычную острую боль разочарования и обиды.

Лидия вздохнула, но она была заядлая рассказчица, и этот случай был настолько хорош, что жаль было его упустить.

– Так вот, обо всем мне рассказал Десмонд. Вначале, конечно, он сказал, что несколько недель назад Майкл встречался за ленчем с Вирджинией Бредбери.

– С Вирджинией Бредбери?

– Да. Она вдова Оуэна Бредбери. Он был намного старше ее. Третья из его жен, она не достигла пока сорока лет, а выглядит еще моложе. Когда Десмонд увидел их вместе, он поговорил с ним об этом, потому что он очень любит его и тебя, а ты понимаешь, что пришло ему в голову.

– Да. – Мелани сдержала обиду. – И что же сказал ему Майкл?

– Ну, он объяснил, что занимается делами семьи Бредбери, и что он советует Вирджинии продать коттедж. Он не

сказал Десмонду, что сам покупает дом, разумеется, он только объяснил так причину их совместного ленча. Это обнаружилось позже; наши друзья, которые знакомы с Вирджинией, сказали нам, что она собирается продать коттедж Майклу.

– Понимаю. – Мелани откинулась в кресле, в голове у нее шумело от того, что она только что услышала. Неудивительно, что Майкл не хотел, чтобы она удерживала за собой Аконит, потому что для них предназначался этот коттедж. Лицо ее на время смягчилось. «Значит, поэтому он так упорно настаивал на продаже Аконита?» – с сожалением подумала она. Значит, она настолько неверно оценила его намерения?

Снова повернувшись к Лидии, она сказала:

– Не упоминай об этом, когда вернутся мужчины, хорошо? Я не хочу, чтобы Майкл подумал, что я контролирую его.

Лидия кивнула.

– Конечно, конечно. Интересно, надолго они решили оставить нас одних? Я расправилась бы еще с одним напитком.

Мелани улыбнулась. Все эти неожиданности казались теперь понятнее, а она подумала с некоторой неохотой, что они все меняют. Если Майкл собирается преподнести в виде свадебного подарка коттедж, то как же докучало, должно быть, ему ее упорство относительно Аконита.

В такси по пути домой Мелани продела руку под локоть Майкла и склонила голову к его плечу. После минутного ко-

лебания Майкл обвинил ее руку своей и прижался губами к ее волосам.

– Майкл! – сонно пробормотала она. – Ты когда-нибудь думал о покупке загородного дома? – И чувствуя, как он застыл, она поспешила добавить: – Я имею в виду, вблизи от Лондона?

Майкл резко вздохнул:

– Почему ты спрашиваешь?

Мелани вздохнула:

– Я просто подумала.

– Грэм что-то сказал тебе?

Мелани подняла голову.

– Десмонд? Нет, а почему? Он должен был что-то сказать?

Брови Майкла сдвинулись.

– Мне любопытно, почему ты подняла этот вопрос именно сегодня вечером.

Мелани закусила губу.

– Ну, ладно, Майкл, Лидия сказала мне.

– О коттедже Бредбери?

– Да, боюсь, что так. Она... она не сознавала, что говорит лишнее...

– Понимаю. – Майкл раздраженно щелкнул языком.

– Ну, да имеет ли это значение? – Мелани потрогала щеку рукой. Я думаю, что это чудесная идея, и я только жалею, что портила дело со своим Аконитом.

Майкл схватил ее за руки.

– Ты... ты хочешь сказать, что ты передумала?

Мелани нахмурилась.

– Я передумала? – как эхо, повторила она.

– Ну да. По поводу продажи Аконита.

– О, я понимаю. Иметь два дома было бы глупо, не так ли?

– Мелани тяжело вздохнула.

– Да это у нас и не получилось бы, – практически заметил Майкл. – Ведь на этот коттедж Бредбери ушли бы почти все десять тысяч, которые мы получили бы за Аконит...

Чувства Мелани резко обострились, она отстранилась от Майкла, и нескрываемый ужас прозвучал в ее голосе.

– Не хочешь ли ты сказать, что это я должна купить коттедж Бредбери?! – выдохнула она с изумлением.

Майкл провел пальцем внутри своего тугого воротничка.

– Ради Бога, Мелани, а что, ты думала, я еще имел в виду?

Мелани откинулась на сиденье, оглушенная этой фразой, но мозг ее работал с абсолютной ясностью.

– Ты шутишь? – воскликнула она.

Но едва она успела произнести эти слова, другая мысль поразила ее.

– Так вот почему ты написал Шону Босуэлу? – с отвращением догадалась она. – Вот почему ты связался с ним без моего ведома? Значит, это коттедж Бредбери вызвал у тебя такой повышенный интерес?

Майкл попытался снова взять ее за руки, но она оттолкнула его.

– Мелани, дорогая, пожалуйста, не устраивай здесь сцен! Шофер, наверняка, слышит, о чем мы говорим!

Мелани скривила губы.

– Ты думаешь, меня это заботит? Думаешь, меня интересует, что кто-нибудь об этом подумает? О, Майкл, я и раньше была на тебя сердита, но это не идет ни в какое сравнение! Как ты мог! Как ты мог!

– Мелани! Ну что это за мелодрама! Как только мы поженимся, Аконит станет настолько же моим, как и твоим, запомни это!

– Но мы не поженимся, Майкл! – Мелани, задыхаясь, стащила с пальца обручальное кольцо и сунула ему в руку. – Возьми свое кольцо. Заложи его! Может быть, тебе хватит, чтобы самому внести задаток за коттедж Бредбери!

Лицо Майкла залилось краской. Нездоровые пятна появились на его щеках. Мелани постучала по разделительному стеклу, чтобы привлечь внимание водителя, показывая, чтобы он остановился. Когда такси затормозило, она выскочила из него, и прежде чем Майкл сообразил, что она собирается делать, махнула водителю, чтобы он ехал дальше. Когда Майкл снова остановил машину, Мелани уже свернула в боковую улочку и скрылась из виду.

Позже, намного позже, в ее квартире надрывался телефон, но Мелани не хотела брать трубку. Она лежала лицом вниз на своей кровати и плакала, как не плакала никогда прежде.

Утром она встала с опухшими глазами и измученная, но

все-таки пошла в офис, и Десмонд сразу же заметил, что у нее что-то не в порядке. Подойдя к ее столу, он снял с нее темные очки, под которыми она хотела спрятать свои глаза, и сказал:

– Зайди ко мне в кабинет. Мне надо с тобой поговорить.

Мелани не очень хотелось разговаривать с кем бы то ни было, но ей было трудно отказать Десмонду, который платил ей жалованье, и она пошла вслед за ним. В кабинете Десмонд усадил ее в кресло и дал чашечку черного кофе.

– Ну, а теперь, – сказал он, – выкладывай, что случилось? Из разговора с Лидией я понял, что вчера вечером она выпустила кота из мешка.

– И слава Богу, что она это сделала! – с жаром произнесла Мелани. – О, ты тоже должен знать все: Майкл связался с Босуэлом, потому что хотел на деньги от продажи Аконита купить коттедж Бредбери.

– Что?!

– То, что ты слышал. Майкл хотел использовать эти деньги для своих целей. Когда Лидия впервые сказала мне о коттедже, я была очарована, – сказала она с невеселым смешком. – Я действительно подумала, что он намерен купить коттедж, чтобы сделать мне сюрприз. Я даже собиралась сказать ему, что все-таки продам Аконит. Деньги пошли бы в банк на неожиданные расходы и тому подобное. Я никак не могла подумать... – Она молча покачала головой.

Десмонд глубоко вздохнул и зажег сигарету.

– Я понимаю. Но даже если это так, Мелани...

– Если так, то все! Я... я больше не хочу об этом говорить!

– У тебя на руке нет обручального кольца.

– Наша помолвка расторгнута!

– О, нет! – Десмонд схватился за волосы. – Послушай, Мелани. Я не могу отделаться от мысли, что в какой-то степени здесь и моя вина. В конце концов, если бы я не увидел во время ленча Майкла с Вирджинией и не сказал бы об этом Лидии...

– О, не вини себя, Десмонд. На самом деле я счастлива. Я понимаю, что в этот момент счастливой не выгляжу, но мои отношения с Майклом испортились с тех пор, как я унаследовала Аконит. Мы с ним ни разу не переговорили с глазу на глаз об этом.

– Но Майкл вчера вечером сказал мне, что вопрос об Аконите был решен...

– Нет, не был. – Мелани отпила глоток ароматной черной жидкости из чашки. – На самом деле я думаю отправиться туда на некоторое время.

– Что? Ты хочешь сказать – жить там?

– Ну, скажем так, – в отпуск, – спокойно пояснила Мелани. – Послушай, Десмонд, ты можешь понять это, не так ли? Я хочу сказать, что если я останусь в Лондоне, то Майкл обязательно попытается встретиться со мной. Он просто не захочет поверить, что я отвергла его.

– А это так на самом деле?

– Да, – Мелани кивнула, – я не намерена брать свои слова назад.

Десмонд покачал головой.

– Но, Мелани, если ты любишь Майкла...

– В этом-то все и дело, – с острой пронизательностью ответила Мелани. – Я не люблю его. И, думаю, никогда не любила. Я пользовалась им, а он пользовался мною. Вот и все, что было между нами.

– Ты это говоришь не серьезно! Я же видел вас вместе. Вы были прекрасной парой!

– Может быть, и так, – Мелани усмехнулась несколько цинично, – но люди не вступают в брак только из-за того, что хорошо смотрятся рядом с кем-то...

– Я понимаю, но только хотел сказать...

– Знаю, что ты хотел сказать, Десмонд, но, прости меня, я не изменю своего решения. Все кончено, и знаешь, в глубине души я счастлива!

Глава десятая

Неделю спустя Мелани выехала на машине в Шотландию.

Она намеревалась выехать туда раньше, но оказалось необходимо сделать значительно больше дел перед тем, как покинуть Лондон на неопределенный срок, и она была благодарна Десмонду за его помощь и понимание. Она знала, что его все еще угнетает этот оборот событий и что он не может полностью принять их разрыв с Майклом. Она видела, что на самом деле он верит, что через пару недель одиночества Мелани кинется обратно в Лондон, чтобы возобновить свою помолвку.

Но у самой Мелани больше не было сомнений. Иногда она просто ощущала огромное чувство облегчения, сознавая, что снова свободна. И уж если она захочет вернуться в Лондон, то не для того, чтобы увидеться с Майклом.

Майкл же смотрел на эту ситуацию иначе. Он придерживался мнения, что эта ссора была всего лишь продолжением их разногласий касательно Аконита, и не усматривал ничего дурного в предпринятых им попытках. Но у Мелани просто открылись глаза на себялюбие и эгоцентризм Майкла, и все слабые сомнения, которые оставались у нее раньше, испарились от этой жестокой обиды.

Он звонил регулярно, главным образом в офис, поскольку Мелани не подходила к телефону в квартире. После одной

неудачной попытки проникнуть туда он обычно приходил в офис, но Десмонд присутствовал там все время, а Майкл был не из тех людей, которые устраивают скандалы на людях. Однажды он дождался ее после работы, и встречи с ним нельзя было избежать, но к тому времени Мелани поняла, что только поговорив с ним, она сможет объяснить ему, что он напрасно тратит время.

После этого он прекратил попытки увидеться с ней, и Мелани задумалась, как он отреагирует, узнав, что она уехала из Лондона. Может быть, он займется Вирджинией Бредбери, если она ему это позволит. По всем данным, она еще молодая привлекательная женщина и наверняка обладает определенными связями, которыми он сможет воспользоваться, цинично подумала Мелани.

Погода для поездки казалась теперь не столь драматичной, как перед Рождеством. Неожиданная оттепель растопила большое количество снега, и поэтому некоторые места залило, что, впрочем, было не менее опасно. Она переночевала в Глазго и следующим утром выехала в Кейрнсайд с переполняющим ее чувством возбуждения и ожидания.

К «Черному быку» она подъехала вечером, когда серый день померк и начались сумерки. Все здесь выглядело как-то по-другому. Деревья, сбросившие снеговое одеяние, выделялись своей чернотой на фоне снеговых пятен, покрывавших склон холма. В окрестностях оставалось достаточно много снега, но дороги расчистились и площадка перед отелем бы-

ла выметена и почти высохла.

Она набралась храбрости, поставила машину перед отелем и вошла, зная, что если ее не разместят здесь, то ей некуда будет податься. В Аконите нет ни света, ни отопления, да и где ей там спать? Разве что в кровати Ангуса Кейрни?

Приемный холл был пуст, и она с трепетом взялась за колокольчик на конторке и позвонила. Через пару минут дверь, которая вела в ту, очень удобную комнату за конторкой, отворилась и появилась Элен Босуэл. Ее глаза недоверчиво округлились, когда она увидела, кто приехал, и она подошла к конторке с некоторой неохотой.

– Да? – спросила она бесцеремонно.

Мелани сжала губы.

– Я хотела бы комнату. Ту, которую занимала в прошлый раз.

– Понятно. – Элен постучала лакированным ногтем по обложке регистрационной книги. – Вы надолго?

Мелани пожала плечами.

– Я точно не знаю. Это зависит от обстоятельств. А это имеет значение?

– У нас может не оказаться комнат, – резко ответила Элен, перелистывая страницы книги.

– Но в прошлый раз, когда я приезжала, вы сказали...

– Это было перед Рождеством, – возразила Элен, – я должна посмотреть.

Мелани сдержала раздражение.

– Тогда я пройду в бар и выпью что-нибудь, если можно.

– Разумеется, – равнодушно сказала Элен, и Мелани быстро прошла через маятниковые двери, ведущие в помещение бара.

Джефффри был на своем месте за стойкой и протирал стаканы. Увидев ее, он также изумился.

– Ну, здравствуйте, – приветливо воскликнул он. – Вы просто утеха для глаз!

– Я рада, что вы так думаете. – Мелани взобралась на табурет возле стойки. – Мне, пожалуйста, скотч и сухое имбирное. Кажется, мне это очень необходимо. – Она нахмурилась. – А почему вы все еще здесь? Колледжи начинают учебу в конце января.

Джефффри поднял брови, пуская в ее сторону стакан и маленькую бутылочку с имбирным.

– Да, это так. Но положение изменилось, и мне предложили остаться.

– Понимаю. – Мелани отхлебнула из стакана. – У вас все в порядке? Никто не болен, ничего ни с кем не случилось?

Джефффри снова начал полировать стаканы.

– Не совсем у нас, – сказал он задумчиво. – На самом деле это с Дженни.

– Дженни Крэйг? – Мелани пристально взглянула на него.

– Да. Вы с ней встречались, не так ли?

– Разумеется. Так что с ней?

– Ну, вы, конечно, знаете, что она вообще не слишком здо-

рова. Я хочу сказать, всегда была болезненной. Всегда была склонна к кашлю и простуде. К такого рода хворости. Но, скажем, обстоятельства сложились так, что ей становилось все хуже. Несколько недель назад она заболела бронхитом и получила осложнение на сердце. Сейчас она прикована к постели, и дело, кажется, плохо.

– О, нет! – Мелани посмотрела на него. – Как ужасно! – Она сделала беспомощный жест рукой. – Я полагаю, твой брат сильно обеспокоен.

– Мы все, – со вздохом согласился Джеффри, – конечно же, Шон тревожится. Он так привязан к ней.

– Да.

Мелани ощутила резкую боль в области сердца, когда Джеффри сказал эти слова, и ужасное чувство беспокойства охватило ее. Всю дорогу от Лондона она ощущала сдержанное волнение, и хотя никак не связывала его с Шоном Босуэлом, но догадывалась, что это из-за него. Бесполезно было доказывать себе, что Аконит был единственной причиной приезда в Кейрнсайд, но теперь этот нарыв прорвался, и она чувствовала, будто из нее выпустили воздух.

– Но объясните мне, – продолжал Джеффри, – что вы делаете здесь? Вы хотите тут поселиться?

Мелани вздохнула.

– Я... я хочу пожить здесь некоторое время, – задумчиво сказала она. – По крайней мере, намеревалась. Я подумала, что могла бы оставаться здесь, пока Аконит не станет обита-

емым, а тогда...

– Но я думал... – Джефффри остановился на полуслове, и Мелани услышала, как кто-то приближается к ним.

Круто повернувшись, она сразу же залилась краской, встретив задумчивый взгляд Шона Босуэла. На нем были темные брюки и шелковая матросская рубашка, с отложным воротником, открывавшая стройную мускулистую шею, а выражение глаз было таким, что ноги ее мгновенно ослабли.

– Что вы тут делаете?

Первые его слова поразили ее своей горечью, и она беспомощно покачала головой.

– Я... я...

– Не говорите мне, что вы приехали снова осмотреть ваше имение! После наших бесед в Лондоне это не пройдет! – Он остановился на расстоянии фута от нее, держа руки по швам.

– В сущности, я приехала, чтобы жить здесь! – ответила она, сползая со своего табурета.

– Жить здесь! – Шон поднял глаза к небу. – Что за бессмыслица? Я понимаю вашего жениха...

– Давайте не упоминать о моем женихе! – огрызнулась Мелани натужно. – Вопрос моего выбора – мое дело и больше ничье!

– Но это не так, если в дело вовлечены другие люди! – сердито возразил Шон. – Послушайте, – он пытался говорить спокойно, – послушайте, если вы хотите жить в отеле, пожа-

луйста, я это устрою, но давайте оставим в покое Аконит, пока у вас есть время для того, чтобы рассмотреть два моих предложения.

Мелани посмотрела на него с такой уверенностью, на которую только была способна.

– Мне кажется, что в такой момент вам не стоит заниматься изысками по поводу моего места проживания. Джеффри рассказал мне о Дженнифер. Я сожалею. Как у нее дела?

Шон через ее голову посмотрел на брата. И тут же перевел взгляд на нее.

– Дженнифер больна, – сказал он уклончиво. – Но пусть это никак не будет связано с вашими планами!

Мелани снова была поражена горечью, прозвучавшей в его голосе. С неловкой настойчивостью она спросила:

– Могу я увидеться с ней? Мне... мне очень хотелось бы.

Шон глубоко вздохнул.

– Это возможно, – ответил он и поворошил рукой свои густые волосы. – Элен сказала мне, что вы хотите занять свою прежнюю комнату?

– Если это возможно, то да.

Шон сделал шаг в сторону и прислонился к стойке бара.

– Полагаю, что это можно будет устроить. Время, когда подают еду, вы, конечно, знаете.

Мелани неуверенно кивнула. Она не допила свой напиток, но ей больше не хотелось. Бросив неловкий взгляд в сторону Джеффри, она повернулась и пошла к двери, чувствуя, что

Шон провожает ее взглядом.

На следующее утро Мелани проснулась с ужасным предчувствием какого-то несчастья, нависшего над ее головой. Сначала, в те сладкие моменты перед полным пробуждением, она не могла понять, откуда это ощущение, но теперь все вспомнилось ей с пронзительной ясностью. Она находится здесь, в Кейрнсайде, в «Черном быке», и ее подавленность происходит оттого, что вчера вечером она впервые призналась себе в том, что вопреки всему влюбилась в Шона Босуэла.

Повернувшись вниз лицом, она зарылась в подушку, пытаясь отогнать эти мысли. Как она допустила, что такое могло случиться? Как она могла влюбиться в человека, который постоянно обращается с ней невежливо и неуважительно? В человека, который, более того, рассматривает ее просто как препятствие на своем пути.

Она села на кровати и закрыла лицо руками, ее темные волосы как занавес рассыпались по плечам. Она должна держать себя в руках. Никто не должен даже заподозрить, что она к нему чувствует, иначе ее унижение будет полным.

Выскользнув из постели, она заправила пряди волос за уши и подошла к туалетному столику, чтобы взглянуть на себя в зеркало. На нее смотрели оттуда расширенные глаза, глаза, отражавшие лишь часть того отчаяния, которое она переживала. Она изучающе провела рукой по гладкой коже своего плеча, скользнула по темно-синему шифону пеньюа-

ра и вгляделась в себя с буквально клиническим интересом. Что в ней такого, что заставляет Шона Босуэла так сильно презирать ее? Что она такое сделала, за что он так ее ненавидит? В конце концов, он заботился о Дженнифер так, как не заботился ни об одной другой женщине, так почему же к ней он упорно относится так сухо и бесчувственно?

Она была настолько поглощена своими мыслями, что не услышала легкого стука в дверь, и когда дверь отворилась, она удивленно оглянулась, ожидая увидеть Джози, горничную.

Но это была не Джози. Мягко закрыв дверь за собой, в комнату вошел Шон Босуэл.

Мелани встала, на мгновение застыв, в то время как его глаза беспокоящим взглядом окинули ее фигуру, подчеркнутую шифоновым пеньюаром, но затем, с возгласом изумления, она потянулась за домашним халатом.

– Я стучал, – сказал он хриплым голосом, пока она туго подпоясывала стеганый халат, покраснев буквально до ногтей.

– Что вам нужно? – спросила она напряженно. – Или это у вас что-то вроде *droit de seigneur*⁶? – Теперь она говорила с горечью, не в силах скрыться от него за ширмой негодования.

Шон помрачнел.

– У вас нет повода так говорить обо мне! – возразил он.

---

⁶ *Droit de seigneur* – (*фр.*) право сеньора (право первой ночи).

– Разве? – Мелани сцепила пальцы рук. – Почему вы здесь? О таком шотландском обычае я что-то не слышала.

– Прекратите ворчать! – резким тоном сказал он. – И не повышайте голос. Я не хочу, чтобы весь отель знал, где я нахожусь.

– Готова поклясться, что не хотите!

Мелани, вся трепеща, повернулась, подошла к окну и оперлась на подоконник.

– Мелани, послушайте меня, черт вас побери! – воскликнул он. – У меня мало времени. Но я хотел бы поговорить с вами перед тем, как вы увидите с Дженнифер.

– Я смогу увидеть ее сегодня?

– Да. Я был у нее дома вчера вечером, и когда я сказал ей, что вы здесь, она обрадовалась. Она любит вас.

– Я знаю. – Мелани снова повернулась к нему. – И вы боитесь, что я расскажу ей о том, что произошло в Лондоне?

– Нет. Я не думаю, что вы так жестоки. Я просто не хочу, чтобы вы тревожили ее рассказом о том или ином окончательном решении, принятом относительно Аконита.

– Аконит! – Мелани с трудом сдерживалась. – Ну конечно. Вот почему Шон так добивался этого дома. Чтобы воспользоваться им после того, как женится на Дженнифер.

– Да, Аконита, – повторил Шон. – Просто не говорите о нем. Если она спросит, зачем вы приехали, можете сказать ей, что хотите еще раз осмотреть имение. Я не думаю, что она будет настаивать на подробностях. Она слишком слаба.

– Понимаю, – сказала Мелани. Она наклонила голову, и волосы упали темным водопадом на ее щеки. – Я... я... порой мне хочется, чтобы этот дом никогда не оставался мне в наследство!

– Мне тоже, – мрачно произнес Шон.

Мелани подняла голову, пытаясь подавить боль, которую вызвали у нее его слова.

– Почему вы меня так не любите? – хрипло спросила она.

– Не люблю вас? Не люблю вас? Это не те слова, – сказал он. Его глаза потемнели от наплыва чувств. – Я мог бы употребить более сильные эпитеты, но «не люблю» к их числу не принадлежит!

Мелани задрожала.

– Могу я сделать из этого вывод, что вы пользуетесь удовольствиями там, где их находите? Ведь вы не считаете неприемлемым заняться любовью с женщиной, которую вы так явно ненавидите?

Шон сделал движение в ее сторону, но остановился.

– Физически вы взяли верх, – сказал он резко, – физически я хочу вас. О, да, я это признаю. Все мои инстинкты требуют, чтобы я взял то, что мне предложено. Вы думаете, что когда я увидел вас стоящей здесь в этой шифоновой комбинации, я не хотел заняться с вами любовью? Я не хотел? Я и сейчас хочу! Вот поэтому мне надо, чтобы вы уехали из Кейрнсайда, прочь от Аконита, подальше от меня!

– Это из-за Дженнифер? – мягко и прочувствованно ска-

зала Мелани.

– Из-за Дженнифер, да! – сурово ответил он. – И потому, что вы играете в игру без правил!

– Что вы имеете в виду? – уставилась на него Мелани.

– Эту комедию с помолвкой, которая у вас с Майклом Кроксли!

У Мелани задрожали губы.

– Наша помолвка с Майклом расторгнута.

Он недоверчиво прищурился.

– Вышутите?

– Нет, я говорю серьезно. Эта помолвка, как вы говорите, была комедией!

– О, Мелани! – Он произнес ее имя измученным голосом.

– Ради всего святого, продай мне Аконит! Разделайся с этим домом раз и навсегда!

Мелани крепко обхватила себя руками.

– Ты так сильно хочешь, чтобы я уехала?

Шон на минуту закрыл глаза, словно пытаюсь отгородиться от нее, а затем шагнул к ней, взял ее руку и поднес к своим губам ладонью вверх. Его теплые губы были нежнее, чем она когда-либо их ощущала, и когда его поцелуй коснулся сетки вен на запястье, дрожь ожидания пронзила ее. Умело и не спеша он скользнул пальцами вверх по ее руке внутрь рукава ее халата, лаская нежную плоть с ритмической настойчивостью. Мелани смотрела на него, затаив дыхание, а он глазами обвел всю ее сверху донизу, а затем посмотрел на ее рот так,

что она почти ощутила напор его поцелуя.

– Вот видишь, – сказал он глубоким голосом, – я не всегда такой варвар. Ты боишься меня?

– Пожалуй, себя, – хрипло ответила она.

– Ты меня пугаешь! – проворчал он более твердым тоном.

– Да, Мелани, ты пугаешь меня! Когда я с тобой, я забываю, в чем состоит мой долг, я хочу забыть о том, чего от меня ждут, и рискую своей бессмертной душой!

С этими словами он оттолкнул ее от себя и, оставив ее, потрясенную до глубины души, стоять посреди комнаты, пошел к двери.

– Послушайся моего совета, – сказал он резко. – Уезжай из Кейрнсайда! Прежде, чем случится то, о чем мы оба будем жалеть.

Мелани была уязвлена и в своей обиде хотела уязвить его так же.

– Ты хочешь сказать, – спросила она неуверенно, – что история повторяется? А ты точно сын своего отца?

Он с горечью посмотрел на нее долгим взглядом, а затем молча вышел вон, хлопнув дверью.

Мелани, ослабев, опустилась на кровать, закрыв лицо руками. Зачем, ох, зачем она это сказала? Это было опрометчиво, и Шон не забудет и не простит этих слов. Дрожащими пальцами она стерла слезы со щек. Она сбежала из Лондона от ситуации, которую не могла контролировать; теперь ей пришлось бы бежать из Кейрнсайда по той же причине?

Неужели она не сможет прекратить эти бегства?

Позже, тем же утром, позавтракав только чашечкой кофе безо всего, она столкнулась в холле с Джефффри.

– О, привет, вот и вы, – обрадовался он. – А я вас ищу. Вы готовы?

– Готова к чему? – нахмурилась Мелани.

Джефффри игриво хлопнул ее по плечу. – Ехать в Лохсайд, конечно.

– В Лохсайд? – Мелани тупо уставилась на него.

– В дом Дженнифер. На том конце деревни. Шон попросил меня отвезти вас. Вы же хотели увидаться с Дженни, ведь так?

– Дженнифер!

Мелани стало совестно. Вымученно улыбнувшись, она подтвердила:

– Конечно, хотела. Только понятия не имела, как называется дом. Мы едем сейчас?

– Время хорошее, как и всякое другое. Мне надо вернуться обратно, чтобы открыть бар в одиннадцать тридцать.

– Хорошо. Тогда подождите меня здесь.

Мелани побежала наверх и поверх свитера и теплых брюк накинула свое овчинное пальто. Она не позаботилась о макияже, и ее щеки выглядели несколько бледными.

Однако Джефффри, казалось, ничего не заметил, когда они сели в маленький автомобиль Мелани и поехали к дому Крэйгов.

Лохсайд был размером примерно с Аконит, но по комфорту безмерно превосходил его. В нем было устроено центральное отопление и повсюду развешаны ковры.

Они вошли в холл, отделанный светлым дубом, и как только за ними закрылась дверь, из комнаты справа появилась женщина и приветствовала их. Она была немолода. По мнению Мелани, ей уже перевалило за шестьдесят, но ее лицо оставалось моложавым. Волосы у нее были длинные и собраны сзади на затылке в пучок, а в одежде преобладали тусклые тона. Мелани решила, что это мать Дженнифер, но Джеффри вывел ее из заблуждения первой же своей фразой.

– Здравствуй, мама, – сказал он. – Я хочу представить тебе Мелани Стюарт. Мелани, это моя мама.

Глава одиннадцатая

Без преувеличения можно сказать, что Мелани была поражена. Она смотрела на эту женщину, словно не веря своим глазам, и едва заметила сама, что обменялась с нею вежливым рукопожатием.

– Так это вы – Мелани, – сказала миссис Босуэл с легкой улыбкой, – Дженнифер много говорила о вас.

Мелани с трудом сосредоточилась на происходящем и с виноватой улыбкой ответила:

– Простите. Да... да, я Мелани. Я... простите мне мой ошеломленный вид. Я думала, что вы мать Дженнифер.

– Мать Дженнифер умерла много лет назад, – спокойно ответила миссис Босуэл. – Джефффри, мистер Крэйг внизу, в лодочном сарае. Он просил, чтобы ты зашел к нему.

Джефффри сунул руки в карманы парки.

– Хорошо. Увидимся позже, Мелани.

– Да, – кивнула Мелани и после того, как Джефффри исчез в дверях, они вместе с миссис Босуэл прошли в кабинет, уставленный по стенам книжными шкапами.

– Я думаю, мы сможем выпить по чашечке кофе перед тем, как вы увидите с Дженнифер, – мягко предложила пожилая женщина. – Подождите минутку, я схожу за подносом.

Мелани снова улыбнулась, и женщина вышла. И только тогда долгим вздохом Мелани перевела дыхание. Она нико-

гда не думала, что мать Шона жива. Она как-то не представляла себе такой возможности и полагала ее умершей. То, что она обнаружилась тут, в доме Крэйгов, несколько смутило Мелани. В каком качестве она жила здесь? И как давно?

Ее размышления были прерваны появлением миссис Босуэл с подносом, на котором стояли кофейник и две чашки. Мелани расчистила место на письменном столе, заваленном бумагами, который стоял под окном, и миссис Босуэл, поблагодарив ее, спросила:

– С сахаром и сливками?

Мелани покачала головой.

– Только со сливками, спасибо.

– Прошу.

Мелани взяла чашку и приняла приглашение миссис Босуэл сесть. Она почувствовала, что в этом разговоре есть нечто большее, чем желание миссис Босуэл попотчевать ее утренним напитком, и ее нервы напряглись. После той сцены с Шоном Мелани была не в состоянии вынести еще одну с его матерью.

Но она тут же отбросила эти мысли. Она становилась мнительной. То, что она приглашена на чашку кофе его матерью, означало не более чем простую вежливость.

– Шон сказал мне, что вы надеетесь заново открыть Аконит.

Мелани стукнула чашкой о блюдечко.

– Да, – осторожно сказала она, – я пишу, знаете ли. В на-

стоящее время это не главное мое занятие, но я возлагаю на это большие надежды. Мне повезло, что я могу работать практически везде.

– Я понимаю, – миссис Босуэл нахмурилась, – и вы хотите использовать Аконит для этих целей?

– Да.

– А вы уверены, что вам понравится жить здесь одной? Это слишком большой дом для такой молодой девушки, как вы.

Мелани без необходимости помешала свой кофе.

– Одиночество не беспокоит меня. В самом деле, я впервые буду жить в своем доме. И я просто не могу этого дождаться.

– Вы знали своего двоюродного дядю?

– Нет, боюсь, что нет, – с сожалением сказала Мелани.

– Но вы кое-что слышали о нем с тех пор, как приехали сюда?

– О, да, – Мелани беспокойно посмотрела по сторонам. – Это милая комната. Мистер Крэйг здесь работает?

– Да. Это его кабинет. Здесь он занимается делами своих арендаторов. У него довольно большое поместье. – Миссис Босуэл говорила автоматически, но Мелани чувствовала, что мысли ее заняты вовсе не тем, о чем она рассказывала. Мелани с тревогой поняла, что ее первые предположения о характере предстоящей беседы подтверждаются.

Допив кофе, она решительно встала.

– Это было замечательно, миссис Босуэл. А теперь могу ли я повидаться с Дженнифер?

Миссис Босуэл также поднялась, поставив свою чашку.

– Я... я полагаю, да, – согласилась она. – Пойдемте.

Они поднялись по лестнице, которая изящным изгибом вела из холла наверх, и подошли к комнате на первой ее площадке. Внутри царила больничная атмосфера, насыщенная запахами антисептиков и мазей. Несколько пузырьков стояли на столике рядом с большой кроватью, на которой, почти затерявшись среди жестких белых простыней, лежала Дженнифер.

С того времени, как Мелани видела ее в последний раз, она, казалось заметно постарела, а худоба, которая и тогда была заметна, усилилась, достигнув почти полного истощения.

Однако, когда она увидела Мелани, ее глаза загорелись, и она предприняла попытку приподняться на локте, чтобы лучше рассмотреть гостью.

– Мелани! – слабым голосом воскликнула она. – Ты пришла навестить меня! Как это мило с твоей стороны. Садись, садись. Нейоми, дай стул для Мелани, пожалуйста.

– Не напрягайся, Дженнифер, а то опять начнешь кашлять, – ласково проговорила миссис Босуэл, – я принесу стул мисс Стюарт. Тебе еще что-нибудь нужно?

Дженнифер покачала головой, и миссис Босуэл тут же коснулась плеча Мелани, жестом показав ей на стул, сто-

ящий за ее спиной. Затем, бросив взгляд на больную, она неохотно вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

– Ну как ты? – спросила Мелани, наклонившись к девушке поближе.

Дженнифер пожала плечами.

– Настолько хорошо, насколько можно ожидать, конечно. А ты? Ты хорошо выглядишь. Я удивилась и обрадовалась, когда Шон сказал мне, что ты вернулась. Ты хочешь поселиться в Аконите?

Мелани прикусила губу.

– Нет... нет, в отеле. Я... э... я хотела убедиться, что все здесь в порядке.

– Я понимаю, – кивнула Дженнифер. – А твой жених с тобой?

Мелани вздохнула. Что она могла сказать?

– Нет, – ответила она. – Нет, Майкл в Лондоне. Мы... э... у нас в настоящее время кое-какие трудности. Я... я даже не знаю, поженимся мы или нет, – проще было сказать об этом неопределенно, потому что известие о принятом решении вызвало бы только новые вопросы.

– О, мне очень жаль. – Дженнифер сочувственно сжала ее руку. – Но я уверена, что все у вас поправится.

Мелани улыбнулась. Это было легче, чем произнести слова сожаления.

– Ты думаешь оставить за собой Аконит? – Дженнифер неожиданно вернулась к предмету, которого Мелани более

всего хотела избежать в беседе. – Я хотела с тобой об этом поговорить.

– Ты думаешь, это нужно? Ты и так слишком много говоришь, мне кажется. – Мелани неловко расправила затекшие пальцы. – Расскажи мне о себе. Чем ты занимаешься?

Дженнифер вздохнула.

– Да ничем особенно. Мелани, я прошу тебя, я хочу поговорить об Аконите. Кто-то все-таки должен тебе об этом рассказать. – Мелани беспомощно повернулась к ней, а Дженнифер продолжала:

– Шон никогда не расскажет, а Нейоми, хотя и может попытаться, но не сумеет всего объяснить.

Мелани прикусила губу.

– Я знаю о том, что мой двоюродный дядя был отцом Шона.

Дженнифер кивнула.

– Я знаю, что тебе это известно. Шон сказал мне. – Она принялась тереть покрывало. – Но я не думаю, что ты знаешь всю эту историю.

Мелани хотела бы узнать ее назло себе, но все же ей мешала нерешительность.

– Ты думаешь, что тебе следует рассказывать мне о делах, которые... которые, ну, в общем, не касаются меня?

– Но они как раз касаются тебя, – воскликнула Дженнифер. – В этом-то все и дело. Во-первых, мать Шона – это не та женщина, которая встретила тебя внизу.

– Что?! – Теперь Мелани пришла в полное замешательство.

– Нейоми – мать Джеффри и Элен. Она была второй женой Эндрю Босуэла. Он развелся с матерью Шона после того, как он родился на свет. Она жива, но живет не здесь, а в Эдинбурге.

Теперь Мелани была полностью поглощена этой историей.

– Ты хочешь сказать, что Эндрю Босуэл развелся с первой женой из-за Шона?

– И да, и нет. – Дженнифер слегка закашлялась, и Мелани подала ей воды, прежде чем она продолжила рассказ. – Понимаешь, была война, а Ангус Кейрни был морским офицером. Он приехал домой лишь ненадолго, в отпуск, встретил мать Шона и полюбил ее. Но она была замужем, правда, детей у нее не было, и она была еще привязана к Эндрю Босуэлу.

Дженнифер сильно прикусила нижнюю губу.

– Когда Ангус вернулся на свой корабль, Линда – так зовут мать Шона – Линда обнаружила, что беременна. Она испугалась, я полагаю, как и любая другая женщина в такой ситуации, особенно если учесть, что Эндрю был довольно суровый человек и думал, что отцом быть уже не мог, ты понимаешь меня?

Мелани кивнула, сдвинув брови.

– Ну, может быть, она поступила глупо, что не написала Ангусу, только она не сделала этого. А со временем, когда

Эндрю обо всем узнал, он заставил всех в деревне поверить, что ребенок его. Потом родился Шон. И когда Эндрю увидел ребенка, который должен был считаться его сыном, он чуть не сошел с ума. Он самым жестоким образом обвинил Линду в прелюбодеянии и отобрал у нее ребенка. А она не могла доказать, что он не отец, не впутывая сюда Ангуса, который был за тысячи миль отсюда и, может быть, мертв, поскольку в то время много говорили о морских битвах и военных потерях.

Мелани растерянно посмотрела на Дженнифер.

– Так Эндрю Босуэл оставил ребенка себе?

– Да. – Тонкие пальцы Дженнифер взволнованно двигались. – В то время любой суд принял бы такое же решение. Линда была практически заклеймлена как блудница, и ей пришлось покинуть Кейрнсайд.

– А когда Ангус вернулся, он узнал?

Дженнифер вздохнула с сожалением.

– Ангус вернулся через шесть лет, когда Линда стала дипломированной сестрой в Эдинбургском госпитале, а Шон стал общепризнанным сыном Эндрю. Тогда он ничего не узнал. Он узнал обо всем значительно позже.

– Но как же ему стало известно?

Дженнифер улыбнулась печальной, задумчивой улыбкой.

– Похожесть стала наводить людей на мысли. Ангус и Шон были буквально на одно лицо, у них и фигуры были одинаковые, и начались пересуды. Эндрю не выдержал – и все вы-

шло наружу.

– Понятно, – Мелани покачала головой, – а после этого его отец женился еще раз, и у него было еще двое детей?

– Если говорить о его приемном отце, то да. – Дженнифер пожала худыми плечами. – Можешь себе представить, каково было Шону. Он был совершенно потрясен. Он поехал повидаться с матерью и, несмотря на многолетнюю разлуку, сын и мать сразу же полюбили друг друга.

– А Эндрю Босуэл?

– Ну, он по-прежнему считал Шона своим сыном, и когда через три года он умер, то Шон сделался его наследником. При всем этом Ангус и Шон оставались хорошими друзьями, и хотя безусловно Ангус и Линда всегда были не более чем знакомыми, между ними тремя постоянно сохранялась определенная родственная связь.

– Так вот почему Ангус собирался сделать это завещание. Он должен был написать его до того... до того, как узнал...

– Он сделал это. Мелани, ты можешь представить себе страдания, через которые прошла Линда? Оказаться лишенной своего единственного сына таким ужасным образом, почти при его рождении!

Мелани покачала головой.

– Это, должно быть, произвело на нее губительное воздействие.

– Так оно и было. И Шон хорошо это знает. Обладая врожденным чувством ситуации, он сочувствует тому ужасному

выбору, который ей пришлось сделать. – Дженнифер теребила угол своей подушки. – Я хотела, чтобы ты знала, из-за чего Шон так хочет получить Аконит. – Она вздохнула. – Линда не могла вернуться сюда, когда Эндрю был жив, и даже после его смерти она не могла поселиться в отеле. Но дом Ангуса – дом, в котором был зачат Шон, – это совсем другое дело.

Мелани нерешительно поднялась.

– Ты хочешь сказать, что Шону дом нужен для его матери?

– Это так.

– Да, но если бы он только сказал мне...

– Он никогда не сказал бы. Я это знаю, – слабым голосом ответила Дженнифер, – он никогда не стал бы просить, это не его путь. Он хотел, чтобы решение было принято без всяких сентиментальных воздействий на твою психику. Но я... я не могу этого позволить, не попытавшись объяснить.

Мелани была смущена.

– Я так счастлива, что ты сделала это, – горячо сказала она. – Я должна была догадаться, что за его предложением крылось нечто большее, чем просто желание обладать домом. – Она снова повернулась к Дженнифер. – Не беспокойся, Шон получит этот дом.

– Но ты же не собираешься... я хочу сказать... – Дженнифер, казалось, совсем обессилела.

– Проговориться ему, что это ты сказала мне? Нет. – Мелани покачала головой. – Я не обману твоего доверия.

– Спасибо, – с облегчением сказала Дженнифер.

– Кстати. – Мелани провела пальцами по спинке стула, на котором только что сидела. – А почему здесь миссис Босуэл?

– Мать Джеффа? – Дженнифер подняла плечи. – Она домоправительница у моего отца. Когда Эндрю умер и Шон унаследовал отель, ей надо было куда-то пристроиться, и, поскольку моя мать умерла, а нам нужна была домоправительница, это оказалось идеальным решением.

– А она сама?..

– Знает ли она эту историю? О, да. – Дженнифер кивнула. – Она и Линда уже в возрасте. Я думаю, порой она тоже сильно это ощущает.

Мелани могла это понять. Ее собственный мозг гудел от этой путаницы, о которой она только что узнала.

Неожиданно отворилась дверь, и появилась Нейоми.

– Я думаю, что мисс Стюарт побыла здесь достаточно долго, Дженнифер, – мягко напомнила она, – в конце концов, доктор сказал, что время посещений должно быть ограничено.

Дженнифер улыбнулась вполне удовлетворенно.

– Все в порядке, Нейоми, – сказала она. – Мы с Мелани успели обо всем поговорить, не так ли, Мелани?

Мелани кивнула.

– Да. Да, разумеется. Я лучше пойду. Я зайду еще, Дженнифер!

– Да, заходи, – откликнулась она устало, и Мелани в со-

провождении пожилой домоправительницы вышла из комнаты и спустилась по лестнице в холл.

Там их уже ожидал Джеффри, и если Нейоми была расстроена, что ей не удалось поподробнее расспросить гостью, то Мелани этим была обрадована. У нее не было никакого желания разговаривать об Аконите в этот момент.

В машине, по дороге в отель, Джеффри смотрел на нее вопросительно.

– У вас потрясенный вид, – заметил он. – Что случилось? Дженнифер стало хуже? Наверное, мне тоже надо было подняться наверх и навестить ее, но у меня плохо получаются такие визиты.

Мелани собралась с мыслями.

– Нет, нет, у Дженнифер никаких изменений, – сказала она. – Думаю, что я простудилась, вот и все.

После ленча Мелани сразу же укрылась в своей комнате. Непринужденная беседа с четверьмя пожилыми обитателями отеля потребовала огромного напряжения всех ее сил, и она чувствовала себя измученной как физически, так и умственно. Ей также требовалось время, чтобы подумать, что ей делать и куда ехать, если она покинет Кейрнсайд.

Она стояла у окна и напряженно, сосредоточенно смотрела на площадку перед отелем. Единственным способом избежать презрения к самой себе в течение всей оставшейся жизни было немедленное возвращение в Лондон, Больше ехать

было некуда. Она прибыла сюда, чтобы отделаться от настойчивости Майкла, но в сравнении с ситуацией, создавшейся здесь, урегулирование конфликта с Майклом казалось мелочью.

Во многих отношениях такое решение было для нее счастливым исходом. В конце концов, после того, как обнаружилась сила ее влечения к Шону Босуэлу, для обоих невозможным стало находиться рядом. Даже в Аконите она была бы слишком близко. Что он имел в виду, когда понуждал ее уехать? То, что он находил ее физически привлекательной и больше ничего? Что он по этой причине не может доверять себе? Или он просто использовал все средства, имеющиеся в его распоряжении, чтобы заставить ее покинуть дом?

Она не знала этого. И не знала, как это выяснить. Но теперь в любом случае она не могла оставить Дженнифер.

Под конец этого ужасного дня Мелани позвонила поверенным в Форт-Уильям и назначила им встречу на следующее утро. Затем она упаковала все свои вещи за исключением тех, которые ей понадобятся перед отъездом, и спустилась на обед. Она должна уехать рано утром, до завтрака, и таким образом избежать ненужных объяснений. Поверенные все объяснят за нее.

Она едва прикоснулась к еде и оставалась за столом в состоянии летаргии, пока не подошла Джози и не убрала со стола. Тогда, улыбнувшись девушке, она встала и вышла в холл. В этот момент в отель вошел Шон, одетый в большую

голубую парку. Его волосы были слегка припорошены снегом.

Мелани захотелось съежиться под его взглядом, который он бросил на нее, прежде чем сказал:

– Опять пошел снег. Не хотите ли поставить свою машину в гараж?

Мелани прокашлялась.

– Э... нет, благодарю, – ответила она. Ей вряд ли удалось бы уехать незамеченной, если бы она стала утром извлекать свою машину из гаража.

Шон нахмурился.

– Я советую вам переменить решение. Ее легко можно будет вывести наружу, если она вам понадобится снова.

Мелани сцепила руки за спиной и крепко сжала их.

– Не беспокойтесь, мистер Босуэл, дома я оставляю ее довольно часто под открытым небом без особого для нее вреда, – сказала она и стала подниматься по лестнице.

– Мелани! – Его голос заставил ее остановиться, она медленно повернулась и взглянула на него.

– Да?

– Вы виделись с Дженнифер сегодня утром?

– Да, Джеффри проводил меня.

– Я знаю. Я спрашивал его. – Лицо Шона было напряжено, все его мускулы резко обрисовались. – Как она вам показалась?

Мелани зарделась.

– Я... она... Я была шокирована ее видом.

– Она упоминала Аконит?

Румянец Мелани стал гуще.

– Да.

– И что вы сказали ей?

Мелани издала дрожащий вздох.

– Я... я сказала, что приехала посмотреть имение. Как вы советовали.

– Вы говорили ей о разрыве вашей помолвки?

– Не совсем. – Мелани ухватилась за перила. – Послушайте, успокойтесь. Я не сказала ничего неуместного.

Шон расстегнул молнию парки.

– Пойдемте выпьем чего-нибудь вместе.

Мелани сдержалась.

– Мне что-то не хочется.

– Почему?

– Я не думаю, что это будет правильно.

– Почему? – Он пошел через холл по направлению к ней.

– У меня нет скрытых причин задавать эти вопросы. – Он впился в нее взглядом, – Я столь во многом отказываю себе.

Почему я всегда должен просить о том, чего я хочу?

Мелани отвернулась.

– Мне нужно уладить кое-какие дела.

– Вы сегодня уже побывали в доме?

– Нет!

Он все-таки вырвал это слово из нее.

– Он что, вас больше не интересует?

– О, Шон, пожалуйста! – Мелани не могла больше выдерживать это, не противопоставив ему своего нового знания, не выкрикнув всю безнадежность своей любви к нему и не заработав раз и навсегда наихудшего мнения о себе.

Поэтому, не говоря больше ни слова, она взбежала по ступенькам, а он остался в холле, глядя ей вслед.

Утром, в холодное предрассветное время, Мелани покинула отель. К огромному ее облегчению, машина завелась без затруднений, а ночной снегопад уступил место крепкому морозцу.

Она отъехала, не оглядываясь. Стесненность в груди чуть не задушила ее.

– Мелани! Где рисунки для алфавитной серии?

Десмонд Грэм вошел в мастерскую Мелани несколько месяцев спустя поутру в сильном возбуждении.

Мелани соскользнула со своего табурета и хлопнула по стопке рисунков, лежащих на краю ее стола.

– Вот они, – сказала она, вручая их ему. – Ты какой-то взволнованный! Что случилось?

Десмонду понадобилось время, чтобы усмехнуться.

– Да, ничего страшного, конфетка моя. Это сам мистер Харуэлл собственной персоной. Он хочет видеть их. Похоже, что тебе удалось создать себе кое-какую репутацию.

Джеймс Харуэлл был директор-распорядитель группы

компаний, среди которых «Десмонд Грэм паблишинг» считалась одной из второстепенных.

– Как это мило! – Мелани попыталась изобразить энтузиазм, которого от нее ожидал Десмонд. Хотя это известие должно было привести ее в восторг, так как означало, что ее работа, наконец, замечена, но в последнее время работа сделалась для нее всего лишь способом заглушить в голове все остальные мысли.

Десмонд исчез, унося пачку рисунков, а Мелани вернулась к прежнему занятию, то есть к иллюстрированию серии надписей, которые после съемки на пленку в определенной последовательности станут ее первым мультфильмом – новая затея, предпринятая Десмондом, находилась в процессе исследования. Всегда готовый вступить на новый путь развития, он посоветовал Мелани опробовать новинку, и она согласилась использовать один из собственных рассказов для этого эксперимента. Ничтожные различия в каждом последующем рисунке требовали чрезвычайной внимательности к деталям, и за работой она забывала об эмоциональном напряжении, которое порой грозило погубить ее.

Но даже здесь, в тишине ее мастерской, для нее не было забвения, и она понимала, что только время может облегчить невыносимое чувство одиночества, охватившее ее.

С тех пор, как она уехала из Шотландии, она ничего не слышала о Кейрнсайде. По пути обратно на юг она встрети-лась с поверенными в Форт-Уильямс и оформила передачу

Аконита Шону, поручив поверенным заняться всеми мелкими формальностями. Она была уверена, что они сочли ее сумасшедшей, узнав о том, что она передает такое имя человеку, который даже не является родственником, но свое мнение они оставили при себе. Она думала, что Шон напишет ей, когда узнает, что она это сделала, но когда он не написал, она сказала себе, что легко отделалась. Таким образом между ними не осталось ни малейшей связи, и она могла выкинуть из головы все воспоминания.

С Майклом она почти не встречалась. Обедая с Десмондом, она иногда видела его, обедающего с клиентом, а однажды даже с Вирджинией Бредбери.

На следующий день он встретил ее после работы, и пригласил вместе выпить, и Мелани поняла, что он хотел объяснить ей, почему он обедал с другой женщиной. Она не проявила к этому абсолютно никакого интереса и дала ему раз и навсегда понять, что между ними все кончено.

Во время уик-энда зашел Десмонд и сообщил, что ее работы произвели на мистера Харуэлла очень большое впечатление.

– Он хочет, чтобы ты попробовала силы еще кое в чем, – сказал он. – Реклама, например, тебя привлекает?

– Реклама? – Мелани покачала головой.

– Да. Мультипликационная реклама. Что-то вроде того, что ты делаешь сейчас, но вместо рассказов – информация о товарах.

– Понимаю, – вздохнула Мелани.

– Тебя это не вдохновляет? – разочарованно спросил Десмонд.

– О, ты же знаешь меня, Десмонд, – воскликнула Мелани, – в последнее время меня вообще ничто не интересует.

Десмонд нетерпеливо пожевал кончик сигары. Он давно догадался, почему Мелани так угрюма.

– Тебе надо собраться, девочка. При такой неопределенности дело дальше не пойдет. Этот мужчина – этот Шон Босуэл – он уже женился?

– Ты думаешь, я знаю? – болезненно вскрикнула Мелани.

– Ну ладно... Мелани, ради Бога, никто не поможет тебе, кроме тебя самой. Никакое количество жалости к себе не вернет его. Если ты хочешь бороться с неуверенностью, поезжай в Шотландию, поговори с ним, женатым или неженатым, наведи мир и порядок в своей душе.

– Нет! – с ужасом воскликнула Мелани. – Я не могу этого сделать!

– Ну, хорошо, хорошо. Но тебе надо собраться. – Лицо Десмонда смягчилось. – Голубушка, я был с тобой жесток, желая тебе добра. Ты знаешь.

– Да, знаю. – Мелани с сожалением сжала губы. – Все в порядке, Десмонд. Я подумаю об этом. О рекламе, я хочу сказать.

– Хорошо.

Десмонд похлопал ее по плечу и вышел, а Мелани слезла

со своего табурета и потянулась за пальто. Ее ждал одинокий вечер в квартире, и она было открыла рот, чтобы вернуть Десмонда. Она провела несколько вечеров в доме у Грэмов, и сегодня вечером нуждалась в компании, но Десмонд уже зашел в свой кабинет, и момент был упущен.

Глава двенадцатая

Она приехала домой примерно в шесть и поднималась по лестнице, копаясь в сумочке в поисках ключа. Однако какой-то звук наверху встревожил ее, и, взглянув туда, она заметила темную фигуру на площадке.

Ее рассудок подсказывал ей, что это галлюцинация, что эта тень – плод ее воображения, но она не могла сделать дальше ни шагу, не крикнув дрожащим голосом:

– Кто – кто это? Кто здесь?

Тень выдвинулась из темноты и вышла на свет, и ее глаза расширились, не веря самим себе. И в самом деле, у нее начались видения. Там, наверху лестницы, не мог быть Шон; этого просто не могло быть!

Повернувшись, сдерживая сдавленный всхлип, она бросилась назад вниз по лестнице, а звук шагов преследовал ее, дьявольски отдаваясь в ушах. Она уже добежала до входной двери, когда он поймал ее и, схватив за руку, не дал отворить тяжелую створку. Он дышал тяжело, почти так же, как и она, когда он резко повернул ее к себе лицом.

– Ради Бога, Мелани, – хрипло пробормотал он, – какого черта ты это делаешь?

Мелани отстранилась от него, все еще не до конца веря, что весь этот инцидент происходит не в безвыходных коридорах ее воображения.

Но как только она взгляделась в его лицо в приглушенном свете холла, ей сразу стало ясно, что это не тот Шон Босуэл, которого она помнила. Теперь его лицо и тело выглядели более худыми, и темные морщины появились возле глаз, казалось, провалившихся глубже в глазницы. Волосы были нестрижены и непричесаны, как будто он без конца теребил их густые заросли пальцами, и в них появились нитки седины, которых раньше не было.

И все же, несмотря на это, это был тот же самый мужчина, одно присутствие которого превращало ее в трепещущий комочек нервов и эмоций и возбуждало безответственные желания...

– Шон, – сказала она наконец, когда его глаза с некоторой горечью прищурились, реагируя на ее напряженный оценивающий взгляд, – Шон, что ты тут делаешь?

Шон отпустил ее и сунул руки глубоко в карманы темного пальто.

– Я приехал, чтобы повидать тебя. Задать несколько вопросов и получить на них ответы, – сказал он напряженно.

Мелани убрала за уши рассыпавшиеся волосы.

– Ты говоришь так мрачно. Попытайся понять, что я чувствовала минуту назад. Я подумала, что у меня галлюцинации. Я не могла поверить – ты здесь, на этой лестнице.

– Ты думаешь, я поверю твоим словам?

– Это правда, Шон, верь мне! – Она неуверенно коснулась его рукава. – Какие вопросы ты хотел мне задать?

Шон провел рукой по волосам.

– Я думаю, что лучше, может быть, задать их твоим поведенным, – резко проворчал он.

Мелани почувствовала, как холод проникает внутрь и охватывает ее внутренности.

– Я... я понимаю, – она неловко посмотрела вокруг, – а ты... ты не хотел бы подняться наверх, в квартиру? Я... ну, я думаю, что ты хотел бы чего-нибудь выпить.

Шон задумчиво посмотрел на нее.

– Я не уверен, что это хорошая идея, – проговорил он. – Ты... ты неплохо выглядишь... И много работаешь, я полагаю.

– Да. – Мелани не понравилась обыденность этого замечания. – О, прошу тебя, Шон, давай поднимемся в квартиру. Я прошу простить меня за глупое поведение! Но это оттого, что у меня был трудный день. Я просто устала – и все.

– Тогда я лучше пойду. – Шон утомленно поднял плечи.

– Шон, ради всего святого! Не говори со мной так! – Голос Мелани сорвался. – Пожалуйста, пожалуйста, не уходи!..

Шон посмотрел на нее долгим взглядом, а затем его железный самоконтроль, который сдерживал его так долго, словно лопнул, и он схватил ее за плечи и прижал к себе, страстно ища губами ее губы.

Мелани крепко вцепилась в него, забыв о сдержанности, не думая в этот момент ни о чем, кроме Шона и своего неодолимого влечения к нему.

Но тут сквозь завесу измученного сознания до нее дошло, что сдержанность Шона имела своей причиной его отношение к Дженнифер, и ею овладело чувство раскаяния. Задыхаясь, она оттолкнула его от себя и сама еле удержалась на ногах.

– О, Шон, – проговорила она, царапая себе щеки и не замечая горячих слез, переполнивших ее глаза, – мы не должны этого делать! Зачем ты пришел сюда?

Шон смотрел на нее, часто дыша.

– Мелани, ради Бога, не играй со мной! Не сейчас.

Мелани сделала глотающее движение. Это был момент истины, и она не была готова взглянуть ей в лицо. Она не могла позволить ему сделать нечто такое, в чем он потом обвинит ее. Она желала его – о, как она его желала; она хотела взять его в объятия и разгладить все эти морщины, которые оставили напряжение на его лице, хотела почувствовать страстную требовательность его желания и удовлетворить его единственно возможным образом, – полностью подчинившись ему. Она хотела всего этого, но не за счет Дженнифер.

И она трусливо побежала прочь, на этот раз вверх по лестнице к своей квартире и вбежала в гостиную, жестоко презирая сама себя.

Однако Шон Босуэл последовал за ней, и когда он закрыл за собой дверь гостиной, она знала; что время ее бегства закончилось.

– Мелани, – спросил он напряженным и строгим голосом,
– Мелани, почему ты перевела Аконит на меня?

Мелани перепугалась.

– Какое это имеет значение? Он теперь твой. Мне он не нужен. Ни чуточки.

– Ты думаешь, я его так просто и возьму? – настойчивым тоном спросил он.

Мелани нахмурилась.

– Что ты хочешь сказать?

– Почему ты убежала?

– Так много вопросов сразу, – с горечью воскликнула она.

– Шон, ты не имеешь права здесь находиться.

– Почему? – Лицо его помрачнело, и он пересек комнату, остановившись всего в нескольких дюймах от нее. – Скажи мне, почему? Скажи мне, что то, что произошло внизу, было только разыграно в твоих интересах – и я докажу тебе, что это не так.

Его руки скользнули по ее плечам к шее.

– Какая мягкая кожа, – хрипло пробормотал он. – Знаешь, мысли о тебе буквально сводили меня с ума в эти последние недели!

– Шон! – запротестовала она, отворачивая лицо в сторону.

Его глаза сузились.

– Что такое? Кроксли опять подобрался к тебе? – Он помял пальцами ее пальчик, на котором не было кольца.

– Нет, нет! – Мелани была в отчаянии. Ее навязанная са-

мой себе решимость бежать от него рассыпалась в прах в его присутствии. – Я вовсе не такая женщина, какой ты меня себе представляешь. Я хочу, чтобы ты ушел.

– А какой женщиной я тебя представляю себе? – хриплым голосом спросил он. – О, Мелани, я начинаю верить, что невозможное возможно. Скажи мне только одно, почему ты убежала? Потому, что ты отдавала мне Аконит, или потому что после того, что произошло между нами, ты больше не хотела меня?

Мелани сдвинула брови.

– Шон, ты должен знать, что это из-за Дженнифер...

Его лицо смягчилось.

– Из-за Дженнифер, – серьезно сказал он, почти про себя.

– Мелани, Дженнифер умерла.

– Что!

Мелани в смятении уставилась на него. Дженнифер – умерла? Это казалось невозможным.

– Но... но когда? – заикаясь, вымолвила она.

– Шесть недель назад.

Мелани сдержалась.

– Так значит вот почему... – она прикусила губу, – твоя худоба, эти морщины, а я думала... – Ее голос упал.

Он взял ее за плечи и пристально посмотрел ей в глаза.

– Мелани, и потеря веса, и эти морщины на моем лице – все это не только из-за Дженнифер. Прошло шесть недель с тех пор, как она умерла. Шесть недель, за которые я пере-

нес самые суровые муки, какие только может выдержать человек. Знаешь ли, что ты сделала со мной, когда убежала? Ты заставила меня понять, что все жалкие и себялюбивые дела и слова, которые я делал и говорил тебе, будут мучить меня до конца моих дней, и что у меня даже нет надежды сказать тебе, что я чувствую. Но, как ты уже сказала, была еще Дженнифер, и я не мог ее покинуть.

– Шон...

– Подожди минуту, – он не сводил с нее взгляда. – Здесь есть еще кое-что. Причины моей завязанности с Дженнифер были не совсем личного свойства. Совсем недавно – несколько дней назад – я узнал, что тебе известна история моей матери и все это скверное дело. Да, частично из-за этого я чувствовал определенный долг по отношению к Крэйгам. В то время, когда моя мать была так унижена моим... ну, Эндрю Босуэлом, только Адриан Крэйг и его жена помогли ей. Это они нашли ей жилье в Эдинбурге и поддерживали ее, пока она не смогла содержать себя сама. Я чувствую себя в глубоком долгу перед ними и их потомками. Я ведь несу за все это ответственность. О, я понимаю, что морально я за это не отвечаю, но, не появившись я на свет, жизнь моей матери сложилась бы намного проще. С Дженнифер мы всегда хорошо ладили, и когда я узнал о своих родственных отношениях с Ангусом, мне в голову втемяшилась мысль, что ни одна порядочная девушка не будет смотреть на меня как на достойного жениха. Я был еще почти мальчик в то время, и

для меня много значило то, что Дженнифер дарила меня своей привязанностью и поддержкой. Ты можешь это понять? Я никогда не смог бы обмануть эту привязанность.

Мелани молча кивнула, и он продолжал:

– Но после того, как приехала ты и начались все эти дела вокруг Аконита, я начал сознавать, что мои чувства по отношению к тебе имеют причиной не ненависть, а другую эмоцию, которую легко спутать с нею – любовь!

Мелани покачала головой.

– Но... но ты ждал все это время. Я хочу сказать, неужели ты не мог сообщить мне, что Дженнифер умерла? Ведь тут было кое-что, что я могла разделить с тобой; я очень любила ее.

– Да, это была трагедия, и хотя она никогда не отличалась особенным здоровьем и последняя болезнь ужасно ее ослабила, все равно ее смерть была огромным потрясением для нас. Я тоже чувствовал себя виноватым. Я чувствовал, что мое ужасное влечение к тебе – причина беды. И только после доктор объяснил, что у нее было неизлечимо повреждено легкое и ей не помогли бы ни отдых, ни тщательный уход.

Мелани только покачала головой, подумав о силе благородства этой девушки.

– Дженнифер рассказала тебе о моей матери, не так ли? – продолжал Шон. – Если бы я только знал! Я думал – о, я не знаю, что я думал, полагаю, я ненавидал тебя, когда я

обнаружил, что ты покинула меня, даже не попрощавшись.

– Но как ты узнал, что мне все известно? – озадаченно спросила Мелани.

– Нейоми сказала мне. Дженнифер призналась ей после того, как ты уехала. Но Нейоми обещала ей хранить все в тайне, и только случайно я подслушал, как Джефф и его мать говорили обо мне. – Он покачал головой. – Они беспокоились обо мне и о том, как я отреагирую на то, что ты передаешь мне Аконит.

– О чем ты?

– А ты думаешь, что я имею в виду? Я не мог принять его, ты должна знать об этом.

– Но почему? – Мелани встревоженно посмотрела на него.

– Это ценный дом. Не такой ценный, как убеждал меня Кроксли, но достаточно дорогой. Как я говорил раньше, я куплю у тебя дом. Вот почему я здесь.

Мелани взглянула на него широко раскрытыми глазами.

– И это единственная причина?

– Это зависит от тебя. – Шон снова взял себя в руки.

– Что ты хочешь сказать?

– А что ты думаешь? Ради Бога, Мелани, ты что, хочешь, чтобы я опустился на колени и сказал тебе, что я люблю тебя, обожаю тебя, не могу без тебя жить!

Губы Мелани затрепетали. Вот была бы картина. Самоуверенный гордый Босуэл, стоящий на коленях и умоляющий о том, для чего ему было бы достаточно отдать приказ.

– О, Шон, – хрипло прошептала она. – Просто обними меня и люби. Я не знаю, можешь ли ты вообразить, что я могла бы чувствовать по-другому.

Шон еще некоторое время смотрел на нее, а потом прижал к себе. Его руки лежали на ее бедрах, его рот искал ее губы и, найдя их, углубился во внимательное изучение.

Когда он оторвался от нее, Мелани еще некоторое время стояла, вцепившись в него, а он густым, глубоким голосом увещевал:

– Я всего лишь человек, Мелани, и я очень хочу тебя. Но не здесь и не так. Я хочу жениться на тебе.

– А если я откажусь? – произнесли ее мягкие припухшие губы.

Его глаза потемнели и блеснули.

– Но ты этого не сделаешь?

– Я заключу с тобой выгодную сделку, – прошептала она, и, когда он вопросительно посмотрел на нее, продолжила: – Это касается нашей общей собственности. И если тебе ничто не препятствует, то...

– О, Мелани! – Он прислонился лбом к ее лбу. – Хорошо, хорошо, моя мать будет жить в Аконите, как я и планировал. Как ты думаешь, смогла бы ты жить в «Черном быке», пока мы не купим свой собственный дом?

Мелани задрожала от волнения.

– Я думаю, что смогла бы, – прошептала она, чуть коснувшись его щеки легкими пальцами.

Все было так, как говорил ей Десмонд. Когда люди женятся по любви, они не задают банальных вопросов...